

АЛЕКСАНДР
БЛОК

Александр Блок

3

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

В. Н. ОРЛОВА
А. А. СУРКОВА
К. И. ЧУКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1960

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

1907—1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1960

*Подготовка текста
и примечания
Вл. ОРЛОВА*

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР

(1909—1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я уйду, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой униженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

* * *

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигашь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

* * *

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно,—
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле,—
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, неожиданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душиен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

И нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной навек глухими снами,

Дано ей чують боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, —
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаваньё
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

* * *

С мирным счастьем покончены счёты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910

* * *

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910
Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал среди чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

* * *

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

* * *

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1910

* * *

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Esse homo!* *
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

* Се — человек! (лат.). — *Ред.*

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведал ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль стравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 — январь 1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

6 января 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале». —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью *Veneпа*, *
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

Привстал — и на другой свалился бок...
А гость меж тем — заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенья навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?

* Яд (лат.). — *Ред.*

Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротáх гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенья навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насыляет тишину,
Оттеньяет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздыхнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора*.

Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр».

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет. — Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бесшумно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сёр*.

2 ноября 1912

* * *

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

* * *

Как растёт тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесь мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащить до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, —
Что нүжды? — Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, —
Молилось и цело тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятья, — тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому*, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

21 февраля 1914

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.

Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:

Не выгорит — и пусть.

На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.

Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!

Средь всяких прочих дум —

Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть,

Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,

Но некому помочь:

Куда ни повернись — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похватъ, — а сердца нет.

Сердце — крашенный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близь меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(*Из Надсона и символистов*).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушённый чужими духами.

Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...
После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, грома *футуризм*,
Символизмом шпынял,
Заклучив *реализмом*.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...

Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше ль,*
Думаешь ты, *чтоб и новый*
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

7

Г О В О Р Я Т Ч Е Р Т И :

Грешн, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в иступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

Г О В О Р И Т С М Е Р Т Ь :

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушение тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свиданье, даже — любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощерись ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятия страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горячей головой!

Как первый человек, божественным стгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
 Ночь, день ли там, в окне?
 Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
 Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
 Кто смеет мне помочь?
 В опустошенный мозг ворвется только почь,
 Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
 Вопьется жадный взгляд...
 Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
 Когда ты крикнешь: *Да!*

29 января 1914

Испугом схвачена, влекома
 В водоворот...
 Как эта комната знакома!
 И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
 И, скрыв лицо,
 Пугливых рук свивает крепче
 Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
 Сквозь желтых штор...
 И чертит бог на теле спящей
 Свой световой узор.

2 января 1914

Ночь — как века, и томный трепет,
 И страстный бред,
 Уст о блаженно-странном лепет,
 В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
 Нет, не слова —
 То, что теряет всё значенье,
 Забрежжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
 Твоя в нем ложь!
 Тогда мой рот извивом алым
 На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

Я ее победил, наконец!
 Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
 Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
 Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
 На кольцо — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
 Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окón
 Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
 И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою,—

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекое, влажные доли
И близкое, бурное счастье!

Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910

ДЕМОН

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты ўзришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

9 июля 1910

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тихе воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908—1913)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сонутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозových.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волнения залила...

30 июля 1908

* * *

Ночь — как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День — как день; ведь решена задача:
Все умрут.

4 ноября 1908

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

3 февраля 1909

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозою сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над *блаженным*,
Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозрел впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

Март 1909

* * *

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окна шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

* * *

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Бесполоый гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

* * *

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

* * *

Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

Июнь 1909

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь
страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?

29 декабря 1912

* * *

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся мезтью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

ЯМБЫ

(1907—1914)

Fecit indignatio versum.

*Juven. Sat. I, 79 **

*Посвящается
памяти
моей покойной сестры
Ангелины Александровны Блок*

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914

* Негодование рождает стих. Ювенал. Сатиры, I, 79 (лат.). — Ред.

* * *

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хрипый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

* * *

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепухую;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909
Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светлы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Январь 1911

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...*
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909

* * *

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?*
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: *нет!*

Сентябрь 1911 — 7 февраля 1914

* * *

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

1910 — 6 февраля 1914

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

1911 — 6 февраля 1914

* * *

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.

1910 — 6 февраля 1914

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede. *

*Надпись под часами в церкви
Santa Maria Novella (Флоренция)*

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и царик.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и кладен их порог,

* Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратно минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом.

(Лат.). — *Ред.*

Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май — июнь 1909

* * *

Почнет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри влетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909

2

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлерей,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август 1909

3

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба

Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что́ поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, — живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая даль от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветер прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera...* монастырь Франциска...»

Июнь 1909

* Нынче вечером (итал.). — *Ред.*

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella,* смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Мэдицей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

* Прекрасная (итал.) — распространенное в Италии название Флоренции. — *Ред.*

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

Май — июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашии?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни
 Мой лихорадочный взгляд.
 Дымные ирисы в пламени,
 Словно сейчас улетят.
 О, безысходность печали,
 Знаю тебя наизусть!
 В черное небо Италии
 Черной душою гляжусь.

Июнь 1909

5

Окна ложные на небе черном,
 И прожектор на древнем дворце.
 Вот проходит она — вся в узорном
 И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
 И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909

6

Под зноем флорентийской лени
 Еще беднее чувством ты:
 Молчат церковные ступени,
 Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
 Храни хоть творческую ложь:
 Лишь в легком челноке искусства
 От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севэра.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими
тополями.

15 мая 1909
Settignano

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

ФЬЕЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плышет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьэзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909

СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..

7 июня 1909

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви.

Июнь 1909

* * *

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinéма!*

А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

Июнь 1909

Foligno

* Кинематограф (франц.). — *Ред.*

* * *

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело
.....
.....
.....

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквях она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздохатель тайный
Красы божественной — поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

12 июля 1909

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — неизвестную болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволия —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nec amoris locus sacer est».*

Май — июнь 1909
Perugia — Spoleto

* Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви
(лат.). — *Ред.*

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Благает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездой и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

4 июня 1909
Spoletto

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ*

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки
бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел — голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Мэдици, прежде чем я в низменный прах обращусь.

17 марта 1914

* Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAURENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908—1916)

ЗА ГРОБОМ

Божья мать *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венки случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что́ делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

*Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.*

1 августа 1908

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

8 ноября 1908

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невой,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклиблет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909

СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.

Чуть брежжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолей из чугуна.

И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». —

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

20 июня 1910

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала́ зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911 — 6 февраля 1914
Aber' Wrach, Finistère

* * *

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пусть и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении «Идиллий и элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

Сентябрь 1910

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

(При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

20 марта 1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(*Ответ*)

Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи.
Но меры нет страданию человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

23 марта 1912

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна» — Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

* * *

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

19 июня 1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирини райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движение и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум ослил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестью, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой —
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как иступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встреть,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор,—

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы».—

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас сй, жпзни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далекó,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломей
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

* * *

Похоронят, зароят глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что́ под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

* * *

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитая ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша,—
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908—1916)

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстриньы,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

22 мая 1908

* * *

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

* * *

И я любил. И я изведаль
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: *враг*; и слово: *друг*.

Их было много... Чтб я знаю?
Воспоминая, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: *страсть* и *жизнь* моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах пóутру идти!

28 мая 1908

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбачьих шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный выюн...

23 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтање!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мóрок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж — презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских выюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908

МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Украшь мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2

Жениха к последней двери
Проводив,
О негаданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,

Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко
Прожитой...
Спой о том, что не свершил он,
Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоём,
Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплещь желтых кос
Тучки утренней.

17 июля 1908

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,
Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

30 июля 1908

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

* * *

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

* * *

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908

* * *

Старинные розы
Несу, одиноко,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропой,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег.
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908

* * *

Уже над морем вечереет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигаю,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
Вся — в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбежный —
Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно:
Передо мною — ты опять.
Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

* * *

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколотная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

* * *

Я не звал тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тышине.

7 декабря 1908

* * *

Грустя и плача и смеясь,
Звенят ручьи моих стихов
 У ног твоих,
 И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
 Из очарованной дали?

8 декабря 1908

* * *

Опустись, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами йссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в забытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спаленá моя степь, трава свáлена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

30 декабря 1908

* * *

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездой
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздний слух был исполнен громами литавр,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чаш.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайτε — вновь он совется во тьму.
Беззакатного дня, легковерные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

19 января 1909

* * *

Покойник спать ложится
На белую постель.
В окне легко кружится
Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
На снежную постель.

Снежинок легкий пух
Куда летит, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
Настало *никогда*.

И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
Вздыхнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909

* * *

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжог и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь,—
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо...
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июль 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тѣнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всѣ — как призрак, всѣ — как бред,

Всѣ, что было, всѣ прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —

Не знал я, что в *лесу девичьем*
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запеваает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

1897—1909
Bad Nauheim

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольню льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуй,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом аллея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

23 марта 1910
Елагин остров

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальний,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим.*

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

Июль 1909

* * *

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всеи души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

* * *

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

7 сентября 1909

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.
Ушла. От всех великолений —
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертялая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910 — май 1914

* * *

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Бражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910

* * *

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах,—
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, вясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик — будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...

6 августа 1910

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

* * *

Без слова мысль, волнение без названья,
Какой ты плешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнией знания
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвеса
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знанием несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

* * *

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

* * *

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handá* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

* * *

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбаки эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

* * *

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...
«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!
В тумане да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я — который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинутаю назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,

Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

* * *

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доньше узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда былое без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастье.

12 декабря 1913

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стаи
Напоминает стаи газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

* * *

Ваш взгляд — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

* * *

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным —
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

* * *

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

* * *

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914

* * *

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..»—
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»

26 августа 1914

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

31 августа 1914

* * *

Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозь,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это жите
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

* * *

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915

КАРМЕН

(1914)

Л. А. Д.

* * *

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

* * *

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

* * *

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

* * *

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят заплата, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И вы уже (звездой среди ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,

И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне,—
Ваш образ, дорогой навек...

А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

* * *

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

* * *

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу,— и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он,— отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и лисы.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что́, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решоткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

Отдыхает осел утомленный,
 Брошен лом на песке под скалой,
 А хозяин блуждает влюбленный
 За noctную, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
 Но сегодня — таинственный путь
 Вновь приводит к ограде тенистой,
 Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
 И идут за часами часы,
 И колючие розы сегодня
 Опустилсь под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
 Если я уклонюсь от пути?
 Как бы в дверь соловьиного сада
 Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
 И руке не вернуться к труду:
 Сердце знает, что гостем желанным
 Буду я в соловьином саду...

Правду сердце мое говорило,
 И ограда была не страшна,
 Не стучал я — сама отворила
 Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
 Однозвучно запели ручьи,
 Сладкой песнью меня оглушили,
 Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, —
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что́ с тобою, возлюбленный мой?»

Но, впереясы во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мгlistом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибора
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стоп,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

РОДИНА

(1907—1916)

* * *

*Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему прииик.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.*

*О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.*

*И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.*

30 мая 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косою
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» —
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

* * *

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не поет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опущены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини — тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1907 — 29 августа 1914

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,

Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полунбчи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром зывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,

Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской осторожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

* * *

Вот он — ветер,
Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот — что ты мне сулила:
Могилла.

4 ноября 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальной усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святын не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

ПОСЕЩЕНИЕ

Г о л о с

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоем голосе — возгласы моря,
На лице твоём — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

В т о р о й г о л о с

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, — лишь ветер налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!

Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910
С. Шахматово

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редет.

Сентябрь 1910

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевой
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлет в кровати.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

* * *

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́нная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссе́нный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потопили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

14 мая 1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие — не в лад — *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам *ура*,
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застигает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

* * *

В. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый ответ в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Возьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«Нá хлеба, нá, нá грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

* * *

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздыхнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...

Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября 1913

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913

* * *

Из ничего — фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.
Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,
А здесь — опять, — дугой, спиралью,
Шаром, волчком,
Зеленый, желтый, синий, красный —
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

Октябрь 1913

* * *

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь отворил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивой тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол спрыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века.
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
Всё, всё.

Октябрь 1913

* * *

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,

Всё равно всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

Октябрь 1913

ВОЗМЕЗДИЕ

Юность — это возмездие.

Ибсен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы * рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увя! — забыть их нельзя, — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год — это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность.

* Предисловие было написано в связи с публикацией третьей главы поэмы. — *Ред.*

Далее, 1910 год — это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили, как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек — но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный Адам».

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также — в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрался знаменательный эпизод «Пантера — Агадир».

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, поле-

тов вниз головой, — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и возные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, расpirать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался, — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые — бицепсы, а потом уже — постепенно — более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое

время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.).

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится — таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquar'ах» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: «Два-три звена, и уж видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мои «Rougon-Macquar'ы» постепенно освобождаются от русско-дворянского *éducation sentimentale*, * «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся *fin de siècle*.**

* Чувствительного воспитания (франц.). — *Ред.*

** Концом века (франц.). — *Ред.*

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву — кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианическую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штывки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съездившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начнет топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешив-

ваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского *fin de siècle*, знаменитой *veuve Clicquot*;* еще более глухие — цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

12 июля 1919

* Вдова Клико (франц.) — марка французского шампанского, — по фамилии владелицы фирмы. — *Ред.*

ПРОЛОГ

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
¹⁰ Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
²⁰ И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —

И мир — он страшен для меня.
³⁰ Герой уж не разит свободно,—
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
⁴⁰ И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою,—
Но не за вами суд последний,
⁵⁰ Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую между,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
⁶⁰ Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.

Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
70 Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
80 Дроби, мой гневный ямб, камня!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
¹⁰ Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
²⁰ Не Рекамье, — а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя

- 30 Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
- 40 Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз
Волóчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
- 50 И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой

60 Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,

- 70 И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
- 80 Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

- Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
90 А здесь — по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется ура,
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
- 100 За самой городекой чертой,
Где светится золотоголовый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!

И пред растроганной царицей,
110 В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
120 И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
130 Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — среди своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенью,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны — пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
140 Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни

- 150 Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
- 160 На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

- Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сменять
На ранах корпию и вату,
Кто — на вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
- 170 Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, — как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера?

- В глазах любого офицера
- 180 Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом

Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
¹⁹⁰ Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
²⁰⁰ И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
²¹⁰ Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазающих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
²²⁰ У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь — в петербургском сентябре!

Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
230 Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чуёт
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё — не разогнать толпу;
240 Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря. —
И сам отец семейства даже
250 Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
260 Ты в ней — как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне заметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,

Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взглянешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
²⁷⁰ Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зданье —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок...
(Но, если б ты умом раскинул,
²⁸⁰ Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
²⁹⁰ И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись — увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папирской:
³⁰⁰ Среди прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,

Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
310 Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
320 Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
330 Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
340 Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится — и вдруг,

Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
350 Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза,—
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
360 И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохповенье,—
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.
Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
370 Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в безгливости природной
Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих волей.
Всё это может показаться
380 Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Опа всегда — меж двух огней.

Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
390 Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
400 (Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
410 Здесь был религии подобен.
«Семейство — вздор, семейство — блажь», —
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
420 Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,

И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
430 (В том видя долг гражданский свой),
А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
440 И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
450 Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещения,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
460 Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —

В душе он — старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:
То — недоварены форели,
470 А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая — томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
480 Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводит начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдливой —
490 Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало, —
Ворчит и хмурится отец, —
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
500 Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених — противник всех обрядов

(Когда «страдает так народ»).

Невеста — точно тех же взглядов:
Она — с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство тьмы»
(И лишь венчаться не согласна
510 Без флер д'оранжа и фаты).
Вот — с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,
Нечесанный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально», —
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невняты
520 Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
530 Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
540 Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой

Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
560 Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и большой вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
560 И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
570 Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славном»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь — до смерти рано;
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, — шалят;
580 Они — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять

Тех, с обреченными глазами:
Другая статья, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
⁵⁹⁰ И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сню старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди побутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
⁶⁰⁰ Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел — чертить за кругом круг,
⁶¹⁰ Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, — кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но — ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
⁶²⁰ Суровой жизни скрасить бремя,

Набраться сведений и сил
 Для «Дневника». (Он в это время
 С Победоносцевым дружил).
 С простертой дланью вдохновенно
 Полонский здесь читал стихи.
 Какой-то экс-министр смиренно
 Здесь исповедывал грехи.
 И ректор университета
 Бывал ботаник здесь Бекетов,
 630 И многие профессора,
 И слуги кисти и пера,
 И также — слуги царской власти,
 И недруги ее отчасти,
 Ну, словом, можно встретить здесь
 Различных состояний смесь.
 В салоне этом без утайки,
 Под обаянием хозяйки,
 Славянофил и либерал
 Взаимно руку пожимал
 640 (Как, впрочем, водится издавна
 У нас, в России православной:
 Всем, слава богу, руку жмут).
 И всех — не столько разговором,
 Сколь оживленностью и взором, —
 Хозяйка в несколько минут
 К себе привлечь могла на диво.
 Она, действительно, слыла
 Обворожительно-красивой,
 И вместе — добрая была.
 650 Кто с Анной Павловной был связан, —
 Всяк помянет ее добром
 (Пока еще молчать обязан
 Язык писателей о том).
 Вмещал немало молодежи
 Ее общественный салон:
 Иные — в убежденьях схожи,
 Тот — попросту в нее влюблен,
 Иной — с конспиративным делом...
 И всем нужна она была,
 660 Все приходили к ней, — и смело
 Она участие брала

Во всех вопросах без изъятя,
Как и в опасных предприятиях...
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

- Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один учешый молодой.
- ⁶⁷⁰ Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской:—
Похож на Байрона». — Слово
Крылатое все подхватили,
- ⁶⁸⁰ И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен» — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половинны
Никто, сам чорт, не разберет...
- ⁶⁹⁰ И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.
(Вообще, в нем странность замечали —
И всем хотелось замечать).
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
- ⁷⁰⁰ Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:

Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений,—
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
710 И то же порыванье к бездне.
Но — тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознанием.

Так

Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
720 Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
730 Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,

740 Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
750 И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн —
с Флобером).

Свобода, право, идеал —
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
760 И утверждал он, отрицая.
(Всё б — в крайностях бродить уму,
А середина золотая
Всё не давалась ему!)
Он ненавистное — любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант» — твердили все вокруг, —
Но, не гордясь (не уступая),
770 Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но младая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чужды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? — Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль

Властительно ложились руки,
780 Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё — как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)
И там — за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)
790 Какой-то образ — грустный, дальний,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть
должно:

Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
800 Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...).
810 Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он — жизнь, он — счастье,
он — стихия,

Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
820 И всё ее волнение множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она — почти сошла с ума...
А он? —

Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
830 Как бедный мучится ребенок,
Что счастье ребенку дать —
Теперь — в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То — ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...
840 «Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня, —
За что терзает и пугает
Он беззащитную, меня...
Он объяснения не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас — большим крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
850 Уже от ужаса — безумной,
Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:

⁸⁶⁰ Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим стадом...
Но — «глас народа — божий глас»,

⁸⁷⁰ И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной
Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятежный, —
Герой мой был совсем не прав...

⁸⁸⁰ Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И неудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:

⁸⁹⁰ Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы

И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать,—
900 Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку,—
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
910 Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта*.

В семье — печаль. Упразднена
Как будто часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путанно, и трудно:
То — над Россией дым стоит...
920 Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг — возвращается она...
Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

ВТОРАЯ ГЛАВА

〈Вступление〉

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
¹⁰ Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
²⁰ Колдун одной рукой кадил,
И стружкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
30 Штык свѣтил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
40 Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура»
50 Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете» —

60 Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
70 Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
80 Склонясь головой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпигеле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
90 И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...

Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
100 Спешил, поднявши воротник...)
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Отец лежит в «Аллее роз»,*
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —
И вот — в лучах больной зарп
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
¹⁰ Надуту мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Мечь! Мечь!» — в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
²⁰ Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

Вокзал заплеванной; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу — как тюрьма;

* Улица в Варшаве.

Отец, сраженный злым недугом, —
Всё внове баловню судеб;
30 Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, боже! —
Что́ здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забывтый лист осенних дней
40 Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея Роз»!.. —
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена, —
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,
Отец... и сын, едва дыша,
50 Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве
С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё — одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
60 Он за звонок берется смело
И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги
Он по ступенькам вверх бежит
Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу
И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы — сын профессора?» — «Да, сын...»

Тогда (уже с любезной миной):
70 «Прошу вас. В пять он умер. Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орлиный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловесный...

«Он славно отдохнет теперь» —
Подумал сын, спокойным взглядом
Смотря в отвóренную дверь...
80 (С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость плеч, —
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...
А ночь стоит, стоит в окне...)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих...»

90 Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их? —
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом... Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...

(Неопытному грудно смело
100 У мертвых пальцы разгибать).
И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,
Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица...
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,

- Гонимых по миру судьбой...
110 Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой».

- Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панхид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клок волос;
Всё шире с тайною тревогой
120 Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложение — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
130 Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
140 Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: «Воля».
Да! Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;

Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
150 А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... — На кладбище был мир.
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
160 Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаюсь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня — как три тяжелых года!
170 Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль — погода?
Или — сыновняя любовь? —
Отец от первых лет сознанья
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
180 (Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.

(А думы глупые, младые...)
И только добрый льстивый взор,
190 Бывало, упал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь;
А он, безумно расшальясь,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,
И он стремглав отцу вонзает
200 Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул...

Этот крик

С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилою, на «Воле», —
И сын очнулся... Вьюги свист;
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...
И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
210 Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатою.
Что там? Небесной красотою
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
220 Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale. *

* Чувствительное воспитание (франц.). «Education sentimentale» — заглавие романа Г. Флобера. — *Ред.*

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
230 Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудаком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
240 Поестъ — и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шгал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
250 Всё, что мы в жизни ценим строго:
Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
260 Коробки из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет

Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...
Так, с жизнью счет сводя печальный,
270 Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
280 Прямилась сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслышанные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
290 Людьми, и богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
300 Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,

Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
310 В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
320 Как женщина, терлет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!...)
А сын — он изменил отчизне!
330 Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых полякбв,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
340 Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,

Иль конь заржет — и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый повод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
350 По опустелой мостовой...
И вновь, пошкнивав головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, страствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над Варшавой
Звешит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бары,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные троттуары,
360 Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
370 Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает...
380 Вот — подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...

И он уж не один идет,
 А точно с кем-то новым вместе...
 Вот быстро под гору ведет
 Его «Кракбвское предместье»;
 Вот Висла — снежной бури ад...
 390 Ища защиты за домами,
 Стуча от холода зубами,
 Он повернул опять назад...
 Опять над сферою Коперник
 Под снегом в думу погружен...
 (А рядом — друг или соперник —
 Идет тоска...) Направо он
 Поворотил — немного в гору...
 На миг скользнул ослепший взор
 По православному собору.
 400 (Какой-то очень важный вор,
 Его построив, не достроил...)
 Герой мой быстро шаг удвоил,
 Но скоро изнемог опять —
 Он начинал уже дрожать
 Непобедимой мелкой дрожью
 (В ней всё мучительно сплелось:
 Тоска, усталость и мороз...)
 Уже часы по бездорожью
 По снежному скитался он
 410 Без сна, без отдыха, без цели...
 Стихает злобный визг метели,
 И на Варшаву сходит сон...
 Куда ж еще идти? Нет мочи
 Бродить по городу всю ночь. —
 Теперь уж некому помочь!
 Теперь он — в самом сердце ночи!
 О, черен взор твой, ночи тьма,
 И сердце каменное глухо,
 Без сожаленья и без слуха,
 420 Как те ослепшие дома!..
 Лишь снег порхает — вечный, белый,
 Зимой — он площадь оснежит,
 И мертвое засыплет тело,
 Весной — ручьями побежит...
 Но в мыслях моего героя

Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный звон...
430 Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
440 И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо — книгу между книг;
450 Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis* * Бранда воли,
460 А мир — прекрасен, как всегда.
.....

* «В полную меру» (лат.) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена. — *Ред.*

**ДВЕНАДЦАТЬ
СКИФЫ**

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Витя...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...

— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...

— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...

Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

Как пошли наши ребята
 В красной гвардии служить —
 В красной гвардии служить —
 Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
 Сладкое житье!
 Рваное пальтишко,
 Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
 Мировой пожар раздуем,
 Мировой пожар в крови —
 Господи, благослови!

Снег крутит, лихач кричит,
 Ванька с Катюкою летит —
 Электрический фонарик
 На оглобелях...
 Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
 С физиономией дурацкой
 Крутит, крутит черный ус,
 Да покручивает,
 Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
 Вот так Ванька — он речист!
 Катюку-дуру обнимает,
 Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
 Зубки блещут жемчугом...
 Ах ты, Катя, моя Катя,
 Толстоморденькая...

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Угорапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоя...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметя шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
 — Петька! Эй, не завирайся!
 От чего тебя упас
 Золотой иконостас?
 Бессознательный ты, право,
 Рассуди, подумай здраво —
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 — Шаг держи революцöнный!
 Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

...И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утянешь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И выюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Папмонголизм! Хотя имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал громá лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам печего терять,
И нам доступно вероломство!

Века, века — вас будет проклинать
Большое позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
(1909—1921)**

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я прихожу к тебе не дважды,
И нет, и нет возврата мне.
Но можешь видеть вечер каждый
Меня в долинах на коне.

.....
Иль я забыт, и длинный свиток
Моих страстей, моих тревог
Прибьет отец небесных пыток
На перекрестке трех дорог?

Июль 1909

* * *

Хрустальный твой бокал — и буря
За чернотой глухих портьер.
И вся дрожишь, глаза сощура,
Ты, соплеменница пантер.
Пускай за шелковым корсажем
Две розы смятые дрожат, —
Мы из презрения не скажем
Тех слов, что вечно говорят.

Октябрь (?) 1909

* * *

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли, —
Так и вы, мои
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.

Ноябрь (?) 1909

* * *

Тихая белая горница,
Тихой лампы лучи!
Ночь приняла, как любовница,
Все излишня мои.

1910

* * *

Голубые ходят ночи,
Голубой струится дым,
Дышит море голубым, —
Голубые светят очи!

15 апреля 1912

* * *

Люблю я страсти легкий пламень
Средь наших мелочных забот, —
Он — как в кольце бесценный камень,
Как древа жизни дивный плод...

Май 1912

НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звонче
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

25 октября 1912

ВОРОНА

Вот ворона на крыше покатоЙ
Так с зимы и осталась лохматоЙ...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

25 октября 1912

ТИШИНА В ЛЕСУ

После ночной метели

Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.

Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.

И деревья торжественным строем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлою силой
Ледяной и немой белизны.

Чье там брежжит лазурное око?
Как поляна из звезд — небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идет сквозь ночные леса.

Октябрь 1912

СОЧЕЛЬНИК В ЛЕСУ

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В свежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,

Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.

Октябрь 1912

* * *

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

* * *

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.

Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалю, тоскою
Задышал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечались
Алых два цветка.

И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.

25 декабря 1914

* * *

Милая девушка, что́ ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только — я здесь ни при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
Будешь ты многих пленять,

Что превратишься из женщины страстной
В умную нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены, —
Сколько блаженств и потерь! —
Вновь ты родишься из розовой пены
Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

* * *

От знающего почерк ясный
Руки прилежной и прекрасной,
На память вечную о том
Лишь двум сердцам знакомом мире,
Который вспыхнул за окном
Зимой, над *Ponte dei Sospiri...**

15 декабря 1915

* * *

В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.
Дитя, нам горестно и больно
Всходить по лестнице любви.

Сребристый месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,
И верь душе, и верь звянящей,
И верь натянутой струне.

Конец 1917

* Мост Вздохов (итал.). — *Ред.*

3. ГИПШИУС

(При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кишжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернацьонал!

1—6 июля 1918

РУССКИЙ БРЕД

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Три в автомобиле...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся туно
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память труна —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказа, снов не свяжешь
Бредовым...

Февраль 1918 — 8 апреля 1919

* * *

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным *кикапу*...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

Май 1919

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Текст для кантаты

1. ХОР ТАТАР

Идут века...
Бежит река...

Земля тяжка, черна, пусты поля...

Шумят пиры...
Трещат костры...
Гудит вдали, кружит в пыли, дрожит земля...

И жар костров
В разгар пиров —
И дальний зов — на бой — на бой — рази врагов!

В лязге сабель, в ржанье копей, в блеске брони
За сраженным, за сметенным — в погоню,
в погоню, в погоню!

Мечи стрелу в ночную мглу!..
Добей врага, гони, лети, скачи!..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи!..

2. АРИЯ НЕВЕСТЫ

(Невеста ждет жениха)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди, да журавли...

Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди, да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси ты от вражьей стрелы,
Сохрани ты от сабли его...

3—14 ноября 1919

* * *

Яблони сада вырваны,
Дети у женщины взяты,
Песню не взять, не вырвать,
Сладостна боль ее.

Август 1920

ДВЕ НАДПИСИ НА СБОРНИКЕ «СЕДОЕ УТРО»

1

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику — родной очаг,
И капитану — океан,
И деве — розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, — забвенью не предам.

23 октября 1920

2

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, —
Рука уж вывести готова

Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душею
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас она дала...

23—24 октября 1920

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!

Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Die Heimkehr

1

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

2

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;

В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелей.

3

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев,
Молча, бреду сквозь леса.

Светик далекий кажет
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед,

То яростным смехом залется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица-пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жметя отцовский пес.

4

Красавица рыбачка,
Оставь челнок на песке;
Посиди со мной, поболтаем,
Рука в моей руке.

Прижмись головкой к сердцу,
Не бойся ласки моей;
Ведь каждый день ты с морем
Играешь судьбой своей.

И сердце мое, как море,
Там бури, прилив и отлив,
В его глубинах много
Жемчужных дремлет див.

5

Играет буря танец,
В нем свист и рев и вой,
Эй! Прыгает кораблик!
Веселый пляс ночной.

Вздымает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

Вечер пришел безмолвный,
 Над морем туманы свились,
 Тайнственно ропщут волны,
 Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
 Садится на берег со мной;
 Белая грудь серебрится
 За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
 Всё крепче, всё больней,—
 Ты слишком больно душишь,
 Краса подводных фей!

«Душú тебя с силою нежной,
 Обнимаю сильной рукой;
 Этот вечер слишком свежий,
 Хочу согреться тобой».

Лик месяца бледнеет,
 И пасмурны небеса;
 Твой сумрачный взор влажнеет,
 Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
 Не сумрачней, не влажней:
 Когда я вставала из глуби,
 В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
 Глухо бьет прибой меж камней,—
 Твое сердце трепещет странно,
 Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
 Его трепет странен и дик,
 Я люблю тебя несказанно,
 Человеческий милый лик».

На дальнем горизонте,
 Как сумеречный обман,
 Закатный город и башни
 Плывут в вечерний туман.

Играет влажный ветер
 На серой быстрине;
 Траурно плещут весла
 Гребца на моем челне.

В последний проглянуло
 Над морем солнце в крови,
 И я узнал то место —
 Могилу моей любви.

Тихая ночь, на улицах дрёма,
 В этом доме жила моя звезда;
 Она ушла из этого дома,
 А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший руки,
 Не сводит глаз с высоты ночной;
 Мне страшен лик, полный смертной муки —
 Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты, призрак! Иль не довольно
 Ломаться в муках тех страстей?
 От них давно мне было больно
 На этом месте столько ночей!

Ты знаешь, что живу я,
 И спишь спокойным сном!
 Мой старый гнев проснется,
 И я сломяю мой ярём.

Ты знаешь — в старой песне:
Однажды в час ночной
Подругу юноша мертвый
В могилу взял с собой?

Поверь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я жив, у меня есть сила,
Сильней всех мертвых я!

10

Я Атлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плечи подьемлю,
Подьемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.

Ты сердцем гордым сам того желал!
Желал блаженств, блаженств безмерных
Иль непомерных — гордому — скорбей,
Так вот: теперь ты скорбен.

11

Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.

Только раз бы тебя мне увидеть,
Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, madame!

12

Три светлых царя из восточной страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифлеем?
У девочек всех, у мальчишек,

Ни старый, ни малый не мог рассказать.
Цари прошли все страны;
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.

Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало дитя,
Три светлых царя распевали.

Январь 1909

* * *

Когда-то в этом зале
Мы с вами обручились;
Где ваши слезы упали,
Теперь ехидны клубились.

Январь 1909

* * *

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду,— и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду, — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрытые окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделья и гнева,
И тело и лапы — как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумием взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы, —
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как та страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О, любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?»

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не пашел ответа».

6 ноября 1920

* * *

Вот май опять повеял,
Цветы зацвели и лес,
И тучки, розовея,
Плывут в синеве небес.

И соловьев раскаты
Опять зазвучали в листве,
И прыгают ягнята
В зеленой мураве.

Прыгать и петь не могу я,
Я лег, больной, в траву;
Далекий звон слежу я,
Я грежу наяву.

Январь 1921

* * *

Тихо сердца глубины
Звоны пронизали.
Лейся, песенка весны,
Разливайся дале.

Ты пролейся, где цветы
Расцветают томно.
Если розу встретишь ты —
Ей привет мой скромный.

27 января 1921

* * *

Только платьем мимоходом
До меня коснешься ты —
По твоим следам несутся
Сердца бурные мечты.

Обернешься ты, вперётся
Глаз огромных синева —
С перепугу за тобою
Сердце следует едва.

28 января 1921

* * *

Гуляю меж цветами
И сам цвести могу;
Как сонный, спотыкаюсь
Почти на каждом шагу.

Держи меня, голубка!
Пожалуй, с пьяных глаз
К твоим ногам свалюсь я,—
А в саду ведь народ как раз.

28—29 января 1921

* * *

Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой,—

Так, любимая, спокойна
И ясна твоя дорога,
Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.

29 января 1921

* * *

Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца:
Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.

Ах! жаль, что юной розой
Украсила ты грудь,
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.

29 января 1921

* * *

Опять воскрешает мне память
Развеянный ветром образ —
Зачем меня волнует
Так глубоко твой голос?

Не говори: люблю!
Позор не минует, я знаю,
Прекраснейшего в мире —
Любви, весны и мая.

Не говори: люблю!
Целуй без слов, без клятвы,
Посмейся увядшим розам,
Когда принесу их завтра.

31 января 1921

* * *

Своим письмом напрасно
Ты хочешь напугать;
Ты пишешь длинно ужасно,
Что нам пора порвать.

Страниц двенадцать, странно!
И почерк так красив!
Не пишут так пространно,
Отставку дать решив.

Январь — февраль 1921

ПРОЛОГ

Чуть не в каждой галлерее
Есть картина, где герой,
Порываясь в бой скорее,
Поднял щит над головой.

Но амурчики стащили
Меч у хмурого бойца
И гирляндой роз и лилий
Окружили молодца.

Цепи горя, пути счастья
Принуждают и меня
Оставаться без участия
К битвам нынешнего дня.

3 февраля 1921

А В Е Т И К И С А А К Я Н

МОЕЙ МАТЕРИ

1

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг.
Мимо сердца с тоскою безумной —
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,*
Был бы сном я — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся и плакал бы, джан!

* *Джан* — ласкательное название.

Мне грезится: вечер мирен и тих,
 Над домом стелется тонкий дым,
 Чуть зыблются ветви родимых ив,
 Сверчок трещит в щелі, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
 Тихонько с ребенком моим грустит.
 Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
 И мать моя, молча, молитву творит.

«Пусть прежде всех поможет господь
 Всем дальним странникам, всем больным,
 Пусть после всех поможет господь
 Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
 Мать над сыном моим молитву творит,
 Сверчок трещит в щелі, невидим,
 Родимая ива едва шелестит.

* * *

Ал-злат наряд — мой детка рад,
 Индийский лал в ручонке сжал,
 Люль-люль, дар-дар, дитя — краса,
 Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,*
 Бровь — полумесяц, спи, дар-дар,
 Глазок — звезда, господень дар.

День настает, овца идет,
 Дитя всё спит и не встает.
 Вставай, капризничай, кричи,
 Гоп-гоп, на соску, на, соси,
 Топ-топ, тихонечко ходи.

* *Люль-люль, дар-дар, да-да* и другие восклицания в песне — чисто звукоподражательные, подобно нашему «бай-бай», и определенного значения не имеют.

Нет, сладкий сон тревожить жаль,
Щека — как сахар, как миндаль.

Джан божья мать, молю тебя,
От злого взора, наговора
Храни, храни мое дитя...

* * *

Был бы на Аразе у меня баштан* —
Посадил бы иву, розы я, да мак,
Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,
В шалаше бы вечно пламенел очаг!

Чтоб сидела рядом милая Шушан,**
Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушик лилейной отдыха не знать

* * *

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.

* * *

Во долине, в долине Сално *** боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытой цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

* Араз — Аракс, река. Баштан — сад.

** Шушан, Шушик — женское имя Сусанна.

*** Сално — горная местность в турецкой Армении.

Запевае кузнечик в кровавых полях,
И, в объятых предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут — и звучат,
Всё о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално́ туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

* * *

Под алмазным венцом
Среди звезд — Алагяз,*
Выше гор, выше туч
Он на троне сидит, развалясь.

Я помчусь за алмазным венцом
На крылах райской птицы Синам,**
К тем звездам обращаюсь я лицом,
Сердце снам и виденьям предам.

В сердце — рай, там поют соловьи,
Кущи роз, о любви плачет саз...
О, Заро! нас объятья мои
На алмазный умчат Алагяз!

* * *

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.

* Алагяз — гора.

** Синам — фантастическая птица.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.

О, нежный ветер, звездный свет,
Где яр* мой в эту ночь?
О, звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман, и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

* * *

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих — моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися —
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...

* Яр — милый,

* * *

Издали в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!

* * *

Я увидел во сне: колыхаясь, вясь,
Проходил караван, сладко пели звонки.
По уступам горы громоздятся и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки.

Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
Я — за нею, палимый тоской... Караван
Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,
Я лежал одинокий, отчаянья полн...
Караван уходил, и в далекой дали
Уходящие сладостно пели звонки.

* * *

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране,
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

* * *

Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.

Ланий зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день

* * *

Словно молнии луч, словно гром из туч,
Омрачен душой, я на бой пошел.
Словно стая туч над зубцами круч,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошел.

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей,
Ты ищи, сестра, воронá коня,
Он копытом бьет в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
На хмельном пиру, среди товарищей,
Взвост горный ветер, кинет горсть песка
В твоего дружка, на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Рассыпать цветы над могилою...

* * *

От алой розы, розы любви,
Увы — остались одни шипы!

Шипы сухие в сердце впились,
В младое сердце вошли они,
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви.

Всё, всё, что есть от дней весны, —
Вы, вы, колючие шипы!

* * *

Не глядись в черный взор,
В нем — безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор, —
Бойся черных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей, —
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся черных очей!

* * *

Снилось мне — у соленой волны,
Ранен в сердце, я тихо прилег;
Навевая мне нежные сны,
Набегает волна на песок.

Снилось — мимо проходят друзья,
Веселятся, поют и кричат;
Но никто не окликнул меня.
Я молчу, и тускнеет мой взгляд.

* * *

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы — кудрями отрет.

* * *

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Ноябрь — декабрь 1915

ПЛУДОНИС

РЕКВИЕМ

Лежать и мне в земле сырой!..
Другой певец по ней пройдет.

Козлов

Сон мой храните, возницы!
Тише влеките мой прах!
Чтоб не встряхнуть колесницы
Там, на курганных песках!..
Ветер, о чем твои муки?
Лес, что ты тяжко шумишь? —
Или, в томленьи разлуки,
Ты мне «прости» говоришь?

Ручеек! Твой поток
Быстро в роще гнет цветок!
Мой привет!.. Когда весною
Будут юных звать мечтою
Соловьи на берег твой, —
Порастет мой холм травой.

Помаленьку, шагком,
Бледным вереском, песком,
Где игра была мне в радость,
Где ребенку жизни сладость
Улыбнулась за холмом, —
Помаленьку, шагком!

Чу! Точно теплой струею
Дождик бежит по щеке:

Матери сердце больное
В жгучей изныло тоске.
Матери счастье сулил я,
Радости старческих дней,
Горе взамен навалил я
На спину бедную ей.

Мать, стой!.. Час-другой —
Смерть придет и за тобой!..
Там, где тишиной небесной
Насладится бестелесный,
Там мы встретимся опять, —
Потерпеть недолго, мать!..

Помаленьку, шагком
Мы до цели добредем...
Торопливо жизнь промчал я,
Второух и путь скончал я, —
Так пора забыться сном...
Помаленьку, шагком!

Нет, не под звоны бокала,
Не на паркетном полу, —
Мать моя люльку качала
В темном и дымном углу.
Слезы стекали ручьями
В полный до края сосуд;
Верными были друзьями —
Голод, да горе, да труд.

Так умри, сяк умри —
Только юностью гори;
Лишь огонь любви горящей —
Жизни свет животворящий,
Всем нам, всем судьбою дан
Мильды* сладостный обман.

Помаленьку, шагком,
Тихим долом и леском!..

* *Мильда* — богиня любви в латышской мифологии.

Уж звонят с кладбища... Тише!..
Поднимайте гроб мой выше
И несите в тихий дом
Полегоньку, шажком!

Кто на пути недвижимый,
Бледный, как мрамор, застыл? —
Братец мой! Братец любимый!..
Дорог ты в мире мне был!..
Стихли сердечные боли...
Мы разлучились в пути...
Здесь уж не встретиться боле,
Выйди, скажи мне «прости».

Замкнут круг — персть мне друг,
Не ломай напрасно рук:
Пусть, борьбой суровой свален
В груды трупов и развалин,
Пал товарищ боевой, —
Всё разит и бьет живой.

Помаленьку, шажком!..
Под дерновым бугорком
Не тревожьте погребенных,
Тягой жизни утомленных,
Усыпленных сладким сном...
Помаленьку, шажком!

Ветками елок — могила,
Зеленью дышит земля.
Тихая пристань укрыла
Сломленный стан корабля.
Радость и горе простыли,
Тяжкая смолкла борьба.
Да и тебя ведь к могиле
Гонит, счастливцев, судьба!

Человек прбжил век,
В ночь уходит человек...
Вот над бедною могилой
Встал другой — с живою силой
Мысль к великому стремится, —
Час настал — и он зарыт.

Полегоньку, шажком,
В тихий дом, в подземный дом! —
Пядь пути, еще мгновенье —
И навек успокоенье
Под дерновым холодком...
Полегоньку, шажком!

Милые! Кончено с вами:
Сырость ложится на грудь;
Здесь, в этой сумрачной яме,
Горестный кончился путь.
В белый песок испарится,
Словно сугроб от лучей,
Всё, чем борец веселится, —
Мир величавый идей.

Меркнет свет, солнца нет:
Дверь скрипит за мной вослед;
С шумом персть на гроб валится,
Холм песчаный громоздится...
Песня тихая, сквозь сон...
Отдаленный, сонный звон...

Помаленьку — уснем,
Помаленьку — уснем...

24 ноября — 1 декабря 1915

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Л. Онерва

НЕ СТРАШУСЬ

Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла свод:
Знаю — мощной мысли сила
Из могилы путь найдет.

Не страшусь, пусть вечер алый
Озаряет небосклон:
Тень улыбки самой малой
В книгу впишется времен.

И замолкший дух из бездны
Зазвучит издалека,
Упадая ливнем звездным
На грядущие века.

6 декабря 1915

И. Л. Рунеберг

НАШ КРАЙ *

Наш край, наш край, наш край родной, —
О, звук, всех громче слов!
Чей кряж, растущий над землей,
Чей брег, встающий над водой,

* Это стихотворение (вступительное к «Рассказам Фенрика Столя») стало финским национальным гимном.

Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?

Ступай, надменный чужевер,
Ты звону злата рад!
Наш бедный край угрюм и сер,
Но нам узоры гор и шхер —
Отрада, слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Нам люб потоков наших рев,
Ручьев бегущих звон,
Однообразный шум лесов,
Свет звезд, прозрачность вечеров,
Всё, всё, чем слух был поражен,
Чем взор был полонен.

Здесь с мыслью, с плугом и с мечом
Отцы ходили в бой,
Здесь ночь за ночью, день за днем
Народный дух пылал огнем —
В согласьи с доброю судьбой,
В борьбе с судьбою злой.

Кто счет народным битвам вел,
Когда всё вновь и вновь
Война неслась из дола в дол,
Мороз и глад за ним пришел, —
Кто мерил пролитую кровь,
Терпенье и любовь?

Да, здесь, вот здесь та кровь текла,
За нас текла тогда,
Душа народа здесь цвела
И тяжким вздохом изошла
В давно прошедшие года
Под бременем труда.

Здесь — наше всё, здесь — светлый рай,
Отрада наших дней!
Как рок жестокий ни пытай —
Он всё при нас, родимый край.

Что ж нам любить еще полней,
Святей и горячей?

И здесь, и там блуждает взор,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный простор,
Вон берега, вон рябь озер,
Взгляни на всё, как я взгляну
На милую страну.

И пусть на нас прольется свет
Из тверди золотой,
Пусть станет жизнь игрой планет,
Где слез не льют, где вздохов нет,
А всё — убогий край родной
Мы помянем с тоской.

О, край, многоозерный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!

Он расцветет, твой бедный цвет,
Страхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блеск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.

8 декабря 1915

ЛЕБЕДЬ

Июньский вечер в облаках
Пурпуровых горел,
Спокойный лебедь в тростниках
Блаженный гимн запел.

Он пел о том, как север мил,
Как даль небес ясна,
Как день об отдыхе забыл,
Всю ночь не зная сна;

Как под березой и ольхой
Свежа густая тень;
Как над прохладною волной
В заливе гаснет день;

Как счастлив, счастлив, кто найдет
Там дружбу и любовь;
Какая верность там цветет,
Рождаясь вновь и вновь.

Так от волны к волне порхал
Сей глас простой хвалы;
Подругу к сердцу он прижал
И пел над ней средь мглы.

Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.

24 января 1916

Н. Рунеберг

МАРШ МЕРТВЕЦОВ

Упорной колонной мы строимся там,
Где гибнут живые толпами.
Всё новые войны к нашим рядам
Идут, примыкают с годами.

Пробитая грудь, окровавленный лоб —
Так рать наша бьется из гроба,
Ее не пугают опасность и гроб,
Не трогают зависть и злоба.

Слабеет в сраженьи живая рука,
Оружие может сломаться,
А наши деянья не знают врага,
Не могут ничем запятнаться.

Да, новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами,
Победной колонной мы держимся там,
Где гибнут живые толпами.

11 декабря 1916

З. Топелиус

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Рабочие-друзи, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.
Мы мерим глубины озер и запруд,
Мы правим ремесла и пашем.

Упорным трудом
Мы ставим ей дом,
Чтоб мать не осталась на месте пустом,
В нужде не увяла,
Не стала рабой,
От нас получала
Свой хлеб и покой.

Рабочие-друзи, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.

Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает,
И сердца биенья мы слушаем все,
Лишь только борьба затихает.

Чтоб долг отплатить,
Добро отдарить,—
Мать в жемчуг и в золото надо рядить.
В поток полноводный
Ей любо смотреть;

Нам — жить с ней, свободной,
И с ней умереть.
Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает.

12 декабря 1915

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встают былые времена,
Плывут сказанья в вышине, как перья облаков,
И в сердце странно и светло, печально и легко.

И звезды ясно смотрят вниз, блаженствуя в ночи,
Как будто смерти в мире нет, спокойны их лучи.
Ты понял их язык без слов? Легенда есть одна,
Я научился ей у звезд, послушай, вот она:

Далёко, на звезде одной, в величьи зорь он жил,
И на звезде другой — она, среди иных светил.
И Салами звалась она, и Зуламит был он,
И их любовь была чиста, как звездный небосклон.

Они любили на земле в минувшие года,
Но грех и горе, ночь и смерть их развели тогда.
В покое смерти крылья им прозрачные даны,
И жить на разных двух звездах они осуждены.

Сны друг о друге в голубой пустыне снились им,
Меж ними — солнечный простор сиял, неизмерим;
Неисчислимы миры, создание рук творца,
Горели между ним и ей в сияньи без конца.

И Зуламит в вечерний час, сжигаемый тоской,
От мира к миру кинуть мост задумал световой;
И Салами в тоске, как он, — и стала строить мост
От берега своей звезды — к нему, чрез бездну звезд.

С горячей верой сотни лет упорный длится труд,
И вот — сияет Млечный Путь, и звездный мост
сожмнут;
Весь охватив небесный свод, в зенит уходит он,
И берег с берегом другим теперь соединен.

И херувимов страх обьял; они к творцу летят:
«О, господи, что Салами и Зуламит творят!»
Но всемогущий им в ответ улыбкой просиял:
«Я не хочу крушить того, что жар любви сковал».

А Салами и Зуламит, едва окончен мост,
Спешат в объятия любви, — светлейшая из звезд,
Куда ни ступят, заблестит на радостном пути,
Так после долгих бед душа готова вновь цвести.

И всё, что радостью любви горело на земле,
Что горем, смертью и грехом разлучено во мгле, —
От мира к миру кинуть мост пусть только сил
найдет, —
Верь, обретет свою любовь, его тоска пройдет.

24 января 1916

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В КАНГАСАЛА *

Качаюсь на верхней ветке
И вижу с высоких гор,
Насколько хватает зренья,
Сиянье синих озер.
В заливах Лэнгельмэнвеси
Блестит полоса, как сталь,
И нежные волны Ройнэ,
Целуюсь, уходят вдаль.

* Из «Песен птички» («Sylvias visor»). — *Кангасала* — в Тавастгусской губ. (недалеко от Таммерфорса). — В тексте — названия озер, которые видны с горы Харьюла.

Ясна, как совесть ребенка,
Как небо в детстве, синя,
Волнуется Весиэрви
В ласкающем свете дня.
На лоне ее широком —
Цветущие острова;
Как мысли зеленой природы,
Их нежит волн синева.

Но сосны сумрачным кругом
Обстали берег крутой,
На резвую детскую пляску
Так смотрит мудрец седой
Созревшие нивы клонят
Лицо к озерным зыбям,
Цветы луговые дышат
Навстречу летним ветрам.

Финляндия, как печален,
А всё красив твой простор!
И золотом и сталью блещет
Вода голубых озер!
Звучит и печаль и радость
В напевах финской струны,
И в мерном качаньи песен —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы у меня крыла.
Была б я орлом могучим
И к небу взлететь могла, —
Летела бы выше, выше,
К престолу бога-отца,
К ногам его припадая,
Молила бы так творца:

«Могучий владыка неба,
Молитве птички внимли:
Ты создал дивное небо!
Ты создал прелесть земли!

Сиять родимым озерам
В огне любви нашей дай!
Учи нас, великий боже,
Учи нас любить наш край!»

3 февраля 1916

Я. Тегенгрен

ЗЕМЛЯ ЕСМЬ

Мечтать о небесном царстве
Не надо душе моей,
Вон жаворонок трепещет —
Его крыло мне милей,
След вальдшнепа на пригорке,
И солнечный луч в траве —
Всё, всё, что звенит и блещет
И радуется земле.

Найду ль в неизвестном небе
Замену земных отрад?
Земля пробудила к жизни,
Земля возвратит назад,
В тот угол любимой персти,
Где отдых узнаю я.
Траве и светлой былинке —
Родная душа моя.

Душа — родная пылинке
На крылышках мотылька,
Росе прозрачной и чистой
В раскрытой чаше цветка.
Мечусь я с мятежным ветром,
С печальной птицей кричу.
Земля я, я — персть земная,
И в персть отойти хочу.

24 января 1916

СЕМ БЕНЕЛЛИ

РВАНЫЙ ПЛАЩ

1. ПЕСЕНКА ДЛЯ ГЕРАРДО

Карнавал, вертлявый бес,
В брюхо курице залез.
Курица в страхе
Жалуется папе!

Папа взял сухой сучок,
Покропил водой стручок,
Курица, проглоти,
Карнавала отпусти!

Сдуру курица взяла,
Проглотила — померла...
Карнавал прозевал,
Вместе с нею подыхал...

2. МОНОЛОГ ИЗУМРУДА

Ваш умный спор, синьоры, бесполезен.
Поэзия похожа на цветок.
Цветок играет всем богатством красок,
Цветет под знойной, жаркой лаской солнца.
Так и поэзия — она цветет
Лишь там, где жар любви ее ласкает.

И потому нет пúжды убирать
В наряды вычур душу молодую.
Довольно — волноваться и страдать.
Кто видел ночи дымку голубую,
Над садом разлитой вечерний свет,
И был в душе взволнован, — тот поэт.

(К академикам)

Когда бы только вам принадлежала
Поэзия, — она бы умерла,
Синьоры, с вами вместе. Для людей,
Не знавших ни страданья, ни любви,
Свет был бы пуст, они бы не нашли
Источника, где жажду утолить.

Август 1919

ШЕКСПИР

ПЕСЕНКА ДЕЗДЕМОНЫ

В тени сикоморы душа, изнывая...

Поют про зеленую иву...

Рука на груди, на коленях другая...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Бежали ручьи, отвечали томленьям...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Соленые слезы смягчали каменья...

(Отложи это.)

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

(Пожалуйста, уходи отсюда,— он придет.)

Про иву, про иву, она мне — зеленый венок.

Пусть он от людей не увидит прощенья,—

Мне мил его гнев и понятно презренье...

(Нет, это не то... Послушай! Кто стучит?)

(Э м и л и я. Это ветер.)

Неверным звала я... а он говорил...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Люби ты мужчин, как я женщин любил...

Ноябрь 1919

ШИЛЛЕР

БРУТ И ЦЕЗАРЬ

Отрывок

Цезарь

Сын, ты стал великим из великих,
Поразив отца кинжалом в грудь.
Пусть до адских врат несутся клики:
Брут мой стал великим из великих,
Поразив отца кинжалом в грудь.

.....

Брут

Погоди, отец! — Во всей вселенной
Одного я только знал,
Кто, как Цезарь, несравненный:
И его ты сыном называл.
Рим один лишь Цезарь уничтожит,
Цезаря один лишь Брут сразит;
Брут живет — так Цезарь жить не может,
Разойдемся — так судьба велит.

1919—1920

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

АВТОПАРОДИИ

1

За сучок сухой березы месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Бег минут топочущий вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.

Вечность ли вздохнула над березами кудрявыми?
Облака прозрачные на закат сбежали.
Синих елок крестники сделались кровавыми,
Крестники зеленые розовыми стали.

Встал я и задумался над ярким мухомором.
Что ж в груди затеплилось скрытое рыданье?
Мне не стыдно плакать под небесным взором:
В светлом одиночестве сладостно страданье.

2

Мне снилось недавно. Как будто в театральном
Стою я коридоре, и во все концы
Идут люди, люди. Отблеском печальным
Озарялись лица, и я знал: это мертвецы.

Были шедшие передо мной изящно одеты.
Но мгновеньями из-под причесок сверкали черепа,

Под шубами и ротондами чуялись скелеты,
Шла, говорила, смеялась пестрая толпа.

И я с нею слился, утонул в этом мертвом море.
Белые саваны, погребальные венцы.
Было скучно. Я смотрел в равнодушном горе,
И всё двигались, двигались мертвецы.

Январь 1913

«УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ»

(Составлено по трагедии Шьекспира)

Обстановка: «дежурный павильон», сооруженный
по указанию Евтихия Карпова

О н а

Зайди в хороший магазин
(Ты слышишь, не в плохой, в хороший),
Купи Агафьюшке калоши,
А мне — коробочку сардин
Копеек в шестьдесят — не больше
(А то есть в рубль — ту не бери),
А там, коль хочешь, до зари
Строчи свои статьи о Польше,
Забудь кузин, будь верен мне,
Не трать так много — мы не Крезы.
Ах, вот еще: купи поэзы
На Петербургской стороне
У букиниста. Требуй скидки
Процентов в десять. Положи
Дорогой эти две открытки
В почтовый ящик. Прикажи
Степану отнести картонки
К Захаровым. Вотри очки
Семену Ильичу Гребенке,
Чтобы Трезоркины щенки
Не околели слишком рано,
А то — неловко нам сказать

В глаза седому ветерану,
Папаше...

О н

Стой! Дай записать!

О н а

Ты попусту теряешь время,
А время — деньги. Так нельзя.

О н

О, непосильно это бремя!
И прямо в гроб — моя стезя!

О н а

Ты лучше б этот слог высокий
Для диссертаций приберег!

О н

До диссертаций ли? Все сроки
Я пропустил. И на порог
Меня не пустят оппоненты...

О н а

А кто ж, голубчик, виноват?
Не сам ли ты?

О н

(робко)

Вчера студенты
Кричали мне: «Виват! Виват!»

О н а

(смягчаясь)

Ну, то-то же. Хоть популярность
Свою сумей ты поддержать!

(Вновь ожесточаясь)

О, боже! Это ль не бездарность!
И мне за это отвечать!
Мне — внуке генерал-майора!

Нет! Если будет как теперь,
Я разведусь с тобою скоро
И к тетушке уеду в Тверь!

О н

Смени на милость гнев суровый
И выслушай меня, мой свет:
Я не такой уж бестолковый,
Как ты привыкла думать. Нет!
Я пошутил, и без записки
Запомнил порученья я...

О н а

Ш-ш-ш! Слышишь за стеною пiski?

О н

Ну что ж?.. Соседская свинья —
Не более, мой ангел...

О н а

Тише!

О н

А, может быть...

О н а

Молчи, осел!..

О н

А, может быть...

О н а

Что?!?

О н

...просто мыши...

О н а

Ты, кажется, с ума сошел!
Там режут, грабят, убивают!

О н

И в самом деле, вот те раз...

О н а

Тебе подумать не мешает,
Чтоб не зарезали и нас!..

О н

Так как же быть?

О н а

Закрой окошко.
И заряди свою пистоль...

О н

Изволь, мой друг, изволь, изволь...

О н а

Ах, боже мой, да это кошка...
И только-то!

О н

Что́ я сказал!

О н а

Болван!

О н

А ты — болвану пара.

О н а

Смотри! Я выйду за гусара,
Отец мой — важный генерал.

О н

Слыхали!

О н а

Что?!?!

О н
Слышали!..

О н а
Что же?

О н
Соврать недорого возьмешь!..

О н а
Что слышу я? О, боже, боже!
Давно бы так! Как ты хорош,
Приват-доцент мой славный, в гневе!

О н
Поговори еще!..

О н а
Герой!
Молчу, как подобает деве...

О н
(победоносно)
Тебе уж семьдесят второй!
(Поют и танцуют, взявшись за руки)

О н а
Я была буйней огня
И коней ретивых!

О н
Поучитесь у меня
Укрощать строптивых!

О н а
А теперь вот я усну,
Словно на перине!

О н
Только сплавлю я жену, —
Побегу к кухне!

О п а

Только сплавит он жену,—
Побежит к кухне!

Танцы

Эта пьеса тщательно рекомендуется для всех с.-петербургских театров-миниатюр, отличаясь по своему характеру веселостью содержания и производящая безусловный фурор на господ зрителей.

Всё ново! Сатира и юмор!

Всё оригинально!

Там же имеются заново роскошно отделанные кабинеты!
(Устрицы черноморские 10 шт. — 1 р. 50 коп., 5 шт. — 75 коп.)

15 декабря 1913

**СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ
«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

*(XIX столетие по Р. Хр.)**

Место действия — будуар герцогини.

Б л о к

...В конце ж шестого тома Гейне, там,
Где Englische кончаются Fragmente,**
Необходимо поместить статью
О Гейне в Англии: его влиянье
На эту нацию, и след, который
Оставил он в ее литературе.

* По структуре стиха и по некоторым оборотам языка приписывается Амфитеатрову. Во французском переводе пьеса называлась «Arlequin poli par littérature» («Арлекин, приглашенный литературой». — *Ред.*).

** «Английские фрагменты» (нем.). — *Ред.*

Т и х о н о в *

Кому ж такую поручить статью?

Б л о к

Немало здесь различных специалистов,
Но каждый мыслит только о своем:
Лозинский только с богом говорит;
Волынский — о любви лишь; Гумилев —
Лишь с королями. С лошадьми в конюшне
Привык один Чуковский говорить.

Ч у к о в с к и й

(запальчиво)

Неправда! Я читаю в Пролеткульте,
И в Студии, и в Петрокомпромиссе,
И в Оцупе,** и в Реввоенсовете!

Б л о к

Корней Иванович! Ведь вы меня
Не поняли! Сказать хочу я только,
Что вы один могли бы написать
Статью о Гейне...

Ч у к о в с к и й

(ехидно)

«Эссейс», вероятно,
Угодно было вам сказать?

Б л о к

Да-с. Эссей-с.

Ч у к о в с к и й

(с воплем)

Мне некогда! Я «Принципы» пишу!
Я гржебинские списки составляю!

* Реплики этого лица имеют только мужские окончания.

** И этот стих не дает разгадки понятия «Оцуп»; если это был человек, то Чуковский мог «читать» только в его душе; если — учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительная ячейка, где Чуковский читал лекции.

Персея инсценирую! Некрасов
Еще не сдан! Введенский, Диккенс, Уитмэн
Еще загромождают стол! Шевченко,
Воздухоплаванье...

Б л о к

Корней Иваныч!
Не вы один! Иль не в подъем? Натужьтесь!
Кому же, как не вам?

З а м я т и н

Ему! Вестимо —
Чуковскому!

Б р а у д о

Корней Иваныч, просим.

В о л ы н с к и й

Чуковский сочинит свежо и нервно!

В с е

Чуковскому! Чуковскому писать!

Чуковский пытается еще что-то возразить, но коллективный вопль всемирных литераторов заглушает его слабый голос. Дело грозит превратиться, как и во все исторические эпохи, в скверную историю. Чуковский, обессиленный, опускается в сломанное кресло, которому все еще нет цены.
Антон, входя, сует ему записку.

Ч у к о в с к и й

(слабым голосом)

Пусть подождут. Их сколько там?

А н т о н

Тринадцать.

Т и х о н о в

Итак, Корней Иваныч, сдайте нам
Статью в готовом виде не позднее,
Чем к Рождеству.

Ч у к о в с к и й

Какого года?.. Стиля?..

Т и х о н о в

Год — этот. Стиль — марксистам всё равно.

Ч у к о в с к и й

(пытаясь переменить разговор)

А, может быть, не Стиль, а Аддисоп?

Т и х о н о в

Нет, новый стиль.

Ч у к о в с к и й

(все еще притворяясь непонимающим)

Классический?

Т и х о н о в

Советский!!!

Чтоб было крепче, просим Евдокию
Петровну это записать.

Ч у к о в с к и й

(уничтоженный)

Сдаюсь...

Т и х о н о в

Счастливой вестью с вами поделюсь — — —*

Насколько известно, статья Чуковского «Гейне в Англии» действительно была сдана в набор после Рождества 1919 года. Она заключала в себе около 10 000 печатных знаков, ждала очереди в типографии около 30 лет и вышла в свет 31 вентоза 1949 года, причем, по недосмотру 14-ти ответственных, квалифицированных, забронированных и коммунальных корректоров, заглавие ее было напечатано с ошибкой, именно: «Гей не в ангелы».

Осень 1919

* В этом месте рукопись обрывается. Предполагают, что Тихонов завел речь или о керосине, или о дровах, или о пайке; во всяком случае о чем-то приятном, судя по тому, что здесь впервые появляется рифма.

ENJAMBEMENTS

Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кру́гом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

21 ноября 1919

СТИХИ О ПРЕДМЕТАХ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Нет, клянусь, довольно Роза
Истоцала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловьиный сад поблек,
Пропитанию угроза —
Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)
Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза —
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, —
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок?

В этом мире, где так пусто,
Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой,
Ежедневно в щи клади,
Не взыщи, что щи не густы —
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста

Превратят — того гляди
(«Книг чтоб не было в шкапу ста!» —
Скажет Брюсов, погоди),
И, когда придет Локуста,
К ней в объятья упади.

Имена цветка не громки,
Реквизируют — как раз,
Но посящему котомки
И капуста — ананас;
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,
А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
Здравствуем и посеичас
(Да-с).

Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?

6 декабря 1919

ПРОДОЛЖЕНИЕ «СТИХОВ О ПРЕДМЕТАХ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ»

(Приписываются В. Брюсову)

Скользили мы путем трамвайным:
Я — керосин со службы нес,
Ее — с усердьем чрезвычайным
Сопровождал, как тигр, матрос...

Вплоть до колен текли ботинки,
Являли икры вид полен,
Взгляд обольстительной кретинки
Светился, как ацетилен.

Когда мы очутились рядом,
Какой-то дерзкий господин
Обжег ее столь жарким взглядом,
Что чуть не сжег мой керосин.

И я, предчувствием взволнован,
В ее глазах прочел ответ,
Что он — давно деклассирован,
И что ему — пощады нет.

И мы прошли по рвам и льдинам,
Она — туда, а я — сюда.
Я знал, что с этим господином
Не встречусь больше никогда.

10 декабря 1919

* * *

Хотел я, воротясь домой,
Писать в альбом в стихах,
Но — ах!
Альбом замкнулся сам собой,
А ключ у Вас в руках,
И не согласен сам замок,
Чтобы вписал хоть восемь строк
Писать стихи забывший
Блок.

Июнь 1920

* * *

Как всегда, были смешаны чувства,
Таял снег и Кронштадт палил.
Мы из лавки Дома искусства
На Дворцовую площадь брели...

Вдруг — среди приемной советской,
Где «все могут быть сожжены», —
Смех, и брови, и говор светский
Этой древней Рюриковны.

15 марта 1921

ПРИЛОЖЕНИЯ

К «СТИХОТВОРЕНИЯМ»

ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К СБОРНИКУ «СНЕЖНАЯ НОЧЬ»

Северные ночи длинны, синева их изменчива, видения их многообразны. Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню — многоцветную снежную ночь. Называя ее именем последнюю книгу моего нынешнего собрания стихотворений, я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи — свет последних закатов, и ее медленную убыль — первые сумерки утра.

Январь 1912

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПОЭМЫ

ВОЗМЕЗДИЕ

(Варшавская поэма)

*Посвящается сестре моей
Ангелине Блок*

1

Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые...
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Всё дышит ядами химеры;
Коперник сам лелеет месть,
Склонясь на обод полой сферы...
Мечь, месть — в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой,
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот — оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг — ласкательный и льстивый.
Всё, что на небе, на земле,
Повито злобой и печалью...
Лишь рельс в Европу в черной мгле
Поблескивает верной сталью.

2

Отец лежал в «Аллее роз»,
 Уже с усталостью не споря.
 А поезд мчал меня в мороз
 От берегов родного моря.
 Вошел я. «В пять он умер. Там», —
 Сказал поляк с любезной миной.
 Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой — а стал орлиный.
 Был жалок этот смятый одр,
 И в комнате чужой и тесной
 Мертвец, собравшийся на смотр,
 Спокойный, желтый, бессловесный.
 Застывший в мертвой красоте,
 Казалось, он забыл обиды:
 Он улыбался суете
 Чужой военной панихиды.
 Но я успел в лице признать
 Печать отверженных скитальцев
 (Когда кольцо с холодных пальцев
 Мне сторож помогал снимать).

3

Да, я любил отца в те дни
 Впервой и, может быть, в последний...
 В толпе затеплились огни
 Вослед за скучною обедней...
 И чернь старалась как могла;
 Над гробом говорили речи;
 Цветами дама убрала
 Его приподнятые плечи.
 Потом — от головы до ног
 Свинцом сняли ребра гроба
 (Чтоб он, воскреснув, встать не мог, —
 Покойный слыл за юдофоба).
 От паперти казенной прочь
 Тащили гроб, давя друг друга.
 Бесснежная визжала вьюга.
 Злой день сменяла злая ночь.

Тогда мы встретились с тобой.
 Я был больной, с душою ржавой...
 Сестра, сужденная судьбой,
 Весь мир казался мне Варшавой!
 Я помню: днем я был «поэт»,
 А ночью (призрак жизни вольной?)
 Над черной Вислой — черный бред...
 Как скучно, холодно и больно!
 Лишь ты напоминала мне
 Своей волнующей тревогой
 О том, что мир — жилище бога,
 О холоде и об огне.

Мы шли за гробом по пятам
 Из города в пустое поле
 По незнакомым площадям.
 Кладбище называлось: «Воля».
 Да, песнь о воле слышим мы,—
 Когда могильщик бьет лопатой
 По глыбам глины желтоватой;
 Когда откроют дверь тюрьмы;
 Когда мы изменяем женам,
 А жены — нам; когда, узнав
 О поруганьи чьих-то прав,
 Грозим министрам и законам
 Из запертых на ключ квартир;
 Когда проценты с капитала
 Освободят от идеала,
 Когда...
 На кладбище был мир,
 И впрямь пахнуло чем-то вольным;
 Кончалась скука похорон.
 Здесь радостный галдеж ворон
 Сливался с гулом колокольным.
 Как пусты ни были сердца,
 Все знали: эта жизнь сгорела.
 И солнце тихо посмотрело
 В могилу бедную отца...

Отца я никогда не знал.
 А он — от первых лет сознавая —
 В душе ребенка оставлял
 Тяжелые воспоминанья.
 Мы жили в разных городах,
 Встречались редко и случайно.
 Он был мне чужд во всех путях
 (Быть может, кроме самых тайных).
 Его циничный тяжкий ум
 Внушал тоску и мысли злые
 (Тогда я сам был полон дум,
 И думы были молодые).
 И только добрый, льстивый взор,
 Бывало брошенный украдкой
 Сквозь отвлеченный разговор,
 Был мне тревожною загадкой.
 Ходил он посидеть, как гость,
 Согбенный, с красными кругами
 Вкруг глаз. За вялыми словами
 Нередко шевелилась злость.
 А мне его бывало жаль...
 И он, как я, ведь принял с детства
 Флобера странное наследство —
 Education sentimentale.

Правдивы вы — и без прикрас,
 Стихи печальные поэмы! —
 Да, нас немного. Помним все мы,
 Как зло обманывали нас.
 Мы, современные поэты,
 О вас, от вас мы плачем вновь,
 Храня священную любовь,
 Твердя старинные обеты!
 Пусть будет прост и скуден храм,
 Где небо кроют мглою бесы,
 Где слышен хохот желтой прессы,

Жаргон газет и визг реклам,
Где под личиной провокаций
Скрывается больной цинизм,
Где торжествует нигилизм —
Беспольный спутник «стилизаций»,
Где «Новым временем» смердит,
Где хамство с каждым годом — пушо,
Где полновластны, вездесущи
Лишь офицер, жандарм — и жид,
Где память вечную Толстого
Стремится омрачить жена...
Прочь, прочь! — Душа жива — она
Полна предчувствием иного!
Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светы...
Но — помни Тютчева заветы:
«Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои».

8

Пусть зреет гнев. Пускай уста
Поэтов не узнают мира. —
Мы в дом вошли. Была пуста
Сырая, грязная квартира;
Привыкли чудачком считать
Отца; на то имели право;
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Жил одиноко, мрачно, странно;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть. На площади туманной
Его встречали: он бочком
Шел быстро, точно нес голодный,
В пубенке старой и холодной
С истрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На улице, на груди шпал;
Здесь он нередко отдыхал,

Согнувшись, с взглядом опустевшим.
Он понемногу «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим строго;
Не освежалась много лет
Его убогая берлога:
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья
В коробках из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных,
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на киты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»;
Так с жизнью счет сводя печальный,
И попирая юный пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — томила,
И равнозначны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
До смерти вольную мечту;
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон.

Стрانا под бременем обид,
 Под гнетом чуждого насилья,
 Как ангел, опускает крылья,
 Как женщина, теряет стыд.
 Скудеет национальный гений,
 И голоса не подает,
 Не в силах сбросить ига лени,
 В полях затерянный народ,
 И лишь о сыне-ренегате
 Всю ночь безумно плачет мать,
 Да шлет отец врагам — проклятье
 (Ведь старым нечего терять)...
 А сын — он изменил отчизне,
 Он жадно пьет с врагом вино...
 И ветер ломится в окно,
 Взывая к совести и к жизни...

10

Не так же ль п тебя, Варшава,
 Столица древних поляков,
 Дремать принудила орава
 Военных русских пошляков?
 Здесь жизнь скрывается в подпольи;
 Молчат магнатские дворцы;
 Лишь Пан-Мороз — во все концы
 Свирепо рыщет на раздольи;
 Неистово взлетит над вами
 Его седая голова,
 Иль откидные рукава
 Взмахнутся бурей над домами,—
 Иль конь заржет — и звоном струн
 Ответит телеграфный провод,
 Иль вздернет Пан взбешенный повод —
 И четко повторит чугуун
 Удары мерзлого копыта
 По опустелой мостовой?
 И вновь, поникнув головой,
 Безмолвец Пан, тоской убитый...

Когда ты загнан и забит
 Людьюми, заботой плъ тоскою;
 Когда под гробовой доскою
 Всё, что тебя пленяло, спит;
 Когда по городской пустыне,
 Отчаявшийся и больной,
 Ты возвращаешься домой,
 И тяжелит ресницы иней,—
 Тогда — станювьсь на миг
 Послушать тишину ночную:
 Постигнешь слухом жизнь иную,
 Которой днем ты не постиг;
 По-новому окинешь взглядом
 Даль снежных улиц, дым костра,
 Ночь, тихо ждущую утра
 Над белым, запушённым садом,
 И небо — книгу между книг...
 Найдешь в душе опустошенной
 Ты образ матери склоненной,
 И в этот несравненный миг —
 Узоры на стекле фонарном,
 Мороз, оледенивший кровь,
 Свою холодную любовь —
 Всё примешь сердцем благодарным,
 И всё благословишь тогда,
 Поняв, что жизнь — безмерно боле,
 Чем «quantum satis» Бранда воли,
 А мир — свободеп, как всегда.

Отец! Ты знал иных мгновений
 Незабываемую власть!
 Недаром в скуку, смрад и страсть
 Твоей души — какой-то гений
 Печальный проникал порой:
 Твои озлобленные руки
 Будили Рубинштейна звуки,
 Ты ведал холод за спиной,

И, может быть, в преданьях темных
Твоей души, в глуши, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брежит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог!
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «горе от ума»...

13

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступленья нить,
Но знай — иду я к цели смело,
Чтоб истину установить.
Кто б ни был ты, — среди обедов,
Или храня служебный пыл,
Ты, может быть, совсем забыл,
Что был чиновник Грибоедов,
Что службы долг не помешал
Ему увидеть в сне тревожном
Бред Чацкого о невозможном,
И Фамусова шумный бал,
И Лизы пухленькие губки...
И — завершение всех чудес —
Ты, Софья... Вестница небес,
Или бесенок мелкий в юбке?..
Я слышу возмущенный крик:
«Кто ж Грибоедова не знает?» —
«Вы, вы!» — Довольно. Умолкает
Мой сатирический язык, —
Читали вы «Милльон терзаний»,
Смотрели «Горе от ума»...

В умах — всё сон полусознаний, —
В сердцах — всё та же полутьма...
«Твой Врубель — кто?» — отвсюду разом
Кричат... Кто Врубель? — На, лови!..
(О, господи благослови...)
Он был... иечерским богомазом.
Пожалуй, так собьюсь с пути —
Всё объясняю да толкую...
Ты пропусти главу-другую,
А впрочем (бог тебе прости)...
Хоть всю поэму пропусти.

14

С тобою связь я стал терять,
Читатель, уходя в раздумья,
Я голосу благоразумья
Давно уж перестал внимать...
Передо мной открылись бездны...
И вдруг — припоминая я:
Что, если ты — колпак уездный,
Иль, скажем, ревностный судья?..
Иль даже чином много выше?
Я твой не оскорблю устав:
С пучком своих четверостиший
На землю вновь лечу стремглав...
Эй, шибче! Пользуясь моментом,
(Чтоб ты меня не обзывал
«Кривлякою» и «декадентом»),
Зову тебя к себе на бал!
Знакомьтесь: девушка из скромных —
Она тебя не оскорбит,
Застенчивость, и даже стыд,
Горят во взорах Музы томных,
С ней смело танец начинай...
А если ты отец семейства, —
Эй, Муза! чур, без чародейства,
Кокетничай, да меру знай!
Читатель! Веселее! С богом!
Не раскисай хоть на балу!

Не то опять высоким слогом
Я придушу тебя в углу!
Она — ты думал — неуклюжа,
И неречиста, и скучна?
Нет, погоди, мой друг! Она
Сведет с ума любого мужа,
Заставит дуться многих жен,
Пройдьясь с тобой в мазурке польской,
Сверкнув тебе улыбкой скользкой...
(А ты, поди — уже влюблен!)
«Я вас люблю — и вы поверьте!»
(Мой бог! Когда от скромных дев
Вы этот слышали запев?)
Смотри! Завертит хоть до смерти,
Сдавайся! С Музою моей
Ты ждал не этого, признаться?
И вдруг — так страшно запыхаться?..
Приляг же, отдохни скорей,
И больше не читай поэмы!
Негодница! Что скажет свет?
Подсовывать такие темы
Читателю почтенных лет?
Прочь с глаз! С такими я не знаюсь!
Ступай, откудава пришла! —
Тебя плясунья провела,
Читатель! Так и быть, признаюсь:
Повеселить тебя я рад,
Ища с плясуньями союза,
Но у меня — другая Муза,
А эту — взял я напрокат.

Январь 1911

2. «МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ПОЭМЫ»

12 октября 1911

Последние годы Александра II. Его зовут... *бодрилка* («за-слонка» — домашние). Мешки под глазами, глаза страшные, худой, огромный, циник, губы такие, «точно хочет плюнуть».

Дворец (до взрыва) запущен — министр двора старый Адлерберг обижается и не позволяет сказать слова; великий князь Павел Александрович жалуется на дворцовые булки, накупил сам у Филиппова гору калачей и баранок. — Александр ездит от великого князя в Михайловский дворец (где пьет чай) — его всегда видно издали: 6 казаков (?) конвойцев кругом (на этом пути и застало его 1 марта).

Турецкая война 1877—1878. Военные действия кончились уже в январе — русские войска подошли к Константинополю. Всеобщее возмущение — зачем его не взяли (Александр обещал не брать англичанам). День получения известия о взятии Плевны в Петербурге (конец зимы 1877) — сухой бесснежный мороз.

1 марта — яркое солнце, тает.

«Горный Дубняк».

Растрянность 1 марта. Е. О. Романовский пошел во дворец и дошел до гроба — никто его не остановил. Возбуждение на Невском. Выход во дворце — у всех родных заплаканные глаза. Тут же кричат «ура».

Ненависть к Достоевскому («шампанские либералы», обеды Литературного фонда, 19 февраля). Похороны. Убогая квартира, так что гроб еле можно стащить с лестницы. Либеральное тогда «Новое время» описывает, как тело обмывали на соломе. Толпа, венки «певцу униженных и оскорбленных». Диалог в толпе: Митрофан Сергеевич Андреев (рослый студент, ражий, русейший, глупый, милый) оберегает маму; из толпы студентов: «Ну вам-то нечего бояться». Андреев сконфуженно: «Да я не за себя»... Такой мороз, что зашли к Палкину погреться. Бабушка ненавидит Достоевского. А. Н. Бекетов, встречаясь с ним, по мягкости не может ненавидеть. Отношение — похожее на то, какое теперь к Розанову. Некрасов, декламируя свои стихи, «что хлеб полей нейдет в прок», прибавляет: «А вот если бы бутылочку шампанского,—другое дело» (рассказ И. М. Прянишникова).

А. Н. Бекетов всегда вместе с Щедриным ездит на заседания Литературного фонда, нанимают карету. Уже больной Щедрин. Щедрин у Донона — лакею, принесшему лангусту: «Ступай вон со своим раком». Циник, вечно «злится».

Стасюлевич богат — многие льнут к его деньгам. (Вл. Соловьев — восходящая звезда). Кони — знаменитый присяжный поверенный (кстати — товарищи Ал. Л. Блока — Карачевский

и Нечаев), донжуан, кутила (всё — у и с А. П. Философовой).
Всё — в лучших ресторанах, вечное шампанское.

Л. Ф. Пантелеев (он дворянин, хотя не старый) заведовал делами на приисках Базилевского. О нем — Вас. Игн. Котырло (теперь покойный).

Достоевский, увидав А. Л. Блока на вечере у А. П. Философовой: «Кто этот красавец? — *Похож на демона*».

На этом горизонте нет: Лескова (скрытый), Островского (в Москве).

В Милютина (военного министра) верят, в Лорис-Меликове — сомневаются (неизвестна его роль в 1 марта).

Убийца Дрентельна (в Петербурге — киевский генерал-губернатор) ускакал на лошади (о, милые, романтические времена). Два студента говорили в шинельной университета о лошадях. Их тут же арестовали. Это уже — см. щедринскую «Современную идиллию». Там же — «топография» Петербурга.

Александр II любил гулять в Летнем саду. Дамы старались вертеться перед ним, пока он не заметит, не заговорит и не... Я думаю — выпученные его глаза, что-то страшное и стеклянное в них и сильная одышка — были не от сердца, а от любвей.

Щедрин. 1881.

Тетенька с атурами и контурами едет к болгарам, хочет присутствовать на процессе Засулич, устраивает концерты в пользу курсисток.

«Вы, милая тетенька, восклицаете: «Ах, ведь и я когда-то бредила!» Но все-таки понимаете, что пол-жизни пробредивши, нельзя сбросить с себя эту хмару так же легко, как сменяют старое, заношенное белье. А домочадцы ваши этого не понимают. Отроду они не бредили — оттого и внутри у них не скребет. А у вас скребет». «Мера в предательстве» (том XI, стр. 334). Дорот. На point'e* смотрят, как солнце за будку садится.

Современное и дореформенное лганье (XI, 343 и сл.). «Веселие Руси есть лгати». О недохождении писем — стр. 372—374. «Сплошные сумерки» — 375. О литературе — 376. «Кнут стучит по крышке кареты» — это Петербург — 379. «Общество хочет жить».

* На стрелке (франц.). — *Ред.*

С. С. Татищев. «Император Александр II, его жизнь и царствование». 2 тома. Изд. Суворина, 1903, ч. 7 р.

Граф Д. А. Толстой — обер-прокурор Святейшего Синода (1865—1880). Последние годы царствования Александра II — назначен Победоносцев. 4 апреля 1866 — покушение Каракозова. В апреле 1866 граф Дм. Толстой назначен министром народного просвещения (с оставлением обер-прокурором).

1875 — граф Д. Толстой испросил высочайшее соизволение на учреждение при министре народного просвещения под председательством статс-секретаря Делянова комиссии для пересмотра университетского устава (1863 г.).

«Периодически повторявшиеся беспорядки (Петербургский университет был закрыт перед 1863 г.) среди студентов вызвали необходимость усилить за ними надзор, и правилами 1867 года для всех высших учебных заведений вменено полиции в обязанность извещать учебное начальство о проступках учащихся, совершаемых ими вне заведений, и вообще о всех действиях, навлекающих сомнение в их нравственной и политической благонадежности, а начальству учебных заведений — исполнять то же по отношению к полиции. Тогда же безусловно воспрещено устройство студентами концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний в пользу недостаточных товарищей...»

Волнения почти во всех высших учебных заведениях Петербурга — март 1869 (после царской грамоты Санктпетербургскому университету об учреждении 100 императорских стипендий — 8 февраля, по случаю 50-летия).

Новый устав о гимназиях и прогимназиях (*классическая система*) утвержден 30 июля 1871. 1880 — граф Д. А. Толстой уволен от должности министра народного просвещения, и управляющим министерством народного просвещения назначен статс-секретарь А. А. Сабуров.

Ужас дипломатических переговоров 1875—77 года. Бескорыстие Александра, Горчаков, Жomini, Андраши; Бисмарк — обманул. 7 апреля 1877 года Александр выезжает на юг, говорит по дороге с войсками, приезжает в Кишинев на главную квартиру (главнокомандующий великий князь Николай Николаевич Старший). 25 апреля Александр возвращается в Петербург — войска шпалерами на Невском, встреча на Николаевском вокзале.

Военные действия открылись в самый день объявления войны. 12 апреля дунайская армия перешла Прут, кавказская — всту-

пила в Малую Азию (там — Дризен, Ванновский, Радецкий... здесь — Лорис-Меликов...). Первые успехи. В мае дунайская армия — около Бухареста, кавказская — начало обложения Карса. Александр выезжает 21 мая в действующую армию.

В июне начинают переправляться через Дунай.

В июле первые неудачи под Плевной (на этом умер Никитенко).

Шипка. Главная квартира перенесена в Горный Студень. Климат.

Атака Шипки турками в августе. Раненый Драгомиров. Царь, узнав о потерях, восклицает: «Что же это, наконец, второй Севастополь?» Жара. 12 октября взят Горный Дубняк (гвардия, более 2500 выбыло из строя); 16-го сдался Телиш. 20-го занят Дольный Дубняк. К концу октября Плевна уже обложена со всех сторон, железное кольцо вокруг Османа-Паши. В начале ноября взят Карс.

Конец ноября — взятие Плевны и сдача Османа-Паши.

Царь возвращается в Петербург 10 декабря утром (Варшавский вокзал). Мария Александровна больна и не может встретить. Адресы, хлеб-соль. С вокзала — в Казанский собор.

12 декабря — торжественное празднование 100-летней годовщины рождения Александра Благословенного, — разные милости по этому поводу.

Накануне Рождества царь получает весть о восьмидневном переходе Балкан генералом Гурко.

В начале января русская армия у Филиппополя и Адрианополя, и турки просят мира.

Новая дипломатическая катавасия. Парад 19 февраля (день восшествия на престол Александра II) — у стен Царьграда. Сан-Стефанский мирный трактат.

Перед Берлинским конгрессом — русское правительство опасалось войны с Англией и Австрией.

До самого мира — русские войска стоят под Константинополем, а английская эскадра — в Босфоре. В начале февраля 1879 наши войска двинулись из-за границы. *Мне нужно описание возвращения гвардии в Петербург.*

Весь 1879 г. — козни Бисмарка против России, устройство им союза Германии с Австрией, уламыванье старого Вильгельма, переписка Вильгельма с Александром.

Герцен издает в Лондоне «Колокол» с половины 1857 г. и не идет в оппозицию *далее* отмены крепостного права, телесных наказаний и свободы слова и печати. Первые 6 лет царствования — «внутренний мир».

1861 год. Прокламации. Польские волнения. Студенческие беспорядки в Санктпетербурге (исключение и высылка под надзор полиции).

1862 — «усиление брожения». «Молодая Россия» вызывает к «всеобщей резне» — разбрасывают *даже* в Зимнем дворце (?), пожары в Петербурге. Отсюда — закрытие воскресных школ, приостановка газет, обыски и аресты. Чернышевский сослан.

«*Мятеж в Царстве Польском*» 1863 г. «произвел в русском обществе коренной и спасительный перелом». «Молодежь отрезвилась» (!).

1866. «Ишутинский кружок» в Москве, к которому принадлежал Каракозов. Запрещены «Современник» и «Русское слово». Во главе III отделения поставлен граф Шувалов, «во главе столичной полиции» — генерал-адъютант Трепов. Министром народного просвещения назначен Д. Толстой.

1869. Обнаружено в Москве «Общество Народной Расправы», — «главный зачинщик» — Нечаев, в 1871 — его процесс.

Начало 70-х годов — пропаганда в «народе» и среди рабочих.

1876. Уличная демонстрация перед Казанским собором 6 декабря.

Осень 1877. Открыта тайная типография в Петербурге.

Март 1876. Похороны «одного социалиста» (почти так пишет г. Татищев), умершего в доме предварительного заключения, — гроб несут на руках до кладбища.

Январь 1877. Начало ряда политических процессов. О демонстрации на Казанской площади. Потом — дело о кружке московских пропагандистов; дело «Южно-русского рабочего союза». Шесть отдельных дел.

Сентябрь 1877 — январь 1878. Процесс «о революционной пропаганде в империи» («193-х»). «На другой день после состоявшегося приговора Особого присутствия Сената, 24 января 1878 г., Вера Засулич выстрелом из пистолета ранила петербургского градоначальника Трепова». Она оправдана присяжными 31 марта. Шумная демонстрация в ее честь.

1878. 4 августа убит начальник III отделения и шеф жандармов Мезенцов на улице дшем ударом кинжала в живот. Следуют

разные правительственные мероприятия, сообщения и призывы.

15 августа Александр II уехал из Царского Села в Ливадию, в Николаеве перед этим раскрыт заговор на него.

Из Ливадии начальником III отделения и шефом жандармов назначен генерал-адъютант Дрентельн.

22 ноября Александр II возвратился в Санктпетербург. Уволен министр внутренних дел Тимашев и назначен статс-секретарь Маков.

Сильные студенческие волнения в Петербурге осенью 1878 г. (особенно — Военно-медицинская академия). Исключение и высылка нескольких сот. В Петербурге действует «Северный союз» рабочих, издается социалистическая революционная газета «Земля и Воля».

1879 — начинается с новых террористических актов в провинции. 13 марта покушение на Дрентельна в Петербурге. 2 апреля покушение А. Соловьева на Александра II, гуляющего (5 выстрелов; сельский учитель, исключенный из университета студент), — повешен 28 мая. Учреждение временных генерал-губернаторов. В Петербурге — Гурко.

1879. Вторая половина апреля и май — Александр II в Ливадии.

Особое совещание вырабатывает «меры для борьбы с крамолой». Генерал-губернаторы действуют во всю (обыски, аресты, штрафы, паспортисты и пр. и пр.).

В июне — подкоп под Херсонское казначейство.

Совещания революционеров — разделение «Земли и Воли» на «Народную Волю» (цареубийство) и «Черный Передел» (народники).

Организация покушения на Александра II на Московско-Курской дороге; взрыв 19 ноября не под императорским, а под свитским поездом.

22 ноября Александр II возвращается в Петербург. С 6 октября выходит «Народная Воля». Приготовление взрыва в Зимнем дворце.

1 января 1880 г. на место умершего генерал-адъютанта графа П. Н. Игнатьева председателем Комитета министров назначен статс-секретарь П. А. Валуев. Особое совещание о крамоле.

«Валуев доказывал необходимость для правительства положить конец пассивности благонамеренного большинства насе-

ления и создать трибуну, с которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тем противодействовать проповедуемым ежедневно и повсюду революционным началам; великий князь Константин Николаевич ссылался на древнее русское государственное право, на вече, боярскую думу, земские соборы допетровского периода русской истории, а также на перенесенные в Свод законов постановления о созыве депутатов «на случай» и т. п. Убедленно высказался против нововведений, противных духу коренного государственного строя России, цесаревич Александр Александрович, находя, что созыв представительного собрания... еще более взволнует умы. С мнением наследника согласились прочие члены Сопещания. В виду приведенных ими веских доводов, государь решил все дело оставить без последствий» (так сообщено в дневнике Валуева).

5 февраля был взрыв в Зимнем дворце.

8 февраля 1880 г. во дворце. Опять совещание. Цесаревич предлагает учредить «Верховную следственную комиссию» с обширными полномочиями на всю Россию. 9 февраля Александр II соглашается на учреждение такой комиссии и ставит во главе ее графа Лорис-Меликова. С тем вместе упраздняется петербургское генерал-губернаторство.

Члены «Верховной распорядительной комиссии»: Победоносцев (член Государственного совета), генерал-адъютант князь Имеретинский, статс-секретарь Каханов, сенаторы Ковалевский, Шамшин и Марков, товарищ главноуправляющего III отделением Собственной его величества канцелярии генерал-майор Черевин, генерал-майор Батьянов и правитель канцелярии министерства внутренних дел Перфильев.

Лорис-Меликов прежде всего обращается к жителям столицы.

При таких чрезвычайных и тревожных обстоятельствах празднуется 25-летие царствования Александра II 19 февраля. Пальба, прием гвардейских полков, Государственного совета и Сената, письмо от Святейшего Синода.

На другой день (20 февраля) покушение на Лорис-Меликова, безрезультатное (покушавшийся повешен в 24 часа).

Скоро уволен Дрентельн, и III отделение фактически перешло к Лорис-Меликову.

4 марта — первое заседание «Комиссии». Лорис-Меликов указывает две главные ее задачи: «принятие решительных мер к подавлению преступных деяний анархистов и изыскание средств

для врачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее».

Работы Комиссии и доклад Лорис-Меликова. По представлению Лорис-Меликова граф Толстой уволен от должности министра народного просвещения и сменил *Сабуровым*, и от должности обер-прокурора Синода — сменил *Победоносцевым*.

22 мая умерла Мария Александровна, 28 мая ее похороны. Между тем террористическая деятельность продолжается (приготавливается царубийство около Окуловки; подушки с динамитом под Каменным мостом на Екатерининском канале).

В начале августа Лорис-Меликов сделан министром внутренних дел. Сенатская ревизия 9-ти губерний (27 августа 1880).

17 августа Александр II уезжает в Ливадию, а 30-го жалует Лорис-Меликову Андрея Первозванного. 28 ноября Александр II возвращается в Петербург. Указ Сенату об отмене акциза на соль (с 2 января 1881 г.).

1881. В конце января Лорис-Меликов «свидетельствует во всеподданнейшем докладе о благотворных последствиях принятия правительством системы постепенного возвращения государственной жизни к правильному течению». При этом он говорит, что «реформы не закончены», и предлагает «временные подготовительные комиссии наподобие организованных в 1859 г. редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению, с участием лиц, взятых из среды земства и некоторых значительных городов».

«В конце декабря 1880 года счастливая случайность вызвала в Петербурге арест главного вожака шайки Александра Михайлова,* после чего руководство ею перешло в руки Андрея Желябова»...

Книга кончается описанием приготовления и совершения 1 марта.

Из остальных частей книги — на будущее: планы Жуковского (*воспитание царя* — что это?): трогательная и милая дворцовая обстановка «маленького Саши» (Александр II родился 17 апреля 1818 года).

Всю жизнь Александр II плакал, молился, просил и благодарил бога. Этому много способствовал Жуковский — по всей

* Если не ошибаюсь, ужасные подробности его убийства — в ватер-клозете? Вспомнить. (Примечание А. А. Блока. — *Ред.*)

вероятности, его рука — на всем последующем. Впрочем, и Николай плакал «августейшими слезами».

Смерть наследника — сына Александра II (Николая Александровича) в 1865 г., весной.

Первое покушение на Александра II — 4 апреля 1866 — у Летнего сада (крестьянин Осип Комиссаров ударяет Каракозова по руке с пистолетом)... Комиссаров потом был в гусарах, получил деньги, с ним возлились. Гренадерская часовня — ее история.

1861. Сильные студенческие волнения осенью в Петербурге. Призывают войска, уличные демонстрации. Прокламации «Молодой России». Пожары в Петербурге.

«Польская смута» (1861—62. — Лето 1860 — политические манифестации в Варшаве). «Слабость» наместника (М. Д. Горчаков). Воззвания, телеграммы Александра II и наместника, маркиз Велепольский. Стрельба на улицах. Смерть старого Горчакова. Сухозанет. Осадное и военное положение в Варшаве и в Царстве Польском. Велепольский зимой 1861—62 г. в Санкт-Петербурге. Великий князь наместник, покушение на него и на Велепольского.

Адрес польских дворян, высылка графа Андрея Замойского. Новые демонстрации. «Вооруженный мятеж» в начале января 1863 года — на всю западную окраину России («от Вислы и Буга до Западной Двины и Днестра»).

«Рекрутский набор произведен в Варшаве в ночь со 2 на 3 января 1863 г. По распоряжению Совета управления Царством Польским имели поступить в рекруты те из подлежащих военной службе поляков, которые были известны как участники уличных демонстраций и революционных беспорядков. Но, предупрежденные своими сообщниками — чиновниками, состоящими на государственной службе, молодые люди эти успели бежать из Варшавы и, собравшись в окрестных лесах, образовали первые

мятежные шайки, вооруженные косами, ножами, саблями, отчасти охотничьими ружьями и пистолетами» (то же и в других местах в несколько дней). Подпольный центральный комитет издал призыв к общему повстанью. Нападение на русские войска.

Русские летучие отряды.

«Мощным выразителем одушевления русского общества, поборником единения всех русских людей с Верховной Властью в общем деле отстаиванья державных прав России, ее чести и достоинства, явился в новорожденной бесцензурной русской повременной печати издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков. Пламенная речь этого даровитого и убежденного писателя поколебала и скоро совсем вытеснила влияние либеральных органов и заграничных выходцев, которым известная часть русского общества подчинялась дотолде...» (!!!).

Муравьев и граф Берг. «Под страхом денежных штрафов женщины сняли траур и облеклись в цветные наряды». К 1 мая повстанье уничтожено.

*Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (СПб., 1905).
(1858—64 года главным образом).*

Петербургский университет — сходки, студенческие нравы, отношение к крестьянской реформе, польская партия, профессора, женщины в университете, Литературный фонд, вечера (Тиблена и др.), петербургские пожары и «Земля и Воля» 1861—62 годов.

Около трети студентов (400—500 человек) — поляки. Петербургские события 1861 г. — панихида в католическом соборе по пяти убитым в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля, — и похороны Шевченки 28 февраля.

Штатское платье у студентов (форма отменена официально в 1861).

Л. Ф. Пантелеев был арестован в декабре 1864 и вернулся в Россию только в 1875.

Дурное о Некрасове, о чтении Некрасова, Тургенева, Майкова, Полонского. «Ревизор» в исполнении литераторов (14 апреля 1860).

Либерализм среди военных (офицеров).

А. Тун. История революционных движений в России. Перевод Веры Засулич, Д. Кольцова и др. Изд. «Библиотеки для всех» О. Н. Рутенберга. С дополнением нескольких русских статей.

Эту книгу надо иметь.

Книга написана около 1883 г. Период 1879—1881 — «формальная война между правительством и загадочным Исполнительным комитетом».

Лев Дейч (один из трех главных участников чигиринского дела — Стефанович и Боханский) бежал из Киевской тюрьмы за границу и летом 1884 г. был выдан России и отправлен на каторгу. В те годы немцы с русскими революционерами не церемонились.

Плеханов говорит: наследство революционеров 70-х годов было чрезвычайно велико и *незаменимо* в практическом смысле, «но в теоретическом отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как наследство, завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла *«русский социализм» бакунинского или лавровского оттенка от научного социализма Западной Европы».*

Есть книга Розена — «Воспоминания русского декабриста». Трогательная брошюра Савенковой («Годы скорби»).

Князь В. Мещерский. Воспоминания. Том I.

I том, вообще, очень интересен, но из него мне нужны только «словечки».

«Человечество — какая страшная стихия!» (стр. 451 — это п Мещерский!).

О тяжести положения Александра Александровича, когда умер брат (450).

Стр. 448. Рассуждения Мещерского, почему лучше Александр Александрович как царь, чем его брат.

Александр II идет на буфетчика (бить? — стр. 436).

Разочарованность в людях государя — 434, 338.

«Недостаток в людях».

Слова цесаревича о смерти (378).

Признания цесаревича о тоске и бессоннице (381). У Саши (Александра III) — «чистая и спокойная душа» (слова цесаревича — 381).

Весь том — удивительная иллюстрация царской жизни — ее тяжелой безвыходности. «Царскосельский затвор» — слова цесаревича (356). Тепличность, уют, серьезность временами во дворце — в противоположность нигилизму департаментов. «Чудная поэзия» — это дворцовое, придворное, царская ласка, — для Мещерского. «Неприветливая проза» — это жизнь. Александр II пьет всегда Moselwein mousseux.*

Страшный Дубельт (329).

Князь Суворов — 307 и др. («индискретный болтун»). Также — 235.

Канцлер Горчаков. Какое впечатление произвели на Мещерского «нигилисты» — 154. «Распущенность интеллигенции» (246 — по поводу польского восстания).

Огрицко — чиновник.

Мое: Благотворное отсутствие газет (начало 60-х годов — 212).

Упорная, скучная, каждодневная, холодная и опасная работа: мужик в шинели тащит пушку на Балканы, греет руки, притопывает ногами от мороза, хрюкает во сне от жара, вскакивает, разбуженный толчком, умирает от пули, стонет и кричит от неистовой боли; «в результате» — на лбу врезается надписью: Плевна, Рущук, Шипка, Горный Дубняк, Филиппополь. Называется это — военная слава. И действительно, когда идут по Забалканскому и т. д. — на каждом штыке цветы, веселый сентябрьский день — солнечный — праздник, ликование, любопытство.

С. Г. Сватиков, Общественное движение в России (1700—1895). 60 коп. (Изд. «Донской речи» — цензуровано в 1905 г. в Ростове-на-Дону).

Изложение политических проектов и программ.

Конец 60-х и 70-е годы — отсутствие конституционных заявлений по причине органической *реакции*, охватившей общество после разрешения основной реформы — освобождения крестьян. Консервативные элементы в 62-м году использовали петербургские пожары («Современник», «Русское дело», Чернышевский, Писарев, Шелгунов), в 1866-м — покушение Каракозова (его повешенье, прекращение «Современника» и «Русского слова»,

* Сорт вина. — *Ред.*

ушел в отставку Суворов («либеральный» петербургский генерал-губернатор), министр народного просвещения Головин, министр внутренних дел Валуев). Всё больший раскол между либералами и радикалами.

Земские пожелания и общественный разброд после 1 марта. Из речи Ивана Аксакова в Славянском обществе 28 марта: «Мы подошли к самому краю бездны. Еще шаг в том направлении, в котором с таким преступным легкомыслием мы двигались до сих пор, и — *кровавый хаос*». «Пора домой» славянофилов.

Записки, поданные Лорис-Меликову маркизом Велепольским, Б. Чичериным и А. Градовским — о сохранении самодержавия. Вопрос *пока* оставлен открытым. Лорис-Меликов *еще надеется* на «совещательную комиссию представителей»...

После 1 марта градоначальником назначен Н. Н. Баранов (скоро сменен). В конце апреля уже участь народных представителей и Лорис-Меликова решена.

Избран, однако, лозунг славянофилов: *самоуправляющаяся местная земля с самодержавным царем во главе*. Впервые в России выходит в отставку не только «премьер», но и его «кабинет» (Абаза, Милютин, позже Сабуров).

Министр внутренних дел — граф Игнатъев. «Мечты» земцев. Вызов Игнатъевым «сведущих людей» не вызвал сочувствия земцев. Коронация (1883).

Министр внутренних дел — Толстой (во главе — Победоносцев, их поддерживает Катков), — *свергают* Игнатъева и Скобелева (поддерживаемых И. Аксаковым).

Восьмидесятые годы и первая половина девяностых.

Манифест 29.IV.1881 — о неуклонном охранении самодержавия.

14.VIII.1881 положение об усиленной и чрезвычайной охране.

1882 — временные правила о евреях (черта оседлости установлена).

1882 — временные правила о печати.

1 августа 1884 — университетский устав.

Преобразование военных гимназий в кадетские корпуса, правила о народных библиотеках-читальнях, воспрещение выдачи раз[личных] книг и журналов в публичных библиотеках, учреждение церковно-приходских школ.

Земские начальники («близкая к народу твердая правительственная власть»).

Изменение судебных установлений (относительно суда при-
сязных).

1889. *Уничтожение* (почти) выборности мирового суда.

1890. Новое положение о земских учреждениях.

1892. Новое городовое положение.

Преследования крайних партий.

На докладе министра внутренних дел о (непринятом) адресе тверского земства (1894) Николай II написал: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой 35 гласных губернского земского собрания».

17 января 1895 — прием депутатий. Государь прочел речь: «...Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Мих. Лемке. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского (по неизданным документам). СПб., 1907 (изд. Поповой).

Было в первых пяти книгах «Былого». Здесь напечатаны (с пропусками) прокламации 60-х годов — «К молодому поколению», «Молодая Россия», «Предостережение» (по поводу петербургских пожаров 1862), «Воззвание к барским крестьянам».

«*Вестник Европы*» 1878 г., № 1. Статья «*Официальная Турция в лицах*». Автор (В. И. Смирнов) пишет *буквально* то, что писали о японцах *после* войны (о том, что турки, которые казались прежде «отребьем мира, жалким исчадием человеческого рода», «показали себя не только отчаянными воителями, но и вооруженными превосходным оружием, ловко им управляющими, выставили замечательных полководцев, доказали полную самоотверженность...»).

«Вестник Европы», 1878, №№ 1 и 2. Стихи — Голенищева-Кутузова, Минского, «Ночи» Мюссе (С. Андреевский).

Письма Пушкина с предисловием Тургенева.

Корреспонденции Зола о французском театре и поэзии.

Роман Шпильгагена.

«Внутреннее обозрение» — о войне, о бюджете, о недостатках в армии, проявившихся во время войны, о небывалом внутреннем спокойствии в России.

Некролог Некрасова († 27.XII.1877).

«Обозрение военных действий».

Комедия Потехина, статьи Ореста Миллера, Сергеевича, повесть Г. Данилевского.

Корреспонденции Е. Утина из Болгарии.

Из следующих №№ 1878 г. («внутреннее обозрение» и др.). — Наша печать была относительно свободна, не подвергалась административным карам за то, что писала, что наши («Крынковские») ружья хуже турецких (Пибоди и Мартини), что в войсках не доставало теплой одежды, что перевозка раненых на простых телегах сопровождалась многими страданиями.

Большой перерыв — праздность.

15.XII. <1911>

«Сборник военных рассказов 1877—78 г.», 6 тт.

Подвигов наших волна
Сказкой казарменной стала.

(Беранже — см. т. V,
стр. 11)

Из этого громоздкого издания, где жизнь преобладает над словами, я беру прежде всего — только европейскую Турцию, затем — только о выдающемся (просматривая бегло).

В глазах солдат и офицеров, возвратившихся с войны, еще стоят — раны, бледные лица, возбужденные глаза, зарева, белое знамя, взвившееся при свете пылающих соломенных избышек Горного Дубняка (V, 473).

Том III, стр. 267—268. Лейб-гвардии Гренадерский полк выступил из Петербурга в следующем составе:

Штаб и обер офицеров — 52.

Строчных нижних чинов — 3.150.

Нестрочных — 251.

В сражении под Горным Дубняком (12 октября) выбыли из строя (убиты и ранены) около *трети* нижних чинов и более *половины* офицеров.

3. П Л А Н Ы П О Э М Ы

24 февраля (1911)

У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и все сильнее в нем накапливалось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Всё разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова «революция», «мятеж», «анархия», «безумие». Здесь были красивые женщины «с вечно смятой розой на груди» — с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый «безумствовал», каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределянно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает. Однажды, с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бесцельного и губительного существования, вбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно — надушенное, безграмотное и страстное... Потом он распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

Оставив все, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. «Жандармы, рельсы, фонари»... Первые впечатления Варшавы.

Пролог («Жизнь без начала и конца»).

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это — фон. Семья и появление в ней «демона». Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: «бледна, измучена, ребенок золотокудрый на руках».

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Кликко. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка*. Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. *Вторая мазурка*. «Ее» появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада.

Эпилог. *Третья мазурка*. Где-то в *бедной* комнате, в каком-то городе растет мальчик.

Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка.

21.IX.1913

Дед светел. В семью является демон, чтобы родить сына (первый «отбор»).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь*. Опять война — и за нею революция. Встреча — как рыцарь, закованный в броню, — лица не видно. Безумие холодной страсти, так и нет лица. Утром — записка: «Смертельно болен ваш отец».

Вся тоска — только для встречи с «простой». Все лицо, пленительное все. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

Октябрь 1913

В 70-х годах жизнь идет «ровно» (сравнительно. Лейтмотив — пехота). Это оттого, что деда *верят в дело*. Есть незыблемое основание, почва под ногами. Уже кругом — 1 марта. И вот — предвестием входит в семью «демош».

...Но уже на все это глядят чьи-то *холодные* глаза. В дружной семье появляется «странный незнакомец»...

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье, где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют, становятся равнодушнее, друзей не так много, и друзья уже не те — свободолюбивые, пламенные. Теперь — апухтинская нотка.

Уж Александр Второй в могиле,
На троне — новый Александр.

Семья, идущая как бы на убыль, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет, — растет не по-ихнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великопостные сумерки с трескающим льдом и ветром. Петербург рождается новый, напророченный «обскурантом» Достоевским.

Пускай, наконец, «герой» воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели назвать меня).

ПЛАН ПЕРВОЙ ЧАСТИ (1878—1881)

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются от стен Цареграда. Их держали в карантине, довели до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулкова. Трибуны у Московской заставы, там императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят цветы и папиросы на «серые груди». Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов — всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У *каждого* солдата — букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город — по Забалканскому, Гороховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Московской заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще — голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах, кровь, холод, смерть, хуже смерти — воровство интендантов.

В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным, пропасть, которая становится все глубже.*

10 октября (1911) на рассвете

Начало — на рубеже 70—80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянскоз, думы — светлые, чувства — простые и строгие.

Реформы отшумели. Еще жива память об измене Каткова. Рядом «злятся» Щедрин. Достоевский — обскурант.

Все заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова. Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (байронист) — предвестие индивидуализма, неудачник Александр Львович Блок. Приготавливается индивидуализм, это значит старинное «общественное» (миродержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ*.

Вся суть в том, что *прелесть* той семьи так заметна, потому что все тогдашние прекрасные передовые русские люди носили в себе *мир* — при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна). То, что кажется «*наивным*» теперь, тогда не было наивно, но было сораспятием. Профессор лучших времен Петербургского университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию*. То, что Щедрин говорит о современных ему урядниках и полицейских («Современная идиллия») — верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной «византийской» реакции — и сила светлая — русский либерализм. Единицы держат Россию, составляя «общественное мнение». —

Ну, а «Народная Воля»?

Итак, — священеп кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты), — а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет «Жизнь животных» Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
Спит царевна мертвым сном.

* Последний абзац перечеркнут в рукописи знаком вопроса. — *Ред.*

Внук читает с няней в дедушкином кабинете (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус), а на другом конце квартиры веселится молодежь. Молодая мать, тройки, разношерстные молодые люди — и кудластые студенты, и молодые военные (милютинская закваска), апухтинское: вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице — уютный, толстый снег, шампанское для молодости еще беспечной, не «раздвоенной», ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще все дешево — и ямщицкий начай, и кабинет, и вдова Кликко (кажется, в то время).

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот — его уже томит новое. Когда говеет гимназистом — синяя весна, сумерки, ладан, и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. *И они — предвестники лучшего.*

(1911)

После «*А мир прекрасен, как всегда.*»

Я стою ночью у решетки Саксонского сада и слышу завывание ветра, звон шпор и храп коня. Скоро все сливается и вырастает в определенную музыку. Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка.

Цыццырны — цыццырны — цыццырны — цыцы.

И пахнет клевером с берегов Немана. Что за чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские звуки. Месья пробуждает...

(*Январь 1911*)

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спускался по Краковскому предместью, в том самом месте...

9-я глава: человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Все так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и «страна под бременем обид»...

4. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

24 января 1921

К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
В твои сцепленные зубы,
Пегас, протисну удила,
И если ты, слышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,
Тебе исполосую спину
Моим узорчатым хлыстом,
Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем телом,
Дымясь, кося свой умный глаз
На победителя
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
Меня на отдых отвела...
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...

Сошли туман и темнота.
Настал блаженный вечер века.
Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок,
Грозу и бурю затаив
Среди широких складок
Туманного плаща времен.
Зарыты в землю бунтари,
Их голос заглушен на время.
Вооруженный мир, как бремя,
Несут безропотно цари.
И Крупп, несущий мир всем странам,
(Священный) страж святых могил,
Полнеба чадом и туманом
Над всей Европой закоптил.
.
И в русской хате деревенской
Сверчок, как прежде, затрепал.

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий
За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.
Навстречу тройке запыленной
Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо
(Раздался листьев шелест сонный),
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому.

Отец, и мать, и дочки
Вруч //

И збука кааи го ^{загубавати} ~~отдалечо~~ -
Збука моу те сааи тишоу,
Каб збои чега боу, ондалечо,
Каб збуо (неаоуааа) бесаи,

И поменуваа ^{беади} те збуаи,
(Коррпиа ^{кобиа} миа збуаи)
Отец, и маи, и доиа и збуаи,
И наскоти збуаи теа...

И збуаи збуаиуа ^{балааиа}.
Отпуаиа ^и маи и ^и збуаи,
И во сааи ^{куаиа} кааи сааи,
И во маи ^{окуаиа} ^{далеаиа} збуаи
~~Сааи, мааи, мааи во мааи~~

Иду, и Просаиа ^{вбиаи} мааи збуаи
Дорои узкои ^{колеаи},
Ет одбиаи
Мааи мааи го и мааи

И сразу стало всё знакомо,
Как будто длилось много лет,—
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли
(Ребенка внес туда старик),
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
Да звук какой-то заглушенный —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный, отдаленный,
Иль гул (некопченной) весны,
И потянулись вслед за звуком
(Который новый мир принес)
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась
Усадьба чья-то и ничья.
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи,
Стада белеют, серебрятся
Далекой речки рукава,

Телеги катятся
В пыли, и видная сдва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце, здесь

Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон.
И жизни (редкие) уродства
(Которых нельзя было не заметить)
Возбуждали удивление и не нарушали
благородства
И строй возвышенный души.

Уж осень, хлеб обмолотили,
И, к стенке прислонив цепи,
Рязанцы к веялке сложили
(Уже последние снопы).
Потом зерно в мешки ссыпают,
Белеющие от муки,
В телегу валят, и сажают
Наверх ребенка на мешки.
Мешков с десятков по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вшестером,
Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов —
Следят, чтоб внук неугомонный
Не соскользнул с мешков.
А внук сидит, гордясь немного,
Что можно править самому,
И по гумну на двор дорога
Предлинной кажется ему.

В деревне жили только летом,
А с наступленьем холодов...

(Пред ним встают) идей Платона
Великолепные миры.

И гимназистам, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль земли!»

Семь лет гимназии толстовской,
Латынь и греки

Растет, растет его волнение,
. отчего
Уже туманное виденье
В ночь преследует его,
Он виснет над туманной бездной,
И в пропасть падает во сне.
Ему призывы тверди звездной
В ночной понятны тишине,
Его манят заката розы,
Его восторгу нет конца,
Когда грозы...

И под палящим солнцем дня
. на коня,
Высокий белый конь, почуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота.
Стремя поскрипывают
Позвякивают удила,
Встречает жадными глазами
Мир, зримый с высоты седла.

Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все
бóльшие и бóльшие круги вокруг родной усадьбы. Все новые
долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех
холмов, то в большем, то в меньшем удалении — высокая ель
на гумне и шатер серебристого тополя над домом.

Он проезжает деревни, сначала ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонилась от солнца, взглянула и засмеялась — блеснули глаза и зубы — и отвернулась, и пошла плавно прочь. Он смотрит вслед, как она качает стан, и долго ничего не видит, кроме этих смеющихся зубов, и поднимает лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо — последние сараи, конопля, поля ржаные, голубые полосы льна, — опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колени, корни, из-за стволов старых смотрит большая заросль белой серебрянки, как дым, как видение.

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда *весной*, и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него; вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблонь — он перестает быть мальчиком.

Январь и май — июль 1921

5. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Так у решотки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...
Всё строже, громче вьюги вой
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежную постель,
И в нем тоску сменяет нега,

В его глазах стоит туман,
И столбики и струйки снега
(Вдруг) разрастаются в буран,
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств — летишь, летишь
В объятьях холода свинцовых...
Вдруг — бешеная голова
Коня с косматой белой гривой,
И седоусый, горделивый
Пан, разметавший рукава,
Как два крыла над непогодой
[Он шпорит дикого коня,
Его глаза, как угли, алы]
. свободой.

Из-под копыт, уж занесенных
Над обреченной головой,
Из-под удил коня вспененных,
Из снежной тучи буревой
Встает виденье девы юной,
Всё — всё — нежность, всё — призыв,
И голос, точно рокот струнный.

Простая девушка пред ним...

Как называть тебя? — Мария.
Откуда родом ты? — С Карпат.

— Мне жить надоело. — Я тебя не оставлю. Ты умрешь со мной. Ты одинок? — Да, одинок. — Я зарюю тебя там, где никто не узнает, и поставлю крест, и весной над тобой расцветет клевер.

— Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеется молодые
И нежные твои уста?
Какою думой...

— Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа.
Твоя тоска пройдет.

— Где мы? — Мы далеко, в предместьи,
Здесь нет почти жилых домов.
Скажи, ты думал о невесте?
— Нет, у меня невесты нет.
— Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.

Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И всё, что было, отступает
И исчезает (в забытьи).

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, [никогда] не совершенному, растворяется на груди этой женщины.

Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того
Того, что должен был свершить.

Май — июль 1921

К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

ИЗ «ЗАПИСКИ О „ДВЕНАДЦАТИ“»

...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря, — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над ними. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все

остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕЙНЕ,
РЕДАКТИРОВАННЫЕ А. БЛОКОМ**

1

Глаза мне ночь покрыла,
Рот придавил свинец,
В гробу с остывшим сердцем
Лежал я, как мертвец.

Как долго, я не знаю,
Проспал я так, но вдруг
Проснулся я и слышу:
В мой гроб раздался стук.

«Ты хочешь встать, мой Генрих?
День вечный засиял,
Все мертвые воскресли,
Век радости настал».

Любовь моя, не в силах,
Горючая слеза
Давно уж ослепила,
Выжгла мои глаза.

«Хочу я с глаз, мой Генрих,
Лобзаньем ночь прогнать;
И ангелов, и небо
Ты должен увидеть».

Любовь моя, не в силах,
Струится кровь рекой,
Ты сердце уколола
Мне словом, как иглой.

«Тихонько сердце, Генрих,
Рукой закрыть позволю;
И кровь не будет литься,
Утихнет сразу боль».

Любовь моя, не в силах,
Пробит насквозь висок;
Стрелял в него я, знаешь,
Когда украл тебя рок.

«Я локонами, Генрих,
Висок могу зажать,
И кровь уйдет обратно,
И будешь здоров опять».

Так сладостно просила,
Не мог я устоять;
Хотел навстречу милой
Подняться я и встать.

Тогда раскрылись раны,
Рванулся из груди
Поток бурлящей крови,
И я воскрес — гляди!

8 августа 1919

2

Жил был король суровый,
Старик седой, угрюм душой;
И жил король суровый
С женою молодой.

И жил был паж веселый,
Кудряв, и юн, и смел душой;
Носил он шлейф тяжелый
За юной госпожой.

Ты помнишь эту песню?
Она грустна, она светла!
Они погибли вместе,
Любовь обоих сожгла.

3. ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

Аббат Вальдгэма тяжело
Вздыхнул, смущенный вестью,
Что саксов вождь — король Гарольд —
При Гастингсе пал с честью.

И двух монахов послал аббат,—
Их Асгот и Айльрик звали,—
Чтоб тотчас на Гастингс шли они
И прах короля отыскали.

Монахи пустились печально в путь,
Печально домой воротились:
«Отец преподобный, постыла нам жизнь —
Со счастьем мы простились».

Из саксов лучший пал в бою,
И Банкерт смеется, негодный;
Отребе норманское делит страну,
В раба обратился свободный.

И стали лордами у нас
Норманны — вшивые воры.
Я видел, портной из Байе гарцовал,
Надев золоченые шпоры.

О, горе нам и тем святым,
Что в небе наша опора!
Пускай трепещут и они,
И им не уйти от позора.

Теперь открылось нам, зачем
В ночь комета большая
Пó небу мчалась на красной метле,
Кровавым светом сияя.

То, что пророчила звезда,
В сражении мы узнали.
Где ты велел, там были мы
И прах короля искали.

И долго там бродили мы,
Жестоким горем томимы,
И все надежды оставили нас,
И короля не нашли мы».

Асгот и Айльрик окончили речь;
Аббат сжал руки, рыдая,
Потом задумался глубоко
И молвил им, вздыхая:

«У Гринфильда Скалу Певцов
Лес окружил, синея;
Там в ветхой хижине живет
Эдит, Лебязья Шея.

Лебязьей Шеей звалась она
За то, что клонила шею
Всегда, как лебедь; король Гарольд
За то пленился ею.

Ее он любил, лелеял, ласкал,
Потом забыл, покинул.
И время шло, шестнадцатый год
Теперь тому уже минул.

Отправьтесь, братья, к женщине той,
Пускай идет она с вами
Назад на Гастингс — и женский взор
Найдет короля меж телами.

Затем в обратный пускайтесь путь.
Мы прах в аббатстве скроем,—
За душу Гарольда помолимся все
И с честью тело зароем».

И в полночь хижина в лесу
Предстала пред их глазами.

«Эдит, Лебязья Шея, встань
И тотчас следуй за нами.

Норманнский герцог победил,
Рабами стали бритты,
На поле Гастингском лежит
Король Гарольд убитый.

Ступай на Гастингс, найди его,—
Исполним наше дело,—
Его в аббатство мы снесем,
Аббат похоронит тело».

И молча поднялась Эдит,
И молча пошла за ними.
Неистовый ветер ночной играл
Ее волосами седыми.

Сквозь чащу леса, по мху болот
Ступала ногами босыми,
И Гастингса меловой утес
Наутро встал перед ними.

Растаял в утренних лучах
Покров тумана белый,
И с мерзким карканьем воронье
Над бранным полем взлетело.

Там на поле тела бойцов
Кровавую землю устлали,
А рядом с ними в крови и пыли
Убитые кони лежали.

Эдит, Лебязья Шея, в кровь
Ступала босою ногою,
И взгляды пристальных глаз ее
Летели острой стрелою.

И долго бродила среди бойцов
Эдит, Лебязья Шея,
И, отгоняя воронье,
Монахи брели за нею.

Так целый день бродили они,
И вечер приближался,
Как вдруг в вечерней тишине
Ужасный крик раздался:

Эдит, Лебязья Шея, нашла
Того, кого искала.
Склонясь, без слов и без слез она
К его лицу припала.

Она целовала бледный лоб,
Уста с запекшейся кровью,
К раскрытым ранам на груди
Склонялася с любовью.

К трем малым рубцам на плече его
Она прикоснулась губами,—
Любовной памятью были они,
Прошедшей страсти следами.

Монахи носилки сплели из ветвей,
Тихонько шепча молитвы,
И прочь понесли своего короля
С ужасного поля битвы.

Они к Вальдгэму его несли.
Спускалась ночь, чернея,
И шла за гробом своей любви
Эдит, Лебязья Шея.

Молитвы о мертвых пела она,
И жутко разносились
Зловещие звуки в глухой ночи.
Монахи тихо молились.

4

Весенней ночи прекрасный взор
Так кротко меня утешает:
«Любовь обрекла тебя на позор
И вновь тебя возвышает».

На липе молодой поет
Так сладко Филомела;
Мне в душу песнь ее течет, —
И, ширясь, душа запела.

5

Люблю я цветок, но не знаю который;
Томлюсь, грущу;
Склонив в цветочный венчик взоры,
Сердца ищу.

Благоухают цветы на склоне
Угасшего дня;
Ищу я сердца еще влюбленной,
Чем у меня.

Поет соловей, и слышу в пеньи
Подавленный стон.
И плачу я, и он в томленьи,
И я, и он.

6

Все деревья зазвучали,
Гнезда все запели вместе —
Кто ж, однако, капельмейстер
В этом девственном оркестре?

Или важный серый чибис?
Он кивает носом вечно.
Или тот педант, который
В тон кукует безупречно?

Или аист, — он серьезно,
Как заправский дирижер,
Длинной хлопает ногою,
Направляя общий хор?

Нет, уселся капельмейстер
В сердце собственном моем,

Чувствую, как такт он держит,
Узнаю Амура в нем.

7

«В начале был лишь соловей,
Он пел свое: цюкют! цюкют!
С тех пор побеги трав нежней,
Фиалки, яблони цветут.

Он клюнул в грудь себя, и вот
Течет из красной раны кровь,
Куст роз из крови той растет,
Ему поет он про любовь.

Всех нас, лесных пернатых, здесь
Сроднил своею кровью он;
Но смолкнет розе песнь — и весь
Наш лес на гибель обречен».

Так старый воробей твердит
В гнезде сынишке своему;
На первом месте мать сидит
И от себя пищит ему.

Вот мастерица, хоть кула,
Детей высиживать своих;
Старик от скуки иногда
Закону божью учит их.

8

Весенней ночью, в теплый час
Так много цветов народилось!
За сердцем нужен глаз да глаз,
Чтоб снова оно не влюбилось.

Теперь который из цветов
Заставит сердце биться?
Велят мне напевы соловьев
От лилии сторониться.

Ах, я слез любовных жажду,
 Жажду нежно-скорбных снов,
 И боюсь, что эту жажду
 Утолю в конце концов.

Ах, небесной муке сладкой
 Вновь любовь открыла путь,
 Яд любви проник украдкой
 В неокрепнувшую грудь.

10

Глаза весны синеют
 Сквозь нежную траву.
 То милые фиалки,
 Из них букет я рву.

Я рву их и мечтаю,
 И вздох мечты моей
 Протяжно разглашает
 По лесу соловей.

Да, всё, о чем мечтал я,
 Он громко разболтал;
 Разгадку нежной тайны
 Весь лес теперь узнал.

11

Мечтательно лилея
 Взирает на небо из вол;
 Привет тоски любовной
 Ей с неба месяц шлет.

Она свою головку
 Стыдливо клонит к волнам —
 А бедный бледный мечтатель
 У ног ее уже там.

12

Если только ты не слеп,
 Погляди в мои напевы:

Ты увидишь, там блуждает
Дивный образ юной девы.

Если только ты не глух,
Услыхать и смех сумеешь,
От ее вздыханья, пеня
Сердцем, бедный, поглупеешь.

Взором, голосом ее,
Как и я, обвороженный,
Будешь ты в мечтах весенних
По лесам бродить, влюбленный.

13

Что ночью весенней посишься ты?
Ты свел совсем с ума цветы.
Фиалки перепугались!
И розы все от стыда красны,
И лилии все, как смерть, бледны,
Робеют, поникли и сжались!

О, месяц, сколько ханжества
В семье цветов! Но она права,
Достоин я наказания!
А кто же знал, что они следят,
Как я, восторгом любви объят,
Звездам поверял мечтанья?

14

Снова сердце покорилось,
Гнев и злоба — всё минуло;
Снова нежных чувств истому
Ты, весна, в меня вдохнула.

По исхоженным аллеям
Снова день и ночь слоняюсь
И под каждой женской шляпкой
Милый лик найти стараюсь.

На мосту торчу я снова
Над зеленою рекою —
Может быть, проедет мимо,
Переглянется со мною.

Снова в шуме водопада
Тихим жалобам внимаю,
Разговоры белых струек
Чистым сердцем понимаю.

И в мечтах блуждаю снова
По тропинкам потаенным,
И кажусь кустам и птицам
Дураком опять влюбленным.

15

Тебя люблю я — неизбежно
Мне удалиться — не сердись.
Цветущий образ твой и нежный
И мой печальный — не сошлись!

Я от любви к тебе стал хворый
И отоцал совсем, — взглядись!
Тебе я буду гадок скоро, —
И удаляюсь, — не сердись!

16

Разве прежде сны не снились,
Тем же счастьем волнуя?
Или вправду изменились
Розы, взоры, поделуи?

Не светил ли нам двурогий
Месяц сквозь листву в трельяже?
Разве мраморные боги
Не стояли там на страже?

Слишком нежный сон, я знаю,
Вид свой скоро изменяет,—
Точно риза снеговая
Розу, сердце одевает;

И тогда мы сами стынем
И друг друга забываем,—
А с какой любовью ныне
Сердце к сердцу прижимаем!

17

Поцелуями впотемках
Обменяться, не дыша,—
Сколько счастья в этом видишь,
Ты, влюбленная душа!

И твое воображенье
Разгорается притом,
День грядущий прозревая,
Вспоминая о былом.

Но рискованно, целуясь,
Слишком много размышлять...
Лучше плакать, друг мой милый,
Слезы легче проливать!

18

Утром шлю тебе фиалки,
В роце сорванные рано;
Для тебя срываю розы
В час вечернего тумана.

Ты поймешь, конечно, эту
Аллегория цветную?
Оставайся днем мне верной
И люби порой ночью.

Цветут желанья нежно
И блекнут они в груди,
И вновь цветут и блекнут —
А там и в гроб иди.

И всё это очень мешает
Веселью и любви;
Умен я и так остроумен,
А сердце мое в крови.*

Протянулось надо мною
Небо, точно старец хилый —
Красноглазый, с бородою
Поседелых туч, унылый.

Только он на землю глянет,—
Цвет весенний отцветает,
Даже песня в сердце вянет,
Даже радость умирает.

Застыло сердце в скуке безотрадной,
В холодный мир вступаю, как чужой,
В исходе осень, и туманной мглой
Окутан край окрестный неприглядный.

И ветер, вой, вьет с тоскою жадной
И покрасневших листьев крутит рой,—
Вздыхает лес, дымится луг нагой,
К тому же, дождик — беспощадный.

* Вариант последней строфы:

И всё это мне омрачает
И радость и любовь;
Мое сердце так остроумно,
Однако терлет кровь.

Ред.

Небо, как всегда, невзрачно!
 Город — всё в нем, как и было!
 Он глядится в Эльбу — мрачно,
 Обыденно и уныло.

Все носы, как прежде, длинны
 И сморкаются тоскливо;
 Гнут ханжи всё так же спины,
 Или чванятся спесиво.

Юг прекрасный! Я тоскую
 По богам твоим, по свету,
 Наблюдая мразь людскую,
 Да еще в погоду эту!

Что я любим, я знаю,
 И знал уже давно;
 Но тем, что ты призналась,
 Испуган всё равно.

Я поднимался в горы,
 И пел, и ликовал;
 У моря на закате
 Я слезы проливал.

И сердце, точно солнце,
 Расплавленное, жжет,
 И, пышно и огромно,
 В моря любви плывет.

Мы здесь построим на скале
 Храм третьего завета:
 Нам третий, новый дан завет;
 Страдание отпето.

Душа от двойственности злой
 Навек освободилась,

И наконец-то глупость мук
Телесных прекратилась!

Ты слышишь бога в мраке волн?
Стоусто он вещает.
Над нашей головой миллион
Его огней сверкает!

Его присутствие равно
И свет и мрак волнует;
Бог — всё, что в них заключено;
Он в нашем поцелуе.

25

Над побережьем ночь сереет,
Звезды маленькие тлеют,
Голосов протяжных звуки
Над водой встают и реют.

Там играет старый ветер,
Ветер северный, с волнами,—
Раздувает тоны моря,
Как органными мехами.

Христианская звучит в них
И языческая сладость,
Бодро ввысь взлетают звуки,
Чтоб доставить звездам радость.

И растут всё больше звезды
В иступленном хороводе,
Вот, огромные, как солнца,
Зашатались в небосводе.

Вторя музыке из моря,
Песни их безумно льются:
Это соловьи-планеты
В светозарной выси вьются.

Слышу мощный шум и грохот,
Пенье неба, океана,
И растет, как буря, в сердце
Сладострастье великана.

26

Взыскан я улыбкой бога,
Мне ль уйти теперь в молчанье,—
Мне, который пел так много
В дни несчастий о страданье?

Мне юнцы в стихонках скверных
Подражали безотрадно,
Боль страданий непомерных
Умножая беспощадно!

Соловьиный хор прекрасный,
Что в душе ношу всегда я,
Лейся буйно, громогласно,
Всех восторгом заражая!

27

Жил я верою одною
В то, что поцелуи жен
Нам назначены судьбою
От начала всех времен.

Целовать и целоваться
Так серьезно я умел,
Точно должен был стараться
Над решением важных дел.

Ныне я отлично знаю
Поцелуев суету,—
В них не верю, не мечтаю
И целую на лету.

Вдвоем на уличном углу
 Час целый мы стояли,
 И о союзе наших душ
 Мы нежно рассуждали.

Свою взаимную любовь
 Сто раз мы подтверждали;
 Стоять на уличном углу
 Мы всё не прекращали.

Богиня Случая меж нас
 Субреткой проскользнула,
 Увидела, что мы стоим,
 И, прыснув, упорхнула.

Не знаю, что стало со мною,—
 Печалью я смущен;
 Душе не дает покою
 Преданье старых времен...

Прохладой сумерки веют,
 Спокойно Рейн течет;
 Закатной зарей алеют
 Края крутых высот.

И там над крутизною
 Девушка — чудо красы —
 Одеждой горит золотою
 И чешет злато косы.

Золотым убирает гребнем
 И песнь поет она;
 Мелодия этой песни
 Могуча и чудна.

Пловец на лодочке малой
 Тоскует, таит мечту;
 Забыл он подводные скалы,—
 Глядит лишь туда, в высоту...

Погибнет в волнах без сомненья
Пловец с его челноком;
И знаю — Либрелей пенье
Виновно будет в том.

30

Глядели мы в море, сидя
У дома рыбака;
Вставал туман вечерний,
Сгущался в облака.

Один за другим загорелись
Огни на маяке,
Еще корабль был нами
Замечен вдалеке.

Шла речь о бурях, крушениях,
О моряке, — всегда
С ним делят печаль и радость
Лишь небо и вода.

О севере и о юге,
О берегах иных,
О странных и дальних народах,
О странных обычаях их.

На Ганге — свет, ароматы,
Громадный лес цветет;
Пред лотосом склонился
Красивый, тихий народ.

В Лапландии грязные люди
На корточках тупо сидят
И жарят на вертеле рыбу,
Пискливо кричат и визжат.

Девицы мне внимали,
Умолкли мы все затем;
И корабля не видно —
Стемнело уж совсем.

Златит сияньем вóлны
 Взошедшая луна;
 Я с милой, счастья полный,
 В сердцах растет волна.

В объятьях девы нежной
 Рад отдохнуть бы я...
 «Что слушаешь, ветер мятежный?
 Трепещет рука твоя...»

«Не ветер это мятежный,—
 Русалок подводный хор,
 В пучине вод безбрежной
 Погибнувших сестер».

Вечер пришел безмолвный,
 Над морем туманы свились;
 Таинственно шепчутся волны,
 Вырастают белые ввысь.

Растет русалка из глуби,
 Садится на берег со мной;
 Трепещут белые груди
 За ее прозрачной фатой.

Почти до боли душит,
 В объятьях тесных жмет,—
 Ты так меня задушишь,
 Краса глубоких вод!

«К тебе я прижалась крепко,
 Я крепко тебя обняла:
 Хочу с тобой согреться,—
 Прохладна ночная мгла».

А месяц всё тускнеет
 Среди облачных высот,—

Твой взор туманный влажнест,
Краса глубоких вод!

«О, нет, тебе показалось,
Он влаги туманной полн
Затем, что в нем капля осталась,
Когда я росла из волн».

Стон чаек неустанный,
Прибой бушует, ревет,—
Дрожит твое сердце странно,
Краса глубоких вод!

«Дрожит мое сердце странно,
Мой трепет всё сильней.
Ведь я люблю несказанно
Тебя, краса людей!»

33

В лучах вечерних вал сверкал,
Края небес алели;
Вдвоем у дома рыбака
Мы долго молча сидели.

Вставал туман из волн седых,
И чайки над ними кружились;
Из ласковых очей твоих
Слезы, дрожа, струились.

Текли на пальцы твоей руки,
И низко я склонился;
И чистых слез, прекрасных слез
С твоей руки напился.

С тех пор я вяну, с тоски зачах,
С печали умираю;
Несчастливая, в твоих слезах
Была мне отравы злая.

Они любили друг друга,
Но каждый об этом молчал:
Встречались всегда врагами,
И каждый в любви изнывал.

Они расстались, и только
Встречались в виденьи ночном;
Они давно скончались
И сами не знали о том.

Щекой к щеке моей прижмись,
. слезами
И сердцем к сердцу крепко льня,
Взовьется взаимное пламя!

Когда к высокому костру
Слезы хлынут рекою,
В блаженной муке я умру,
Обвив тебя рукою.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

«*Земля в снегу*» — Александр Блок. Земля в снегу. Третий сборник стихов. Изд-во «Золотое руно», М., 1907.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР.

«*Неизданные стихотворения*» — А. Блок. Неизданные стихотворения (1897—1919). Изд-во «Жизнь искусства», Л., 1926.

«*Ночные часы*» — Александр Блок. Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908—1910). Изд-во «Мусагет», М., 1911.

«*Письма к родным*» — «Письма Александра Блока к родным». С предисловием и примечаниями М. А. Бекетовой. «Academia», Л., 1927.

«*Письма к родным* II» — «Письма Александра Блока к родным». II. Под редакцией и с примечаниями М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. «Academia», М.—Л., 1932.

Рукопись — беловые автографы стихотворений А. Блока 1897—1921 гг. (с позднейшей правкой), сосредоточенные в десяти тетрадах (фонд А. Блока в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР).

«*Седое утро*» — Александр Блок. Седое утро. Стихотворения. «Алконост», П., 1920.

«*Собр. соч.*» — Александр Блок. Собрание сочинений, тт. I—XII. Изд-во писателей в Ленинграде и «Советский писатель», Л., 1932—1936.

«*Собр. стих.*» III (1912) — Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга третья — Снежная ночь (1907—1910). Изд-во «Мусагет», М., 1912. Авторский экземпляр этого издания,

с пометами и поправками А. Блока, хранится в его архиве (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

Черновики — черновые автографы стихотворений А. Блока, сосредоточенные по преимуществу в его записных книжках и в особой папке «Черновые стихи» (фонд А. Блока в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР).

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ТРЕТЬЯ

СТРАШНЫЙ МИР

К М у з е. Впервые — «Русская мысль», 1913, № 11. Здесь 7 — 11 после восьмой строфы — еще одна:

И доныне еще, безраздельно
Овладевши душою на миг,
Он ее опьяняет бесцельно —
Твой неистовый, дивный твой лик.

В рукописи — дата: «Осень — 29.XII.1912». *Аи* — марка пампанского. В последней строфе — отзвук Ф. М. Достоевского: «...попирание всякой святыни, насмешка и безверие» («Братья Карамазовы», кн. 9, гл. III, слова Дмитрия Карамазова).

«Под шум и звон однообразный...» Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 12.

«В эти желтые дни меж домами...» Впервые — альм. «Стожары» (1912). В черновике, датированном августом 1909 г., после третьей строфы — еще одна:

Ночи зимние видят наш дьявольский бал,
Эти залы огней уходящих,
Эти белые стены и тонкий кинжал
Этих глаз, беспощадно разящих.

«Из хрустального тумана...» Впервые — «Весы», 1909, № 10/11. Посылая это стихотворение матери, Блок заметил, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 274).

13—19 См. на стр. 365 наст. тома набросок, по-видимому примыкающий к этому стихотворению.

Д в о й н и к. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 25 октября; вторично — «Ежемесячный журнал», 1918, № 2/3 (с вариантом в стихе 5-м: «И вот — в петербургском тумане»). В черновике — другой текст третьей строфы:

Вдруг вижу — из мглы ресторанной,
Шатаясь, выходит на снег
Какой-то печальный и странный
С закрытым лицом человек.
Выходит из мглы ресторанной
И падает замертво в снег.

Окончательный текст — 26 августа 1914 г.

П е с н ь А д а. Впервые — альм. «Любовь» (1910). В рукописи — подзаголовок: «Вампир». В «Собр. стих.» III (1912) сопроводжено следующим примечанием: «„Песнь Ада“ есть попытка изобразить „инфернальность“ (термин Достоевского), „вампиризм“ нашего времени стилем Inferno, что видно с первых слов: „День догорел“ („Lo giorno se n'andava“ — начинается вторая песнь „Ада“). „Где спутник мой? О, где ты, Беатриче? — Иду один...“ Современность не обладает не только райской спутницей, божественной Мудростью, но и земною мудростью язычника Виргилия, который сопутствовал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче (Inferno, I, 112—114)». — «Inferno» — «Ад», первая книга «Божественной Комедии» Данте Аллигьери. Экземпляр русского перевода «Божественной Комедии», принадлежавший Блоку, был испещрен различными его пометами (см. А. Блок. Собрание сочинений, под ред. В. Гольцева. М.—Л., 1929, стр. 304). Посылая «Песнь Ада» матери, Блок писал, что она ему «нравится ограничительно», но что в ней «есть нечто от старинных культур и от Данта и т. д. — то есть от священного прошлого» («Письма к родным», стр. 281 и 283).

«Поздней осенью из гавани...» Впервые — «Новая жизнь», 1910, № 1. Посылая это стихотворение матери, Блок отметил, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 285). См. на стр. 366 наст. тома набросок, по-видимому примыкающий к этому стихотворению.

На островах. Впервые — «Альманах для всех» II ^{20—24} (1911), — под заглавием: «Нет». *Елагин мост* — в Петербурге.

«С мирным счастьем покончены счёты...» Впервые — «Голос жизни», 1915, № 5; вторично — альм. «Пряник» (1916). Первоначальные наброски:

⟨1⟩

С бедной жизнью покончены счёты,
Не дразни запоздалым огнем.
Кто твердит, что печаль и заботы
Ждут

⟨2⟩

Жизнь пуста, безумна и бездонна,
Дай забыть, дай вспомнить об ином.
Он пропел — победно и влюбленно —
Твой рожок — в голубом.

В одном из черпунков ко второй строфе — помета: «Декабрь 1910. По поводу новых бряцаний оружием В. Я. Брюсова — приглашений к реализму и позитивизму (доклад в Моск(овском) худ(ожественном) кружке)». Окончательный текст — 25 декабря 1914 г. В черпунке это стихотворение, как и следующее, тесно связано с «Шагами командора» (см. па стр. 519 — прим. к «Шагам командора»).

«Седые сумерки легли...» Впервые — «Голос жизни», 1915, № 5. Окончательный текст — 4 марта 1914 г.

«Дух пряный марта был в лунном круге...» Впервые — «Ночные часы» (1911). Первоначальный набросок:

Весь город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал безумно у чьих-то ног.
Дух пряный марта был в лунном круге,
Ночь светлая сбила со всех дорог.
Среди ночи припал я к холодной ступени,
На выезде к морю, где часовня и ночь.
Как любовницам гордым целовал я колени,
Смерть, целую твой след, если можешь помочь.
Душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет

25—26 Третья строфа была введена в окончательный текст дополнительно. *Крестовский остров* — в Петербурге.

В р е с т о р а п е. Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11. В черновике после третьей строфы — набросок еще одной:

Как по нити незримой, из глуби
Попеслись от тебя огоньки
И прильнули к глазам и спросили — ты любишь?
И глаза отвечали: люблю.

Там же — первоначальный текст шестой, заключительной строфы:

Как брэнчало монисто, цыганка плясала
И визжала заре о любви,
Как ты шлейф подбирала и взоры бросала
И, бросая, кричала: лови!

Там же — первоначальный текст стихов 15—16:

И над чадом трактирным — восторженно юны
Загорелись, взвились мотыльки.

Стихотворение было вызвано встречей с Марией Дмитриевной Нелидовой (ум. в 1951 г.) в известном петербургском ресторане «Вилла Родэ». Приводим в извлечении рассказ М. Д. Нелидовой (записанный в 1948 г. А. Г. Лебедевой): «Мы сидели за столиком. „Посмотри, — сказала мне *belle soeure*, — с тебя Блок глаз не спускает“ (он сидел недалеко от нас). Я отвернулась так, чтобы он не видел моего лица. Он послал мне бокал с вином, и в нем — красную розу. В этом я увидела дерзость, мне не захотелось больше оставаться там, я встала и вышла. Потом я как-то была у А. М. Ремизова. К ним пришел Блок. „А-а, незнакомка, — сказал он. — Отчего вы тогда ушли?“ Мы познакомились. Он прочел стихи: „Я сидел у окна в переполненном зале...“ Мы встречались еще... По его просьбе я переводила для него с французского Пеладана „Эдип и Сфинкс“. Блоку мой перевод понравился, он хотел переложить его гекзаметрами».

Д е м о н («Прижмись ко мне крепче и ближе...»). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11. Приводим два первоначальных наброска:

Склопись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих,
И новое что-то я вижу
В бреду поцелуев твоих.

Целуешь ты дерзко и душно.
И вот уже — прошлого нет.
Душа ко всему равнодушна,
Лишь где-то — рассеянный свет.

Я вижу — в лиловом провале
Лежу я один в забвении,
И губы и очи устали,
И сломаны руки мои.

И вечер пустынный и старый
[Вечерний пылающий]
Пришел над тобою — Тамарой
[Бессмертьем златым]

И слова огнем небывалым
Горит на вершинах заря.

И вижу в заре небывалой
С вершины горы
Твое покрывало
И чадры.

В томленьи твоём иступленном
Гармония странная есть —
Лучом ли горит отдаленным
Иль звуком плывет эта весть.

Как будто все сорваны маски,
И все позабыты века
И [визгом] врывается в ласки
Она — Незнакомка — Тоска.

[У ней твои губы и плечи,
Твой взор измененный]

Давно ее слышу и вижу
Еще
Она — измененная ты
(ты — измененная страстью).

27—33 «Стихотворение написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию» (прим. Блока в «Собр. стих.» III, 1912). Развитие этой мысли — в статье Блока «Памяти Врубеля», особенно в первом ее варианте (т. V наст. издания). «С Врубелем я связан жизненно», — писал Блок матери 8 апреля 1910 г. См. другое стихотворение Блока о демоне — 1916 г. (стр. 60 наст. тома). *Зурна* — восточный музыкальный инструмент, вроде гобоя.

«К а к т я ж е л о х о д и т ь с р е д и л ю д е й...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 8/9. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. Эпиграф (приписанный в рукописи позже) — из стих. А. А. Фета «Когда читала ты мучительные строки...»

«Я к о р о т а ю ж и з н ь м о ю...» Впервые — «Огонек», 1912, № 26.

«И д у т ч а с ы , и д н и , и г о д ы...» Впервые — альм. «Антология» (1911), — под заглавием: «Исход». *Esse Homo!* (Се — человек!) — по евангельской легенде, слова, с которыми Понтий Пилат указал на Иисуса Христа (От Иоанна, XIX, 5). В последней строфе нашёл очевидное отражение эпизод музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда»: умирающий Тристан срывает со своей раны повязку.

У н и ж е н и е. Впервые — «Северные записки», 1913, № 2. В рукописи датировано: «Ноябрь — декабрь 1911 г.»; дата окончательной обработки — 6 декабря 1911 г.

А в и а т о р. Впервые — «Заветы», 1912, № 1. Черновой набросок относится к 1910 г. В рукописи посвящено памяти одного из первых русских летчиков — В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г. на Коломяжском аэродроме, во время «Авиационной недели», собиравшей множество пресыщенной буржуазной публики (см. предисловие к поэме «Возмездие» — стр. 296—297 наст. тома). Блок, сильно увлеченный первыми успехами авиации, утверждал, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук» (см.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 51). Начиная с весны 1910 г., поэт часто посещал Коломяжский аэродром. «В полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно —

высокое», — писал он матери 24 апреля 1910 г. *Летун* — в на- 35—39 родном языке: огненный змей, летучий дух. *Уж в вышине недостижимой...* — ср. у Ф. И. Тютчева: «С недостижимой высоты» («Живым сочувствием привета...»).

«Повеселясь на буйном пире...» Впервые — «Заветы», 1912, № 2 (без посвящения). В рукописи — дата: «1909 (за границей — наброски) — 3—6 января 1912». Из черновика видно, что в июне 1909 г., в Бад Наугейме, были написаны первая строфа и вторая половина третьей.

П л я с к и с м е р т и

1. «К а к т я ж к о м е р т в е ц у с р е д н л ю д е й...» Впервые — «Современник», 1912, № 11 (под заглавием: «Totentanz»). Здесь после девятой строфы — еще одна:

И льнет к нему... в его лице румянец.
Ресницы опустив, скользит она,
Не ведая, что это — смерти тапец,
Им, скрипками и вальсом пленена...

В стихе 40 — отзвук А. А. Фета: «К плечу слегка твоя склонилась голова» («Вчера, увенчана душистыми цветами...»). По свидетельству К. И. Чуковского («Из воспоминаний», М., 1959, стр. 369), в этом стихотворении «под видом живого покойника частично выведен... Аркадий Руманов, ловкий и бездушный газетно-журнальный делец, талантливо симулировавший надрывную искренность и размахистую поэтичность души».

2. «Н о ч ь, у л и ц а, ф о н а р ь, а п т е к а...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 3, — вместе со следующим стихотворением, под общим заглавием: «Totentanz».

3. «П у с т а я у л и ц а. О д н о г о п ь в о к н е...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 3.

4. «С т а р ы й, с т а р ы й с о п. И з м р а к а...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 4 октября. Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

5. «В н о в ь б о г а т ы й з о л и р а д...» Впервые — «Русская мысль», 1915, № 12, — без третьей и четвертой строф, опущенных по цензурным условиям, и под заглавием: «Пляска смерти». Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

«Миры летят. Годы летят. Пустая...» Впервые — «Русская молва», 1913, 10 февраля; вторично — «Заветы», 1913, № 3. В рукописи — помета: «Допис(ано) 2 июля».

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянны й...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 11 (без эпиграфа). В рукописи датировано: «Сентябрь — 2 ноября» (1912 г.). Вариация на тему знаменитой баллады североамериканского поэта Эдгара По (1809—1849) — «Ворон», откуда и взят эпиграф (в переводе В. Брюсова). В 1906 г. Блок писал об Эдгаре По в связи с творческими исканиями символистов (см. т. V наст. издания — рецензия на «Собрание сочинений» Э. По). В корректуре третьего издания третьей книги «Стихотворений» (вышла в 1921 г.) имеется следующая помета Блока к этому стихотворению: «Брюсов очень верно указывал на неуместность *ада*. Чуковский — против *сёр*. Стихи близки А. Белому». О своеобразной транскрипции слова «сэр», какой придерживался Блок («сёр» звучало для него «тургеневским звуком, с французским оттенком»), см. у К. Чуковского — «Александр Блок как человек и поэт». П., 1924, стр. 5. Отзыв А. Белого об этом стихотворении см. в книге: А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 335.

«Есть игра: осторожно войти...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 2 (под заглавием: «Есть игра»). В рукописи — дата: «15—18.XII.1913» и помета к последней строфе: «Переделать».

«Как растёт тревога к ночи...» Впервые — альм. «Сириц» III (1914). В рукописи — дата: «22—30.XII.1913».

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 12. Первоначальный набросок датирован 5 февраля 1908 г. *Ревность по дому* и *Что делаешь, делай скорее* — цитаты из евангелия (От Иоанна, II, 17 и XIII, 27); вторая из них — слова Иисуса, обращенные к Иуде.

Жизнь моего приятеля

1. «Весь день — как день: трудов исполнен малых...» Впервые — «Голос», 1915, 1 ноября.

В рукописи (датированной 25 января — 11 февраля 1914 г.) — 48—50
два варианта второй строфы:

⟨1⟩

Волнуешься, — а в глубине спокоен:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, о, современный воин,
Безверие и грусть.

⟨2⟩

Волнуешься, — а в глубине уютно:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, пустой и неприютной,
Безверие и грусть.

Ни охнуть, ни вздохнуть — выражение И. А. Крылова (басня
«Волк и Журавль»).

2. «П о г л я д и т е , в о т б е с с и л ь н ы й...» Впер-
вые — «Солнце России», 1916, № 6 (под заглавием: «Копченый»);
вторично — альм. «Эпоха» I (1918). Окончательный текст —
12 февраля 1914 г.

3. «В с ё с в е р ш и л о с ь п о п и с а н ь я м...»
Впервые — альм. «Эпоха» I (1918). Окончательный текст —
12 февраля 1914 г.

4. «К о г д а н е в з н а ч а й в в о с к р е с е н ь е...»
Впервые — альм. «Эпоха» I (1918). Окончательный текст —
12 февраля 1914 г. *Сыскное отделение* — полиция.

5. «П р и с т а л к о м н е н и щ и й д у р а к...»
Впервые — «Голос жизни», 1915, № 16; вторично — «Вестник
Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 10. В черно-
вике — первоначальный текст второй строфы:

— Чего ж тебе надо? — Того,
Чтоб стал ты, как я. — Для чего же?
— Да ты-то ведь так же ничтожен,
Вот, миленький мой, для чего.

Окончательный текст — 3 января 1914 г.

6. «День проходил, как всегда...» Впервые — альм. «Стрелец» I (1915). Здесь после стиха 7 («О газете — четвертый») — еще четыре:

Хлебников и Маяковский
Набавили цену за книги,
Так что прикащик у Вольфа
Не мог их продать без улыбки.

(В. В. Хлебников — поэт-футурист; Вольф — книжный магазин М. О. Вольфа). Первоначальный набросок датирован 27 августа 1909 г., второй черновик — 20 марта 1914 г. В наброске 1909 г. тесно связано со стих. «Чем больше хочешь отдохнуть...» (стр. 79 наст. тома и прим. на стр. 519). В рукописи — ряд важных вариантов. Вместо стихов 27—31 окончательного текста сначала было:

После — сидел я в трамвае
Меж толстым попом и девицей,
В кинематографе был,
И там, на грязном экране,
Знатный барон целовался
Под собственной пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая.
Вышел я — вечер настал,
И уже у ворот собрались
Дворник и горничных две,
Собачка, девчонка и кошка;
Городовой говорил им
Галантно о случаях разных,
А перед ними,
У самого края панелл,
Пьяный иль мертвый
Лежал с полчаса,
И его объезжал аккуратно
Каждый извозчик.
Всё было в отменном порядке.

Далее — после стиха 42 («В мир возвратить не могло...») — было еще два.

Я был бездыханен,
Жил только там.

И после стиха 49 («Как в мире, отменный порядок...») — еще четыре:

Так же, однако, не всё в них
Светло и блаженно,

Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт, чьи скорбные стихи пользовались в свое время шумным успехом.

7. «Грешн, пока тебя волнуют...» Впервые — «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 6/7. В рукописи — дата: «18.X — 9—10.XII.1915». В заключительном двустишии — отзвук евангельского выражения: «Да не преткнешься о камень погую твоей» (От Луки, IV, 11).

8. «Когда осплила тревога...» Впервые — «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 6/7. В рукописи — дата: «18.X — 10.XII.1915».

Черная кровь

1. «В пол-оборота ты встала ко мне...» Впервые — «Северные записки», 1914, № 3. Здесь — отброшенное впоследствии окончание:

Даже в разлуке ты будешь моей
Много тяжелых и страшных ночей.

Туча пройдет, пронесется гроза,—
Ты не девичьи откроешь глаза!

В рукописи — дата: «XII.1913 — 2.I.1914».

2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к осени 1909 г. В черновике — другое начало:

Я смотрю на тебя. Каждый демон во мне
Упоен синевой твоих глаз.
Лучше нам не встречаться в такой тишине.

3. «Даже имя твое мне презренно...» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. В рукописи — дата: «29—30 января 1914 г.». В черновике — другое начало:

Даже имя твое мне презренно.
.....
И в груди — уж поток многопешный
И в ушах — этот шум веретеп!

О, проклятие темной богине,
 Что такую тебя создала:
 Создала это пение линий,
 Эту лживую тень вокруг чела.

Подойди, может быть, я ударю,
 Может быть

4. «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» Впервые — «Новая студия», 1912, № 1. В рукописи — дата: «Осень 1911 — февраль 1912» и помета к заглавию («Сонет»): «Изукрашенный по дикарски (Пяст)» (то есть, очевидно, по мнению поэта В. А. Пяста).

5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад...» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

6. «Испугом схвачена, влекома...» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к марту 1910 г.:

Одна из них: «погибнешь» говорила,
 «Ты до всего дойдешь». — Да будет так.
 «Боюсь тебя».

Приводим черновик, датированный 1 сентября 1912 г.:

Испугана, взволнована, влекома
 За мною — в страсть!
 Как пропасть ей желанна и знакома,
 Как сладко пасть!..

То, отрезвась на миг, пугливо шепчет:
 «Погибнешь!.. До всего дойдешь!»
 Стыдясь, от этого лишь руки крепче
 Сожмешь, совьешь, сплетешь!..

Проходит всё — пройдет и мрак звенящий
 [Сквозь бледность] штор,
 Начертит бог на теле тяжко спящей
 Свой утренний узор.

И сон
 А утром — в зеркале

Во взгляде — томном и усталом —
 Твоя в нем ложь.

И рот извивом четко-алым
 На твой таинственно похож...

И сердце женщины безумной,
Чье имя помнит ночь одна...

К этому черновику относятся две пометы: «Потом — думал, стало противно!» и «Это — давнее воспоминание».

7. «Ночь — как века, и томный трепет...» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к сентябрю 1912 г. Черновик помечен: «Допис(ано) 27.XII.1913». В рукописи после второй строфы — еще одна:

О, в бледный день о несказанном
 Не говори.
Вон в зеркале, еще туманном
От бледности зари,— смотри:

8. «Я ее победил, наконец!..» Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок:

Мы в тяжелых коврах, в пыли.
Три свечи в бесконечной дали.

Я тебя победил, наконец,
Я завлек тебя в мой дворец!

Вижу в тусклом дрожащи свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Одичалую разность глаз,
И на перстне горит алмаз.

Черно-синяя тяжесть кос,
На змеистых бровях вопрос.

Был пожар, сраженье, полет —
И обуглен кровавый рот.

За глухим затвором окон
Точно шелест многих знамен,

Храп коней, завыванье труб,
А она — неподвижна, как труп.

— Чтó ты слышишь в утре моем?
— Слышу — мы с тобой не вдвоем,

Мой любимый, закрой мне лицо,
Мой несчастный,ними кольцо!

— У тебя непонятный страх,
Это кровь, кровь шумит в ушах.

У тебя пылающий лоб —
Это конницы тяжкий топ.

— Это смерть идет
— Кровь твоя — на моих руках.

В мглистый вечер весне
Кровь твоя — будет петь во мне.

Знаю, выпил я кровь твою,
Я кладу тебя в гроб и пою,

В мглистый вечер — о ясном дне
Будет петь твоя кровь во мне,

Долгой ночью глухой зимы
О весне будем думать мы!

Так умри, подруга моя...

В черновике (1914 г.) — первоначальный текст двустипший — пятого:

И обугленный кровью рот,
Задыхаясь, опять зовет.

Восьмого:

— Мой любимый, то смерти конь,
Мой несчастный, гаси огонь!

И одиннадцатого:

— Мой красавец, мой блч, мой позор...
Ночь простерла черный шатер.

Окончательный текст — июль 1914 г.

9. «Над лучшим созданием божьим...»
Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. В черновике — другое начало:

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я женщину палкой ударил,
Я сделал из гибкого тела
Комок униженной тоски.

Всегда так бывает — полюбишь —
Захочешь, захочешь — ударишь,
Ударишь — и кончены счёты
С любовью — презренье и стыд.

60—62

К двум последним строкам этого наброска есть однострочный вариант: «Презренье — замена любви!» Окончательный текст — 21 февраля 1914 г.

Д е м о н («Иди, иди за мной — покорной...»). Впервые — альм. «Творчество» I (1917). В рукописи — дата: «1916.20.III (— 9.VI)» и помета в форме подзаголовка: «(Упражнение)». Ср. стих. «Демон» 1910 г. (стр. 26 наст. тома).

Г о л о с и з х о р а. Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1916, № 1. Первоначальный набросок датирован: «6 июня <1910>—Троица. У камня под Руновым» (*Руново* — деревня вблизи Шахматова). Здесь намчалось совершенно иное развитие темы:

Только дети да глупые знают
Мрак и холод грядущих дней.

Я хочу, чтоб душа веселилась
В самый мертвый, полуночный час,
Чтоб в страну, куда ты удалилась,
В легком танце душа понеслась.

Я крылатым рожден и веселым,
Это шныне лишь
Лишь до времени камнем тяжелым
Вход завален, и дух мой в гробу.

Там же — первоначальный набросок второй строфы:

Ты милой руки страстно жал
В ночи таинственной.
Смотри — блеснет сквозь ночь кинжал
В руке убийственной.

По поводу этого стихотворения Блок однажды сказал: «Очень неприятные стихи. Я не знаю, зачем я их написал. Лучше бы было этим словам оставаться не сказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть. А за ним будет ясный день» (Вс. Рождественский. Александр Блок. — «Звезда», 1946, № 3, стр. 113).

«О доблестях, о подвигах, о славе...»
 Впервые — «Новый журнал для всех», 1910, № 1. Приводим первоначальный текст, датированный 1 августа 1908 г. и в дальнейшем превратившийся в три отдельных и совершенно самостоятельных стихотворения:

Когда замрут отчаянье и злоба,
 Нисходит сон. — И крепко спим мы оба
 На разных двух концах земли.
 Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
 Часы. Идут часы походкою столетий,
 И сны встают в земной дали.

О доблестях, о подвигах, о славе
 Я забывал на горестной земле,
 Когда твое лицо в простой оправе
 Передо мной сияло на столе.

Но час настал — свой плащ скрутило время,
 И меч блеснул — и стены разошлись,
 И я пошел с толпой туда, за всеми,
 Где призраки всем милые ждались.

Мелькала нам за серой кручей круча,
 Народ роптал, вожди лишились сил,
 Навстречу нам шла грозовая туча,
 Мгновенных молний сноп по ней рябил.

И руки повисали, точно плети,
 Когда кругом, завидя кулаки,
 Грозящие громам, рыдали дети
 И жены кутались в печальные платки.

И я, без сил, как тать, бежал из строя,
 За мной с горы сошли толпы других,
 Но не сияло небо голубое
 И солнце скрылось в тучах грозových.

Скитались мы, беспомощно роптали,
 На месте прежних хижин не нашли
 И у ночных костров, дрожа, мечтали
 Искать иной, неведомой земли...

Напрасный жар! Напрасные надежды!
 Мечтали мы, мечтаний не любя,
 И не было ни пищи, ни одежды,
 Ни крова, ни свободы... ни Тебя!

Я звал Тебя — и Ты не оглянулась.
 Я слезы лил — и Ты не спизошла.

Ты в серый плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла.
Я крепко сплю и вижу плащ твой сипий,
В котором ты в сырую ночь ушла.

Уж не мечтать о нежности, о славе!
Всё мнилось — молодость прошла.
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

(«Серый плащ» — в девятой строфе — очевидно, описка Блока, вместо *синий*, как в рифмуемом окончании стиха в следующей строфе). В декабре 1908 г. Блок выделил из этого черновика стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе...», затем — в феврале 1914 г. — еще два стихотворения: «Забывшие Тебя» и «Когда замрут отчаянье и злоба...» (стр. 66 и 129 наст. тома). Обращено к Л. Д. Блок.

З а б ы в ш и е Т е б я. Впервые — «Ежемесячный журнал», 1915, № 12; вторично — «Знамя труда» (Временник), 1918, № 1 (июнь). См. предыдущее прим. Окончательный текст — 8 февраля 1914 г. *Напрасный жар* — выражение А. А. Фета (из стих. «Далекий друг, пойми мои рыдания...»).

«Она, как прежде, захотела...» Впервые — «Правда жизни», 1908, 1 декабря (под заглавием: «На закате»). Здесь после первой строфы — еще одна:

Как белый ангел в воскресенье,
Вошла тихонько поутру,
Не ведая, что нет спасенья,
Что умирающий — умру.

К строке *Ни слов, ни счастья, ни обид* Блок в «Собр. стих.» III (1912) сделал примечание: «„Забвеньем счастья и обид“ (В. Брюсов)», отсылающее к стих. В. Я. Брюсова «К близкой» (в его сборнике «Urbi et Orbi», 1903).

«Ночь — как почь, и улица пустынна...» Впервые — «Речь», 1909, 29 марта.

«Я сегодня не помню, что было вчера...» Впервые — «Речь», 1909, 22 февраля. Здесь — отброшенное впоследствии окончание:

Уж пикто не поможет
 На смертном одре,
 И ничто не встревожит
 В седом серебре.
 Печатью серебряной залит ларец,
 В нем — рождение, любовь и смерть.
 Перед ним — мертвец,
 Над ними — твердь.

Н а с м е р т ь м л а д е н ц а. Впервые — «Русская мысль», 1910, № 2. В рукописи датировано 2 марта 1909 г. Указанная в тексте дата «Февраль 1909» обозначает время смерти сына Л. Д. Блок — Дмитрия, прожившего всего восемь дней (2—10 февраля 1909 г.). Посылая это стихотворение матери, Блок заметил, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 247). *Блаженный* — здесь в смысле: святой (церковь признавала «блаженными» умерших певчих младенцев).

«К о г д а я п р о з р е в а л в п е р в ы е...» Впервые — «Всемирная панорама», 1910, № 24.

«Д о х н у л а ж и з н ь в л и ц о м о г и л о й...» Впервые — «Студенческая жизнь», 1910, № 14/15.

«К о г д а , в с т у п а я в м и р о г р о м н ы й...» Впервые — альм. «Антология» (1911), — под заглавием: «Вступление». Посвящение Е. П. Иванову (см. о нем т. I, стр. 626) датировано в рукописи: «Осень 1909».

«В е с е н н и й д е н ь п р о ш е л б е з д е л а...» Впервые — «Новое слово», 1910, № 4 (под заглавием: «Итог»).

«К а к а я д и в н а я к а р т и н а...» Впервые — «Русская мысль», 1911, № 4 (под заглавием: «На севере» и без первой строфы). В рукописи озаглавлено: «Мой север».

«Т ы в к о м н а т е о д и н с и д и ш ь...» Впервые — альм. «Антология» (1911), — под заглавием: «Искуситель». В рукописи — первоначальное заглавие: «Последний час» и вместо заключительной строфы — две следующие:

Старинный друг, смотри, смотри
 И слушай трубы!
 Сияние другой зари
 Тебя целует в губы!

Я в царский саван облеку
 Тебя охотно
 И пышный труп твой сволоку
 Я в дар земле болотной!

«Кольцо существования тесно...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 8/9. Набросок первой строфы (1909) — среди черновиков стихотворения «Всё это было, было, было...» (см. стр. 131 наст. тома). Окончательный текст — 19 марта 1914 г. *Все пути приводят в Рим* — древняя латинская пошлица.

«Чем больше хочешь отдохнуть...» Впервые — сборник «Знание» XXXVIII (1912), — под заглавием: «Усталость». В черновике — отброшенное окончание, частично перешедшее в стих. «День проходил, как всегда...» (стр. 50 наст. тома, — стихи 35—40):

Не буди ни словом, ни упреком,
 Не хочу я, друг мой, не хочу...

Уснуть, уснуть.
 Навеки в мир вползает ночь.
 Ни словом друга,
 Ни собачьим лаем,
 Ни скрипом телеги,
 Ни зарей, ни росой
 Не будите меня.

Окончательный текст — весна 1911 г.

Шаг командора. Впервые — «Русская мысль», 1912, № 11. Первоначальный набросок относится к осени 1910 г. В замысле было тесно связано со стих. «С мирным счастьем покончены счеты...» и «Седые сумерки легли...»; в черновиках они составляли единое целое. В черновике — первоначальный текст шестой строфы, переходящий в «план» дальнейшего:

Пролетел, сверкнув сквозь мглу огнями,
 Твой бесшумный, черный твой мотор.
 Тихими, тяжелыми шагами
 В дом вступил старинный командор.

Я козунствовал и услышал рожок. Пролетел мотор, и командор вошел в мой дом. — Ты звал меня на шпр? — Налейте вина командору.

Твой дурак позвал меня на ужин.
Я пришел на зов...

И стихов 39—40:

Донна Апна встанет из могилы
В час, когда ты будешь умирать.

Посвящение поэту-символисту Вильгельму Александровичу Зоргенфрею (1882—1938) датировано в рукописи 17 июня 1916 г. В свих воспоминаниях о Блоке В. А. Зоргенфрей сообщил: «Запомнился мне теплый летний вечер, длинная аллея Петровского острова, бесшумно пронесшийся мотор. „Вот из такого, прмелькнувшего когда-то мотора вышли „Шаги командора“, — сказал А. А., — и два варпанта (то есть два указанных выше стихотворения. — *Ред.*)“. И прибавил, помолчав: „Только слово *мотор* нехорошо — так ведь говорить неправильно“» («Записки мечтателей», 1922, № 6, стр. 139). По поводу слова «мотор» В. Я. Брюсов, редактор литературного отдела журнала «Русская мысль», писал Блоку: «Сознаюсь, что „мотор“ Дон-Жуана меня несколько смущает, и я не вполне уверен, хорошо ли это» (неизданное письмо от 29 сентября 1912 г. — ЦГАЛИ). На это Блок ответил В. Я. Брюсову: «Относительно „мотора“ Вы, конечно, правы, он и меня иногда коробил; но строфе этой уже около двух лет, а я все не сумел исправить, ничего лучшего пока не нашел» (неизданное письмо от 30 сентября 1912 г. — архив В. Я. Брюсова). «Шаги командора» вызвали грубый фельетон и издевательскую пародию черносотенного журналиста В. П. Буренина («Новое время», 1912, 23 ноября); Блока буренинская пародия развеселила (см.: К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 44 и 46; ср. запись в дневнике от 24 ноября 1912 г. — т. VII наст. издания).

«Мой бедный, мой далекий друг...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В рукописи — дата: «23.I.1909 — 29.XII.1912».

«Как свершилось, как случилось?..» Впервые — альм. «Сирий» III (1914). В рукописи — дата: «9—19.XII.1913».

Этот цикл был издан отдельной книжкой: «Ямбы. Современные стихи (1907—1914)». Изд-во «Алкопост», П., 1919 (книжка вышла в свет 6 августа 1919 г.). Отдельные стихи, составившие цикл, были выделены из рукописей поэмы «Возмездие», которая в первой редакции также была посвящена сестре поэта — Ангелине Александровне Блок (дочери А. Л. Блока от второго брака с М. Т. Беляевой). Поэт познакомился с сестрой в декабре 1909 г. в Варшаве, на похоронах отца; в дальнейшем встречался с ней не часто, но относился к ней с большой симпатией и был озабочен ее судьбой (см. записи в дневнике 1911—1913 гг. — т. VII наст. издания). Ангелина Блок скончалась 20 февраля 1918 г., в возрасте двадцати пяти лет, от сыпного тифа (заразилась, работая сестрой милосердия в госпитале). Предполагая опубликовать цикл «Ямбы» в периодической печати, Блок писал 5 декабря 1918 г. издателю «Нового журнала для всех» В. С. Миролубову: «Если напечатаете их (стихи), буду очень рад, так как мне они кажутся одними из лучших моих стихов» (неизданное письмо — ИРЛИ). Ювенал Децим Юний — римский поэт-сатирик (I—II вв. н. э.).

«О, я хочу безумно жить...» Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. Первоначальный набросок датирован 6 мая 1909 г. В черновике — первоначальный текст стихов:

2 — Прошедшее увековечить,
7 — Но голос бодрый и веселый
9 — Пусть он живет иным — не это

В рукописи — помета: «К поэме»; в поэму «Возмездие», однако, не вошло.

«Я у х о п р и л о ж и л к з е м л с...» Впервые — «Луч», 1907, № 1 (без последнего четверостишия и с вариантом в стихе 14: «И к солнцу поднимись. И ведай:»); вторично — «Знамя», 1920, № 1. В рукописи, озаглавленной: «Рабочему», — первоначальный текст заключительного четверостишия:

Взойдет и всколосится новь,
И по весне — для новой повии
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

⁸⁷ (Ясно, что это четверостишие не могло появиться в «Луче» 1907 г. по цензурным условиям.) Возможно, вариантом этой строфы является отдельное четверостишие «И мы подыдем их на вилы...» (см. т. II наст. издания, стр. 333), датированное тоже июнем 1907 г. Первая строка (*Я ухо приложила к земле*) дословно встречается в одном из стихотворений Ф. К. Сологуба, датированном 3 декабря 1900 г. (см. его «Собрание стихов», М., 1904, стр. 40). *Ты роешься, подземный крот!*.. — очевидно, отзвук знаменитых слов Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт I, сц. 5): «Ты славно роешь землю, старый крот!» (перевод А. Л. Соколовского). Конкретно-политический смысл данного стихотворения Блока (как и следующего — «Тропами тайными, ночными...») раскрывается более полно, если учесть, что они были написаны в тот самый день, когда царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к открытой политике жесточайшего контрреволюционного террора.

«Тропами тайными, ночными...» Впервые — сборник Блока «Ямбы» (1919); вторично — «Знамя», 1920, № 1. Окончательный текст — 1909—1910 гг. В рукописи — вариант к стиху 4: «Их станут мучить упыри» и первоначальный текст стихов 9—20:

И корабли их в бездне водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеv дочесть отходной,
Сгниет пузатый перей!
Так нам велит время величье
И розоперстая Судьба,
Чтоб их проклятое обличье
Укрылось в темные гроба.
Гроба, наполненные гнилью,
Рабочий сбросит с вольных плеч,
И гниль предстанет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь.

Придут замученные ими... — Имеются в виду политические жертвы царизма. *Их корабли в пучине водной* — отзвук Цусимского сражения 14—15 мая 1905 г., когда в морском бою с японцами погибла большая часть русской Тихоокеанской эскадры. *Отходная* — молитва, которую священник (*иерей*) читает над умирающим.

«В голодной и больной неволе...» Впервые — 88—91
«Ежемесячный журнал», 1914, № 3. Окончательный текст —
7 февраля 1914 г. *Господне лето* — выражение из евангелия (От
Луки, IV, 19): «Лето господне благоприятно».

«Не спят, не помнят, не торгуют...» Впер-
вые — «Ночные часы» (1911). В рукописи, озаглавленной: «Свя-
тая Пасха», вместо первой строфы окончательного текста — две
следующие:

В тряпье покорности и веры
Ты хочешь скрыть хозяйский стыд?
Поверь: бесстыдству нету меры;
Не счесть бесчисленных обид.

Стыдится ли хозяин ражий,
Когда рабы, со всех сторон,
И за убийства, и за кражи
Ему дарят пасхальный звон?

Окончательный текст — весна 1911 г. Церковные праздники
вызывали у Блока с ранних лет резко антиклерикальные на-
строения. «Я только что отошел, — писал он матери 15 апреля
1908 г. — Эти два больших христианских праздника (Рождество
и Пасха) все больше унижают меня; как будто, и в самом деле,
происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен» («Письма
к родным», стр. 204). Ты — Л. Д. Блок; та ночь — ночь с 7 на
8 ноября 1902 г., когда произошло решительное объяснение
Блока с будущей женой (о *шубке* см. в дневнике Блока за
1902 г. — т. VII наст. издания).

«О, как смеялись вы над нами...» Впервые —
«Русское слово», 1915, 22 марта. В рукописи — дата: «Весна
1911 — (6 февраля 1914) (из поэмы)». Сначала входило в первую
редакцию поэмы «Возмездие» в гораздо более пространной ре-
дакции (см. стр. 437—438 наст. тома). Заключительное дву-
стишие — цитата из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Мол-
чанше!»).

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» Впервые —
«Северные записки», 1915, № 2. Первоначальный набросок отно-
сится к февралю 1909 г. Обращено к Л. Д. Блок и связано с вос-
поминаниями о «шекспировском спектакле» 1898 г. (см. т. I
наст. издания, стр. 574). В трагедии Шекспира принц Гамлет
умирает, заколотый отравленной шпагой.

«Так. Буря этих лет прошла...» Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта (без первой строфы). В основном было оформлено в июле 1909 г.; в феврале 1914 г. была дописана лишь первая строфа. В черновике строка 15 читается так: «Нет! Я один не пьян на пире». Строка *Забудь, забудь о страшном мире* дословно повторяется в стих. «Дым от костра струю сизой...», написанном в августе 1909 г. (см. стр. 258 наст. тома).

«Да. Так диктует вдохновение...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 8 ноября (под заглавием: «Современнику»); вторично — «Знамя», 1920, № 1 (в другой редакции, — см. ниже). В рукописи — дата: «Осень 1911 — 7 февр(аля) 1914 (из поэмы). Исправл(ено) 5.X.1915». Эти исправления были сделаны для публикации в «Биржевых ведомостях», где стихи 11—14 читаются так:

Пока великая гроза
Безумствует в твоей отчизне,—
Дай совести в себе созреть
И приготовь к работе руки...

А заключительное четверостишие — так:

Пусть жизнь ты, бедный, ненавидишь,
Пусть разучился видеть свет,
Пусть грядущего не видишь,—
Себе, себе сказал ты: «Нет!»

Замены эти были сделаны в целях приспособления к цензурным условиям, и в дальнейшем — в сборнике «Ямбы» (1919) — Блок от них отказался. Сначала входило в черновики третьей главы поэмы «Возмездие» (между стихами 292 и 293) в следующей редакции:

Читатель, ты жестоко судишь,
Ты с оправданьем незнаком,
И знаю, злобствовать ты будешь
Над мертвым грязным стариком.
Но так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я люблю сей мир ужасный:
За ним виднее мир иной —

Обетованный и прекрасный,
 Непредставимый и простой... *
 А если ты не жнешь, не сеешь,
 Коль ты «так просто — человек»,
 То что ты знаешь? Что ты смеешь
 Судить в безумный этот век?
 Ты был ли жалок и унижен
 Болезнью, голодом, тоской?
 Ты видел ли детей в Париже
 Иль нищих на мосту зимой?
 На непроглядный ужас жизни
 Открой скорей, открой глаза,
 Пока великая гроза
 Всё не смела в твоей отчизне!
 И пусть он зрел, правый гнев,
 Не там, где жизни тяжело бремя...
 Чудак мой злое сеял семя,
 Но не бесплоден был посев...
 Он прав хоть тем, что жизни этой
 Румяна жирные отверг,
 И, как пугливый крот, от света
 Зарылся в землю — и померк,
 Всю жизнь жестоко ненавидя
 И проклиная этот свет,
 Пускай — грядущего не видя,
 Но существу сказавши: «Нет!»

К последнему четверостишию в этом черновике относится по-
 мста: «О! о! о! Трескотня. Мист<ический> анархизм!» В этой ре-
 дакции (без первого четверостишия и с некоторыми изменениями)
 стихотворение было напечатано в апреле 1920 г. в «Знамени», но
 в третьем издании III тома (1921) Блок вернулся к тексту сборни-
 ка «Ямбы» (изменив в нем лишь 19-й стих). В стихотворении отча-
 сти отразились впечатления, вынесенные Блоком из заграничной
 поездки летом и осенью 1911 г., когда он, говоря его же словами,
 «гораздо сильнее и острее, чем в России», почувствовал «всю чудо-
 вищную бессмыслицу, до которой дошла цивилизация» в усло-

* Первоначальный текст последних восьми строк:

Но ты прости мне эту малость:
 Поэта вольная мечта
 Всё льнет туда, где горе, жалость,
 Где грязь, и мрак, и нищета,
 И я люблю сей мир ужасный,
 За ним сквозит мне мир иной,
 Неописуемо прекрасный
 И человечески-простой...

94—96 внях капиталистического строя. В частности, он писал матери из Парижа 4 сентября 1911 г.: «В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью» (т. VII наст. издания).

«Когда мы встретились с тобой...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 4 (под заглавием: «Моей сестре»). Сначала входило (без третьего четверостишия) в первую редакцию поэмы «Возмездие» (см. стр. 436 наст. тома).

«Земное сердце стынет вновь...» Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. Сначала входило в черновики третьей главы поэмы «Возмездие». *Печать забвенья, иль избранья* — ср. у Аполлона Григорьева: «Печать проклятья иль избранья» («Две судьбы»).

«В огне и холоде тревог...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 26 апреля (только первая половина, под заглавием: «Моей сестре»); вторично — «Знамя», 1920, № 1. Первоначальный набросок — среди черновиков третьей главы поэмы «Возмездие», относящихся к 1911 г.:

Нам суждено в огне тревог —
Сжечь жизнь. Мы не забудем оба,
Что нам судил недаром Рок
С тобою встретиться у гроба.
Я верю: новый день взойдет
И там — в стране больной и сонной:
Недаром бедный свой народ
Коперник славит оскорбленный.
И мы, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих,
И нам священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.
Пусть день далек — мечты всё те ж,
Презренье зреет гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.
Где жизнь и смерть, как праздный фант,
Разыграны в тоске гостиной,—
Там — пусть вонзится, Ангелина,
Возмездья черный бриллиант!

Окончательный текст — 8 марта 1915 г. *В час искупительный у гроба* — то есть у гроба отца, А. Л. Блока.

Этот цикл в основном был написан летом 1909 г. в Италии, но обрабатывался позже — вплоть до 1914 г. От издания к изданию Блок расширял состав цикла: в «Аполлоне» 1910 г. он состоял из шести стихотворений, в сборнике «Ночные часы» (1911) — из девяти, в «Собр. стих.» III (1912) — из двенадцати, в третьей книге «Стихотворений» (1916) — из девятнадцати и в последнем издании третьей книги (1921) — из двадцати четырех. «Итальянские стихи меня как бы вторично прославили», — писал Блок матери в октябре 1909 г. («Письма к родным», стр. 277). Ценный комментарий к «Итальянским стихам» содержится в письмах Блока к матери из Италии (т. VIII наст. издания), в его записных книжках 1909 г. (т. VII наст. издания) и в неоконченной книге итальянских впечатлений — «Молнии искусства» (т. V наст. издания).

Р а в е н н а. Впервые — «Аполлон», 1910, № 4. Первоначальный набросок (несколько строк) датирован 10 мая 1909 г. В черновике — первоначальный текст шестой строфы:

И тихо уступало море
 Свой [жезл] — зеленой тишине,
 Чтобы мятежный Теодорих
 Войной не бредил (грезил) в смертном сне.

В «Собр. стих.» III (1912) Блок сопроводил «Равенну» следующим примечанием: «Плиты пола в подземельи под алтарем храма св. Аполлинария и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются пежной плесенью розовато-лилового и светло-зеленого цвета. В Равенне и ее окрестностях покоятся прахи Теодориха, Данта и той, которая пазвана Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой. Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плацидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да простит мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентина III), вдове остготского вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы варвара на трон Западной Римской империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ

10ⁿ—
101 Галлы, с лицом то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо легионера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе и русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении; но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа), — пусты. — Лежащий на юго-восток от Равенны Glasse был во времена Августа главной римской гаванью — portus Glassis; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов; и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики, с прахом св. мученика Аполлинария. Sanguis martyris — semen fidei tuae, Ravenna (Кровь мученика — семя веры твоей, Равенна (лат.). — *Ред.*). Свои впечатления от Равенны Блок изложил в письмах к матери от 13 мая 1909 г. и к В. Я. Брюсову от 2 октября 1909 г. (т. VIII наст. издания). Свою «Равенну» Блок собирался посвятить В. Я. Брюсову, чего, однако, не сделал. *Равенна* — древняя столица Западной Римской империи, в 493 г. была завоевана королем остготов *Теодорихом Великим* (456—526); впоследствии она пришла в упадок и постепенно превратилась в захолустный итальянский городок. *Базилики* — здесь: христианские храмы. «*Новая жизнь*» — произведение Данте Алигьери.

«Почит в мире Теодорих...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5 (под заглавием: «Равенна»). В черновике — первоначальный текст первой строфы:

Там, где прежде было море —
Виноград и тишина.
О, Равенна, о, Равенна!
Спит мятежный Теодорих,
Дант не встанет с ложа сна.
Всё проходит. Всё — мгновенно.

Окончательный текст — 27 февраля 1914 г.

Девушка из Spoleto. Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (под заглавием: «Maria da Spoleto»). В черновике — первоначальный текст двух начальных строф:

Стан твой стройней, чем церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор!
Дева — тебя на земле я не встречу,
Дева — свершай надо мной приговор!

Счастья не требую, ласк мне не падо,
Ласки ль жестокой достойная — ты?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты проходишь, срывая цветы.

Там же — две помсты: «Spoleto. Утро 3 июня. У акведука» и «А когда мы уезжали — она сказала: Mille grazie» («Тысяча благодарностей» — *итал.*). *Сполето* — городок в Средней Италии. В «Собр. стих.» III (1912) — примечание Блока к стиху *Лишь, как художник, смотрю за ограду*: «Художники Возрождения любили изображать себя самх на своих картинах, в качестве свидетелей или участников. Одни — сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие — только присутствуют в качестве равнодушных участников: так, на фресках Пинтуриккио в библиотеке Энея Сильвия в Сиенском соборе — художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни ди Удинэ и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия; так, на фреске в Новой капелле Орвьетского собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джованни Анжелико — свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позами ангелов (на других фресках той же капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов. В этом стихотворении, так же, как в „Благовещении“, я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого».

Венеция

1. «С ней уходил я в море...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 16 января 1914 г. Ср. письмо Блока к матери от 7 мая 1909 г. из Венеции (т. VIII наст. издания) и очерк «Немые свидетели», где упоминаются и «красный парус над лагуной» и «древние шали» венецианок (т. V наст. издания).

2. «Холодный ветер от лагуны...» Впервые — «Аполлон», 1910, № 4. Дата в рукописи — «Август —

¹⁰² сентябрь. Шахматов». Черновой набросок относится к июлю 1909 г. Здесь — первоначальный текст стихов 3—4:

Я слышу волны, волны — струны
Органа твоего, Судьба!

А также — три варианта четвертой строфы:

⟨1⟩

На серой площади, где люди
.....
Главу Крестителя на блюде
Неси, царевна, в этот мрак.

⟨2⟩

Главу Крестителя на блюде
Она сквозь сумрак галлерей
Несет на площадь, там, где люди
Тоскливо кормят голубей,
Где светлый Марк навеки будет...

⟨3⟩

Вовеки не забудут люди
Ее беспечного лица,
Главы Крестителя на блюде,
На пальце — тонкого кольца.

В рукописи — отброшенное окончание (после четвертой строфы окончательного текста):

И, став над морем почерпелым,
Где волны пенные гудят,
Царевна с серебристым телом
Творит полуночный обряд.

Мне не избежать доли мрачной —
Свое паденье признаю:
Плясунья в тунике прозрачной
Лобзает голову мою!

Эти строфы зачеркнуты, с пометой: «Уничтожены Вяч. Ивановым 6.X». Аналогичная помета — в корректуре «Собр. стих.» III (1912): «Дальнейшее очень справедливо выкинуто Вяч. Ивановым». Таким образом, окончательный текст — 6 октября 1909 г.

Иванов Е. П. — см. т. I наст. издания, стр. 626. *Лагуна* — залив, 103 на берегах которого расположена Венеция. *Львиный столб* — памятник в Венеции. *Гиганты* — две человеческие фигуры, установленные на башенных часах в Венеции. *Марк* — собор св. Марка в Венеции, отличающийся богатством архитектурного оформления; фасад его украшен мозаическими изображениями и цветными колоннами; в примечании в «Собр. стих.» III (1912) Блок отметил: «Я назвал „иконостасом“ единственный в мире фасад собора св. Марка». *Лагуна лунная*. — По разъяснению самого Блока (в неизданном письме к С. К. Маковскому), он имел в виду освещенное луной небо. На воспоминание о библейской легенде о царевне *Саломее*, потребовавшей в награду за пляску голову Иоанна Крестителя, Блока, возможно, натолкнула картина Карло Дольчи «Саломея с головой Иоанна Крестителя», которую он видел в Италии (см. записные книжки, запись от 25 мая 1909 г. — т. VII наст. издания).

3. «Слабеет жизни гулу порный...» Первые — «Аполло», 1910, № 4. Первоначальный набросок:

Быть может, мой отец мятежный,
Струной пред девою звеня,
[Уже грядущей страсти нежной]
Провидит, может быть, меня.

И эта мать, выикая в струны,

Мать, что поют глухие струны?
Ты, ты мечтаешь

Так ветер из будущих времен
Завесу черную взвивает,
Глухою музыкой стена,

И черным бархатом играет
Завесы будущих времен.

Тебя я в песне нерожденной,
Отец грядущий, узнаю!
Не ты ль слагаешь песни деве
И в ней провидишь мать мою?

В черновике тесно связано со стихотворением «Всё это было, было, было...» (см. на стр. 543, примечание к нему). Окончательный текст — сентябрь 1909 г. В рукописи — заглавие: «Дума»

¹⁰⁵ —
¹⁰⁶ и помета: «Слабеет моря гул прощальный», отсылающая к стих. Д. С. Мерзжковского «Addio Napoli» (см. его сборник «Символы», СПб., 1892, стр. 195). К строке *Священной шалью оградить* в «Собр. стих.» III (1912) есть примечание: «Черные шали с бахромой — до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно».

Перуджия. Впервые — «Собр. стих.» III (1912). Здесь между 9-м и 10-м стихами — еще один: «Я ее читаю наизусть!». В черновике связано со стихотворением «Благовещение». В рукописи и в первой публикации имеется эпитафия: «Carita, justitia, fide (слова девушки)». В рукописи он вычеркнут, с пометой: «! на каком это языке!?» (итальянский текст записан Блоком неверно; нужно: «Caritas, justitia, fides», что в переводе означает: «Любовь, справедливость, вера»). Ср. запись от 31 мая 1909 г. в записной книжке Блока (т. VII наст. издания). Окончательный текст — 5 мая 1911 г. *Перуджия* — городок в Италии, в области *Умбрия*. *Перуджино* (1446—1524) — итальянский художник эпохи Возрождения.

Ф л о р е н ц и я

1. «У м р н , Ф л о р е н ц и я , И у д а . . . » Впервые — «Ночные часы» (1911), — без третьей строфы. В черновике — первоначальный текст строфы третьей:

Рожки твоих автомобилей,
Твоих отелей кутерьма,
Твой жар и клубы желтой пыли —
Ты предала себя сама!

И строфы шестой:

Гнусавой мессы ты не спрячешь
В пустынный холод алтарей.
Как площадная девка, плачешь
О дряблой наготе своей.

Там же — отдельные наброски:

От ног я прах твой отрясу.

Теперь и Винчи и Беато
Твой прах бы отрясли от ног,
Бежав от площади проклятой.

. продажной
И долго мучит в черных снах.

106

В рукописи после четвертой строфы окончательного текста — еще две строфы, отброшенные в начале ноября 1909 г.:

В Palazzo Vecchio впуская
Своих чиновников стада,
Ты, словно девка площадная,
Вся обнажилась без стыда!

Ты ставишь, как она, в хоромы
Свою зловонную постель,
Пред пышным, многоцветным Duomo
Взнося публичный дом — отель!

(*Palazzo Vecchio* — один из выдающихся архитектурных памятников Флоренции, в котором в то время помещались муниципальные учреждения; *Duomo* — главный флорентийский собор). Посылая свои «Итальянские стихи» редактору журнала «Аполлон» С. К. Маковскому, Блок писал ему 3 ноября 1909 г.: «В частности, я заранее вступаю за первую „Флоренцию“, которую, вероятно, никто не одобрит. Но, право, это — не кощунство, а „выстраданное“ переживание, так что мне оставалось только вычеркнуть несколько совсем остервенелых строф» (Сочинения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 636). Имеются в виду приведенные выше две строфы. Тем не менее С. К. Маковский, эстет и споб, отказался напечатать данное стихотворение. Там, где святой монах сожжен. — Во Флоренции, на площади Синьории, по приговору церковных властей был повешен и сожжен, как еретик, монах Джироламо Савопарола (1452—1498) — проповедник и общественный реформатор. *Леонардо* — Леонардо да Винчи. *Бeато* — Фра Джованни да Фьезоле (1387—1455) — итальянский художник раннего Возрождения, причисленный католической церковью к «лику блаженных» под именем Бeато фра Анжелико. *Мeдичи* — знатный феодальный род, правивший во Флоренции. *Лилии* — эмблема феодальной Флоренции. Ср. впечатления Блока о Флоренции в письме к матери от 25—26 мая 1909 г.: «Флоренцию я проклинаяю... за то, что она сама себя предала европейской гнили, стала трескучим городом и изуродовала почти все свои дома и улицы. Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи, — остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины» (т. VIII наст. издания).

107 — *Боболи* — парк во Флоренции; *участь Мессины* — разрушитель-
109 ное землетрясение).

2. «Флоренция, ты пррсе нежны й...» Впервые — «Собр. стих.» III (1912). В черновике — первоначальный текст первой строфы:

Флоренция — ты прис нежный
Страны, где я когда-то жил.
Любовью длинной, безнадежной
Твой старый прах я полюбил.

Окончательный текст — 5 мая 1911 г. *Кашины* — пригородный парк во Флоренции, изобилующий ирисами.

3. «Страсть ю длинной, безмятежной...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 17 марта 1914 г.

4. «Жгут раскаленные камни...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. Ср. очерк «Маски на улице» из книги «Молнии искусства» (т. V наст. издания).

5. «Окна ложные на небе черном...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5 (с подзаголовком: «Площадь Синьории»). Первоначальный набросок:

Тринадцать ложных окон в черном небе,
Вино опять вливает в жилы кровь.

Окончательный текст — 17 марта 1914 г. Написано на мотив итальянской народной песни, которую Блок услышал во Флоренции, на площади Синьории (см. запись от 16—17 мая 1909 г. в записной книжке — т. VII наст. издания).

6. «Под зпоем флорентийской лени...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 11 февраля 1914 г. *Так береги остаток чувства...* — ср. у М. Ю. Лермонтова: «Мы жадно бережем в груди остаток чувства» («Дума»).

7. «Голубоватым дымом...» Впервые — «Ночные часы» (1911). В черновике озаглавлено: «Демон». В руко-

писи — первоначальный текст 26-го стиха: «Тебя прощаю я». ¹¹⁰ —
Тоскана — область Италии. *Христовы слезы* («*Lacrima Christi*») —
марка итальянского вина. ¹¹³

«Вот девушка, едва развившись...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5 (под заглавием: «Сеттиньяно»). В рукописи после 7-го стиха — еще два:

Внушительного даже среди старой Италии
Своею древней святостью.

Окончательный текст — 16 января 1914 г. *Сеттиньяно* — селение возле Флоренции. *Септимий Север* — римский император (с 193 по 211 г.).

Madonna da Settignano. Впервые — «Ночные часы» (1911). В рукописи — первоначальный текст 3-го стиха: «Понял туманные Умбрские дали». В «Собр. стих.» III (1912) — примечание: «*Settignano* — местечко в окрестностях Флоренции. Стихотворение это внушил мне бюст синееюк мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный под местечком, в полугоре» (ср. записные книжки, запись от 15 мая 1909 г. — т. VII наст. издания).

Фьэзоле. Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Первоначальный набросок:

Здесь время ткало свой узор.
Во Фьэзоле стучал топор,
Как пынче, завтра, как когда-то...
Топор стучал, п с кампанил
Всё тот же звон
Флоренцию с высоких гор
Приметил детский взор Беато.

Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. *Фьэзоле* — местечко в окрестностях Флоренции. *Кампанилы* (итал.) — колокольни. *Беато* — см. выше, прим. к стих. «Умри, Флоренция, Иуда...»

Спена. Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Здесь — еще одна, заключительная, строфа:

Иль, сама о том не зная,
С безрассудством красоты,
Строгой готикой играя,
В сердце бога метишь ты?

114 В черновике (1914 г.) после третьей строфы — еще одна:

И, песья грозу долинам,
Как воспная стрела,
Ты, на зависть гибеллинам,
Ту, последнюю, взнесла!

Сиена — древний город в средней Италии. В очерке «Вечер в Сиене» («Молнии искусства» — т. V наст. издания) Блок писал: «Острые башни везде, куда ни глянешь, — тонкие, легкие, как вся итальянская готика, тонкие до дерзости и такие высокие, будто метят в самое сердце бога. Сиена всех смелей играет строгой готикой — старый младенец! И в длиннооких ее мадоннах есть дерзкое лукавство... Буря ли играет за плечами, или опускается тихий вечер, — они глядят длинными очами, не обещая, не разуверая, только щурясь на гвельфовские затеи своих хлопотливых живых мужей. Эти живые когда-то действительно были по уши в хлопотах, вечно завидуя гибеллинам, вечно воюя с соседкой Флоренцией. На зависть флорентийским гибеллинам вознесли спелцы свой „Общественный дворец“, не меньший, чем флорентийский Palazzo Vecchio, и очень похожий на него» (*гвельфы* и *гибеллины* — боровшиеся друг с другом политические партии в Италии XII—XV вв.).

Сиенский собор. Впервые — «Собр. стих.» III (1912). В черновике после четвертой строфы — набросок еще одной:

Доволен юный статью стройной
И зрелый — силой
И старец — здравостью спокойной,
Невозмущаемой ничем.

Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В «Собр. стих.» III (1912) сопровождается примечанием: «Мраморный пол собора покрыт многими изображениями (т. п. „graffiti“); среди прочих — возраст человека и девять сивилл, у одной из которых — Кумской — волосы распушены по плечам, лицо напоминает трагическую маску, и вся фигура — стремленье; это та, которая прочит: „Et mortis fatum finit. Trium dierum somno suscepto tunc a mortuis regressus in lucem veniet primum resurrectionis initium ostendens“» («Судьба смерти тоже имеет предел. Охваченный трехдневным сном, — потом, восстав из мертвых, он явится на свет, являя первый пример воскресения» (лат.). — *Ред.*). *Сивиллы* —

в древней Греции страпствующиe пророчицы, они предсказывали людям их судьбу; в древнем Риме почитались так называемые «Сивиллыны книги», в которых впоследствии ранние христиане находили пророчества о появлении «спасителя», messiи, — вроде того, которое привел Блок в своем примечании.

«Искусство — ноша на плечах...» Впервые — «Приазовский край», 1915, 1 января; вторично — альм. «Пряник» (1916). Черновик датирован 31 мая 1909 г., окончательный текст — 1—4 марта 1914 г. В итальянском городке *Фолиньо* Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, который уже видел за год до того в Петербурге.

«Глаза, опущенные скромно...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 10 января (без четвертой и пятой строф); вторично — «Ежемесячный журнал», 1918, № 2/3 (оба раза под заглавием: «Мадонна»). В черновике — другое начало:

Глаза, опущенные скромно,
Плечо укрыто под фатой.
Ведь ты, Марня, вероломна,
Хоть многим кажешься святой.

Быть с девой — быть во власти ночи
(Мудрец какой-то раз сказал).
И не напрасно эти очи
Монах к мирянам ревновал.

Он в нише сумрачной, церковной
Поставил с братией ее.
Там золотое спит шитье,
Там места нет мечте греховной...

Там же — другое окончание (вместо заключительной строфы окончательного текста):

Прости и шелухи фатю,
Дай мне, безумцу, два крыла,
Чтобы Твоею красотою
Душа насытиться могла!

Не отвращай очей суровых,
Улыбкою благослови
Погибнуть за Тебя готовых
Безумных грешников любви!

Затем эти две строфы были переработаны в одну:

И Ты, чье сердце благосклонно,
Не смейся мне и не дивись,

Что я зову: вернись, Мадонна,
Назад, в ласкающую высь!

Окончательный текст — 12 февраля 1914 г. Но в июне 1915 г., отдавая стихотворение в печать, Блок по соображениям цензурного порядка опустил две строфы (четвертую и пятую) и внес изменения в первую строфу:

В венецианской церкви темной
Мария в нише предо мной;
Глаза, опущенные скромно;
Плечо, закрытое фатой...

Впоследствии Блок от этих купюр и замен отказался. Полный текст четвертой строфы (Блоком не печатавшейся) таков:

Однако братьям надоело
(И не хватало больше сил)
Хранить нетронутое тело.
Один из них его растлил...

На поруганье предана... — ср. у Ф. И. Тютчева: «На поруганье предала» («Чему молилась ты с любовью...»).

Б л а г о в е щ е н и е. Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (с подзаголовком: «Фреска»). В черновике — первоначальный текст шестой строфы:

Темноликпй ангел ближе, ближе,
За плечами — призрак Умбрских гор.
И она склоняет ниже, ниже
Уж не скромный, не девичий взор.

В «Собр. стих.» III (1912) сопровождается примечанием: «Гриф — символ Перуджии с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседящей с городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Джиганникола Манни, автор нескольких фресок в Collegio del Cambio (Перуджия). Под его „Благовещением“ и другими новозаветными фресками подписано: „Ite procul moneo, sacer est locus ite profani“ (<«Убеждаю: идите прочь, непосвященные, это место свято» (лат.). — *Ред.*). Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (монео) от непосвященного и склонного заподозрить кощупство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (вечной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную

новость; тут же — история Саломей; и наконец — темполиккий ¹²⁰ вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляя красавицу оторваться от книги. — Демоны художников диктуют „Леду и лебедя“ тому, кто замыслил „Annunziazione“ («Благовещение» (лат.). — *Ред.*) и „Гавриилладу“ — автору стихотворения „Средь множества картин“ (то есть Леонардо да Винчи и А. С. Пушкину; ср. запись от 28 мая 1909 г. в записной книжке Блока — т. VII наст. издания). С примечанием этим интересно сопоставить рассказ Н. А. Павлович о том, как Блок спросил ее однажды: «А что, „Благовещение“, по-вашему, высокое стихотворение или нет? — Высокое... — ответила я. — А на самом деле нет. Оно раньше, в первом варианте, было хорошим, *бытовым* таким... — с жалостью в голосе сказал он» («Феникс», кн. I, М., 1921, стр. 157). Сохранившиеся черновые наброски «Благовещения» не содержат ничего существенно отличающегося от окончательного текста, но в них, действительно, различима «бытовая» интонация (например: «Я пропала, если мать войдет...» — отвечает Мария архангелу); кроме того, в черновике «Благовещение» начиналось строфами, выделенными впоследствии в качестве отдельного стихотворения — «Перуджия», которое отчасти тоже носит «бытовой» характер. *Лишь художник, занавесью скрытый...* — см. выше, стр. 529, примечание Блока к стих. «Девушка из Spoleto». Очевидно, «Благовещение» имел в виду С. М. Соловьев в своих воспоминаниях о Блоке: «В некоторых из итальянских стихов меня неприятно поразили мотивы „Гаврииллады“. Когда я сказал об этом Блоку, он мрачно ответил: „Так и надо. Если б я не написал „Незнакомку“ и „Балаганчик“, не было бы написано и „Куликово поле“» («Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 36).

У с п е н и е. Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (с подзаголовком: «Фреска»). В черновике — первоначальный текст четвертой строфы:

Опять, как в те года былые,
Взглянуть в ее потухший взор
Те пастухи — теперь седые —
Свои стада сгоняют с гор.

В «Собр. стих.» III (1912) — примечание: «Стихотворение впушено фреской Фра Филиппо Липпи в алтаре Сполетского собора (Умбрия)». *Три царя*. — По евангельской легенде, когда родился Иисус Христос, его пришли приветствовать три царя из восточ-

¹²¹ — пых земель, ведомые вновь появившейся на псебе звездой. *Нимб* —
¹²⁷ сияние вокруг головы, изображавшееся на иконах «святых».

Э п и т а ф и я Ф р а Ф и л и п п о Л и п п и. Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Черновик перевода датирован 14 января 1914 г. *Фра Филиппо Липпи* (около 1406—1469) — итальянский живописец эпохи раннего Возрождения. *Лаврентий Медичи Великолепный* (1448—1492) — флорентийский правитель, покровитель художников и ученых. *Полициан* (1454—1494) — итальянский писатель-гуманист.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

З а г р о б о м. Впервые — «Сатирикон», 1908, № 17. Первоначальные наброски:

В толпе я пищ и жаден
[И траур — на рукаве.]

В процессии похоронной
Иду, иду с толпой.
А рядом — твой глаз зеленый
За траурной фатой.

Идешь ты с незнакомым,
Печальная, как все.

За нарядным гробом мужа,
Желтой пылью обдана,
Ты прошла, как все, печальна...

В черновике — первоначальный текст стихов 3—4:

В длинной проходила ты вуали
За нарядным гробом жениха...

Утоли мои печали — название одной из распространенных икон богородицы.

Д р у з ь я м. Впервые — «Русская мысль», 1909, № 1. В рукописи — помета ко второй строфе: «Мерзость». Эпиграф — из стихотворения А. Н. Майкова «Менестрель».

П о э т ы. Впервые — «Кривое зеркало», 1909, № 5; вторично — «Пламя», 1918, № 3. Первоначальный набросок, да-

129 — В рукописи — позднейшая помета: «Отвратительный анархизм
130 несчастного пьяницы» и следы дополнительной переработки восьмой строфы. Здесь — два ее варианта, датированные апрелем 1918 г., с пометой: «Для Луначарского и Мейерхольда (IV.1918). Нет, не выходит!»:

⟨1⟩

Ты будешь доволен собой и женой,
Но жизнью не слишком доволен,
А вот у поэта — всемирный запой,
И в жизни и в смерти он волен!

⟨2⟩

Ты смотришь, без смысла разинувши рот,
На всё равнодушно на свете,
Как ветер бежит, или дождик идет,
Мне любви и дождик и ветер!

Второй из этих вариантов вошел (как девятая строфа) в текст, опубликованный в мае 1918 г. в журнале «Пламя» (редакторами которого были А. В. Луначарский и В. Э. Мейерхольд), с изменением в 4-м стихе: «Любимый мой дождик и ветер!» Но в дальнейшем, в сборнике «Седое утро» (1920), Блок вернулся к прежнему тексту.

«Когда замрут отчаянье и злоба...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 11. В черновике объединено со стихотворениями «О доблестях, о подвигах, о славе...» и «Забывшие Тебя» (см. прим. на стр. 517 наст. тома). Окончательный текст — 8 февраля 1914 г. Обращено к Л. Д. Блок.

«Ты так светла, как снег невинный...» Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 3. В рукописи — помета: «См. письмо какого-то профессора в Биржевке». Блок имел в виду «Письмо в редакцию», помещенное в газете «Биржевые ведомости» (вечерний выпуск), 1909, 12 февраля, за подписью профессора П. И. Дьяконова. Автор письма предлагал всякому, в том числе и автору, уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык стихов Александра Блока „Ты так светла...“ В целом «письмо профессора», если здесь не имела места мистификация, служит выразительным примером плоского и вульгарного, типично обывательского отношения к поэзии.

«Всё это было, было, было...» Впервые — «Русская мысль», 1911, № 11 (под заглавием: «Раздумье»). Первые наброски датированы 23 июня 1909 г. (Бад Наугейм); Блок вернулся к ним осенью 1909 г. (в Шахматове); окончательный текст — весна 1911 г. (тоже — в Шахматове). В черновиках объединено со стих. «Слабеет жизни гул упорный...» (из цикла «Венеция»). Приводим текст одного из черновиков (июль 1909 г.):

Порою всматриваюсь жадно
В глубокий мрак — грядущий век.
Что буду? Прах немой и хладный,
Иль вновь — мятежный человек?

Увижу ль полночью пасхальной
Студеный ледоход Невы,
Увижу ль утром Кремль хрустальный,
Холмы прозрачные Москвы?

И на возлюбленной поляне
Пригрезятся ль мне вновь и вновь
В осеннем дождевом тумане
Твои видения, любовь?

Или проснусь в другой отчизне,
Не в этой пасмурной стране,
И памятью об этой жизни
Вздохну когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец

Другая мать рукою юной
Уже мечтает, может быть,
Меня от ветра и лагуны
Священной шалью оградить.

Быть может, мой отец грядущий...

Иль обновлю в грядущей жизни
Любовь, и память, и мечту
И буду знать о той отчизне,
Как нынче знаю Калиту?

Так беспокою и напрасно —
То здесь, то там — сквозь мрак и сон —
Блеснет мне светоч молнии красной
Иль донесется тихий звон.

Так налетевший ветер глухо
Приносит отдаленный шум
О том, чего не слышит ухо,
Чего не понимает ум.

И сиротливо, сиротливо
Ты странствуешь из века в век,
Неусмиренный, горделивый
И бесприютный человек!

В одном из черпунков связано также со стих. «Кольцо существования тесно...» (стр. 78 наст. тома). *Возлюбленная поляна* — Шахматово. *Калита* — московский великий князь Иван Данилович, по прозвищу Калита (?—1340).

С у с а л ь н ы й а н г е л. Впервые — «Заветы», 1912, № 2. В рукописи первые четыре строфы датированы: «Осень 1909 — осень 1910». При этом — помета: «Продолжение следует! И превращает уже не в фальсификацию детского». Пятая и шестая строфы, приписанные позже, датированы: «Осень 1909—1911». Смысл пометы Блока в том, что сперва стихотворение предназначалось для детского чтения. Тему стихотворения Блок, очевидно, заимствовал из рассказа Л. Андреева «Ангелочек», о котором в 1906 г. писал в статье «Безвременье» (т. V наст. издания): у Андреева также идет речь о сусальном ангелочке, растаявшем в отдушине печи. Отдаленным источником этого сюжета могла служить также и сказка Г.-Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

С о п. Впервые — альм. «Аполлон» (1911). В черновике — первоначальный текст первой строфы:

Мать, и жена, и я — мы в склепе.
Мертвы. — А жизнь вверху идет
Всё непонятней, всё нелепей...
И день последний настает.

Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В последнем стихе — отзвук евангелия (От Матфея, XXVIII, 2).

К о м е т а. Впервые — альм. «Гамаюн» (1911); вторично — «Знамя труда», 1918, 3 января. В «Гамаюне» — другой текст стихов 17—18:

И строфы четвертой:

Нет! Гибель не страшна герою,
Когда безумствует мечта!
Пусть даже ты над головою
Источишь сладкий яд хвоста,
И грозно смолкнет за спиною
Однообразный треск вишта.

В рукописи датировано: «Сентябрь — октябрь» (1910 г.). Окончательный текст — 1917 г., когда была переработана четвертая строфа (с пометой: «Настряпано»). В 1910 г. много говорили и писали о появлении кометы Галлея, якобы угрожающей существованию Земли; Блока появление кометы глубоко взволновало (см. многочисленные упоминания о комете в письмах и в записных книжках, ср. вступление к первой главе поэмы «Возмездие»). *Матчиш* — мотив популярного в 1900-е годы танца. *Симплон* — знаменитый туннель в Альпах (Швейцария). *Моран, Ефимов и Шавёз* — известные в свое время летчики. Об увлечении Блока авиацией см. выше, стр. 506 (прим. к стих. «Авиатор»).

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 4. Заключительная строфа была вчерне набросана летом 1911 г. в Абервраке (французский порт на Бретонском побережье Атлантического океана). Стихотворение связано с воспоминанием о следующем эпизоде: в начале августа 1911 г. в Аберврак неожиданно вошла французская военная эскадра; политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся мировой войны (см. письмо Блока к матери из Аберврака, от 12 августа 1911 г. — т. VIII наст. издания). Сам Блок высоко ценил это стихотворение (см. В. Гиппиус. Встречи с Блоком. — «Ленинград», 1941, № 3, стр. 20).

«Благословляю всё, что было...» Впервые — «Собр. стих.» III (1912), — под заглавием: «Заключение». В черновике, относящемся к июню 1911 г., после первой строфы окончательного текста идет такое продолжение:

И падал я позорно-низко,
Но знала счастье эта грудь,

И черный рыцарь близко, близко
Пересекал мой светлый путь.

Но в долгой скуке, в страстной буре
Не вся растрочена душа.
Смотри — она опять к лазури
Стремит, волнуясь и дыша!

И ты, кого терзал я новым —
Любя, ревнуя и кляня, —
За всё, чего не скажешь словом,
Прости, люби, веди меня.

А ты
Всесильный призрак...
Когда-нибудь на новом поле
Еще поборемся с тобой!

В январе 1912 г. этот набросок был завершен и помещен, в качестве заключительного стихотворения, в III книгу «Собр. стих.», которая называлась: «Снежная ночь». Третья строфа относится к Л. Д. Блок.

П о с л а н и я

Ю р и ю В е р х о в с к о м у. Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В черновике — первоначальный текст стихов:

5 — Не почтальон — я верю — гений
10 — Я Вас узнал и Вас люблю
12 — На старой ткани «Гюрлюрю».

Окончательный текст — 5 мая 1911 г. *Верховский* Юрий Николаевич (1878—1956) — поэт, близкий к символистам, и историк русской поэзии. «Идиллии и элегии» (СПб., 1910) — сборник стихотворений Ю. Верховского, в значительной части имитирующих жанры и формы античной идиллической и элегической лирики. Среди писем Ю. Н. Верховского к Блоку (ЦГАЛИ) имеется его ответное послание «А. Блоку в деревню», датированное 7 августа 1911 г. Приводим это никогда не публиковавшееся стихотворение:

Укрывшись в тихой подмосковной
И позабыв людскую ложь,
Свой день улыбкою любовной
Начав, — для жизни ты живешь.

Себе, вдали от скуки финской
 Доволен жизненным трудом,
 Не правда ли, — как Боратынский,
 Ты перестраиваешь дом?

А, может быть, в заботе пылкой,
 Чтоб во-время свести лесок, —
 Как он, ты занят лесопилкой
 И счетом бревен и досок.

Иль, чужд уныния и лени,
 Под кровом ласковых небес
 Для новых, дальних поколений,
 Как он, ты сеешь новый лес.

И если б медленною тучей
 Твой день порой заволокло, —
 То мыслью стройной и могучей
 Не проясняется ль чело?

И вновь привычно ищут руки
 Непринужденного труда,
 Как охранителя от скуки,
 Вождя — в грядущие года.

Труды житейские не сложны,
 Но с жизнью нас мирят они.
 И с ними будут ли ничтожны
 Судьбой отсчитанные дни?

И с ними сам те дни невольно
 Не позабудешь ли считать?
 Жизнь, как река, течет раздольно
 Туда, где моря благодать.

В а л е р и ю Б р ю с о в у. Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик и историк литературы, центральная фигура русского символистского движения; после Октября решительно порвал со старым миром и вошел в число активных деятелей советской культуры. Блок в молодости испытал сильное влияние поэзии Брюсова и считал его одним из своих учителей. Личное знакомство их состоялось 30 января 1903 г. В дальнейшем Блок в значительной мере разочаровался в поэзии Брюсова, продолжая поддерживать с ним личные и деловые отношения. В марте 1912 г., получив от В. Я. Брюсова сборник его стихов «*Зеркало теней*» (М., 1912), Блок записал в дневнике (12 марта): «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалось прежней

140 радостью и болью)». Вскоре он написал свое послание и направил его В. Я. Брюсову. Тот в ответном письме от 4 мая 1912 г. писал: «Хотя несколько поздно, но приношу Вам дружескую благодарность за Ваши стихи, написанные Вами на экземпляре „Снежной ночи“. Мне они очень дороги, и если я не сказал Вам этого до сих пор, то лишь потому, что хотел Вам ответить стихами же. Но пока мне не удалось написать в ответ Вам ничего, что было бы равносильно Вашим строфам, и я принужден сказать свое „благодарю“ — „смирненной прозой“» («Печать и революция», 1928, № 5, стр. 78; цитир. по рукописи — ЦГАЛИ).

В л а д и м и р у Б е с т у ж е в у. Впервые — «Гиперборей», 1912, № 2. В рукописи — дата: 24 марта 1912 г. *Владимир Бестужев* — литературный псевдоним Владимира Васильевича Гишпиуса (1876—1941), поэта и критика, участника раннего символистского движения, впоследствии примкнувшего к акмеистическому «Цеху поэтов» (писал также под псевдонимом: Вл. Нелединский). Стихотворение является ответом на следующее послание Вл. Бестужева (вызваннос, в свою очередь, стихотворением Блока «Всё на земле умрет — и мать, и младость...», откуда взят эпитафия: «Оттуда ринутся лучи»):

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь — они оттуда ринутся?
Мне кажется, что — нет:
Но в час назначенный все опрокинутся —
Все зримые в незримый свет —
Незримый свет, который в зримом стелется,
Струится и молчит;
Он вдруг заговорит, — и всё изменится,
Всё неизменное в истоме лет!
Ты понял ли, что всё уже известно
Лишь неизвестно нам, —
Что мы идем в стране уже прелестной,
Но горестной очам,
Что мы струимся в самом сердце мира, —
Но мир еще не наш...
Что мы заждались в самом буйстве пира
Заветных чаш!

1912. Февраль

На послание Блока Вл. Бестужев ответил циклом из четырех стихотворений. Вся эта поэтическая переписка была опубликована в ежемесячнике «Гиперборей», 1912, № 2. 141

В я ч е с л а в у И в а н о в у. Впервые — «Русская мысль», 1914, № 2. В рукописи — помета: «Допис(ано) 18 апреля 1912» и подзаголовок: «Надпись на книге» (дарственный экземпляр «Собр. стих.» III, на котором написано это стихотворение, ныне в ЦГАЛИ). *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт и филолог, теоретик символизма и один из наиболее влиятельных его деятелей, с 1924 г. в эмиграции. Первоначальный набросок этого послания (всего несколько строк) относится еще к лету 1909 г.; он датирован: «5 июля. Прасолово, большая дорога» и озаглавлен: «Вяч. Иванову. (*Отвеч*)». Таким образом, выясняется, что стихотворение было задумано в 1909 г. как ответ на обращенное к Блоку стих. Вяч. Иванова «Бог в лупарии» (см. его в сборнике Вяч. Иванова «*Cor ardens*», I, М., 1911, стр. 141—142). Однако законченное через три года послание Блока было вызвано уже не сближением, а расхождением с Вяч. Ивановым, которое определилось в 1911 г. Так, например, в октябре 1911 г. Блок записал в дневнике: «Вячеслав Иванов. Если хочешь сохранить его, — окончательно подальше от него», а в январе 1912 г. признавался А. Белому: «Атмосфера Вяч. Иванова сейчас для меня немыслима». Тогда же Блок записал, что собирается обратиться к Вяч. Иванову со «вспоминательными стихами» (дневник, 5 января 1912 г. — т. VII наст. издания). Вяч. Иванов ответил Блоку в апреле 1912 г. двумя посланиями: «Ты царским поездом назвал...» и «Пусть вновь — не друг, о, мой любимый!..», написав их на двух томах своего сборника «*Cor ardens*», посланных Блоку (ныне — в ИРЛИ). Напечатаны эти послания в сборнике Вяч. Иванова «Нежная тайна», СПб., 1912, стр. 11—13 (вся книжка посвящена Блоку). В своих стихах Вяч. Иванов настаивал на нерушимости своей связи с Блоком:

Пусть вновь — не друг, о, мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе.

Восстанья страшная душа и Из стран чужих, из стран далеких. — Блок познакомился с Вяч. Ивановым в январе 1905 г.

¹⁴³ — (вскоре после событий 9 января), когда тот вернулся в Россию
¹⁴⁴ после длительного пребывания за границей.

А н н е А х м а т о в о й. Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1. Первоначальный набросок, датированный 15 декабря 1913 г.:

Прислушиваясь с равнодушьем жадным

Так равнодушно и так жадно

Внимательно и, вместе, равнодушно
Вы внемлете

Но не так я проста, и не так я сложна,
Чтоб забыть, что дана.

Знаю, многие люди твердить Вам должны,
Что Вы странно красивы и странно нежны,

Знаю также, что скажут другие: она
Так, как все

В другом наброске — первоначальный текст первой строфы:

Кругом твердят: «Вы — демон, Вы — красивы». —
И Вы, покорная молве,
Шаль желтую накинете лениво,
Цветок на голове.

В полном черновике — первоначальный текст третьей строфы:

Но сквозь все слова чужие
Вас страшит расцвет Ваш ранний
И, задумавшись печально,
Вы твердите про себя:

Ахматова Анна Андреевна (род. в 1889 г.) — поэтесса, принадлежала к группе акмеистов, автор послания «Александру Блоку» («Я пришла к поэту в гости...»), на которое и отвечал Блок.

«И вновь — порывы юных лет...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В черновике — две пометы: «Ночь 19—20 июня, жду милую из Териок в гости» и «20.VI — вчера было так, а сегодня — уже нет...» (*Милая* — Л. Д. Блок, в это время игравшая в театре в Териюки).

Х у д о ж н и к. Впервые — альм. «Сирин» III (1914). В ру- 145 —
копсии — вариант заглавия: «Творчество» и первоначальный 149
текст шестой строфы:

Да, я замкнул в мою клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую мир обновить,
Птицу, летевшую жизнь воскресить.

Сирин — в русском фольклоре и древнерусской литературе сказочные райские птицы, символизирующие радость и счастье.

«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»
Впервые — альм. «Сирин» III (1914). В черновике — первоначальные наброски второй строфы:

Ты будешь спать и в снах мой саван белый
Ты будешь целовать, и плакать надо мной,
И в тех же снах мое схоронишь тело,
И будешь отпевать

И день девятый и сороковой настанет

Могильный холм, приснившийся тебе

Так я умру. А ты мой саван белый
Прижмешь к губам, всё пребывая в снах.
Ты умастишь и спеленаешь тело,
Ты простоишь три ночи в головах.

Девятый день и день сороковой — дни, установленные православной церковью для поминовения умерших. *Тайный жар*. — Это выражение встречается в стих. Н. М. Минского «Кюнца земпой борьбы нам видеть не дано...» («Стихотворения», изд. 3-е, СПб., 1896, стр. 116). Обращено к Л. Д. Блок.

Ж е щ и н а. Впервые — «День», 1915, 22 марта. Первоначальный набросок (одна первая строфа) датирован 31 января 1909 г. В черновиках 1914 г. — первоначальный текст первой строфы:

Тот разлюбил меня и бросил,
А этот... просто дикий зверь:
Он слишком униженно просит,
Ему я показала дверь!

А вместо второй строфы окончательного текста — две следующие:

На кладбище уединенном
Нашла я холмик небольшой,
Я замечталась над зеленым
Моей измученной душой...

И всё похоронить решила —
В чем обманулась, что сожгла:
Пусть эта малая могила
Узнает всё, чем я жила.

Начиная с 1911—1912 гг. Блок переживал сильное увлечение творчеством и самой личностью шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912), в котором он видел черты демократа и «нового человека» — волевого и мужественного, — см. статьи Блока «От Ибсена к Стриндбергу» и «Памяти Августа Стриндберга» (т. V наст. издания) и многочисленные высказывания о Стриндберге в дневнике и письмах. В данном стихотворении отразились характерные для позднего Стриндберга настроения: его протест против размягчающего «женственного» начала. Блок, под влиянием Стриндберга, в известной мере разделял эти настроения, в шутку называя их «женоненавистничеством».

Перед судом. Впервые — «Русская мысль», 1916, № 1. В черновике после третьей строфы — еще одна:

Женщина, прекрасная когда-то,
Слабая, замучила семья,
Пала низко, мало виновата,—
Так и судьи скажут, так и я.

Там же — первоначальный текст заключительного двустишия:

Страстная, преступная, пустая,
Мне прости, как я простил тебя!

В июне 1916 г. Блок заметил, что этим стихотворением должен заканчиваться цикл «Кармен» (записная книжка, 28 июня 1916 г. — т. VII наст. издания), — однако в последнем издании третьей книги «Стихотворений» (1921) отказался от этой мысли, может быть потому, что стихотворение обращено, безусловно, к Л. Д. Блок.

А н т в е р п е н. Впервые — «Депь», 1914, 21 октября: вторично — «Бельгийский сборник» (1915). В черновике после

четвертой строфы — еще одна, вычеркнутая (с пометой к первому стиху: «Это уж слишком»):

Спят львы, вздыхают бегемоты
В Зоологическом саду —
Торговля, мир, покой, дремота,
Лишь я, чужой, чего-то жду.

В записной книжке Блока 1914 г. есть такая запись от 6 октября: «Последний срок для представления в „День“ отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только Россию одну. Вчера послал „Антверпен“» (т. VII наст. издания). В Антверпене (Бельгия) Блок был в сентябре 1911 г. «〈Антверпен〉 удивителен, — писал он оттуда матери, — огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря, масса церквей, старые дома, фонтаны, башни. Музей так хорош, что даже у Рубенса не все противно» (там же — о «18 бегемотах», о которых Блок упомянул в зачеркнутой строфе, — см. т. VIII наст. издания). *И за морем крови...* — Осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной кровопролитных сражений. *Эско* — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен. *Стимер* — корабль. *Гвентин Массис*, вернее: Массейс (1466—1530) — художник Нидерландского Возрождения.

«Похоронят, зароят глубоко...» Впервые — «Солнце России», 1916, № 4. Первоначальный набросок, датированный 9 августа 1903 г.:

Похоронят, зароят глубоко,
На могилы роса упадет.
Мы услышим — далеко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Не дрожат уже бледные руки,
Не сжимает нас больше тоска.
Там — над нами — все звуки, все муки,
Нас спасла гробовая доска.

Отделила от слабых и славных,
Заградила хвалу и хулу.
Под землей так уютно, так славно,
Будто в теплом родимом углу.

«На улице — дождик и слякоть...» Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля (под заглавием: «Дождик»). В рукописи — дата: «19.X — 10.XII.1915».

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут п с у х...» Впервые — «Седое утро» (1920). В рукописи — дата: «XI.1915 — 9.VI.1916». В черновике, датированном 30 сентября — 31 октября 1915 г., — первоначальный текст третьей строфы:

Видишь — ныне весь мир одичал — и окрест
Лишь пустыня, лишь полюс, лишь смерть!
И тому, кто не помнит о холоде звезд,
Нестерпима пустынная твердь.

В другом черновике, относящемся к ноябрю 1915 г., — первоначальный текст шестой строфы:

Но к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.
Так забудь навсегда золотые года,
Упования детские брось!

В рукописи озаглавлено: «Другу»; под этим заглавием было набрано в сентябре 1920 г. для журнала «Записки мечтателей», где, однако, не появилось. Заглавие «Другу» было дано, очевидно, матерью Блока (см. «Письма к родным» II, стр. 290 и 474).

АРФЫ И СКРИПКИ

«Свирель запела на мосту...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Май» и с подзаголовком: «Романс»).

«Душа! Когда устанешь верить?..» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12. Здесь после второй строфы — еще одна, приписанная, как следует из пометы в рукописи, 9 июня 1908 г.:

И нежно имя называет,
И, тишины не возмущив,
В тенистый полдень посылает
Ночной и страстный свой призыв...

Обращено к некоей Маргарите Аносовой, в ту пору курсистке,

литературной поклоннице Блока; в 1910—1913 гг. она поддер- 160
живала с Блоком интенсивную переписку. М. Аносова была
начинающей поэтессой. Среди бумаг Блока сохранился обращен-
ный к ней стихотворный набросок, относящийся к 1910 г.:

Моих «страстей земные были»
И дум упорных седины
Зачем так рано возмутили
Твои «младенческие сны»?
Стихов ты бойся, как отравы...

(в кавычках, по-видимому, цитаты из стихов М. Аносовой, обра-
щенных к Блоку).

«И я любил. И я изведаль...» Впервые — «Обра-
зование», 1908, № 7 (под заглавием: «Анархист»). Здесь — дру-
гое окончание (начиная с пятой строфы):

И неизбежно — те же речи,
И повторенья тех же чар,
И примелькавшиеся плечи,
И застывающий пожар...

Я долго был тебе покорным!
Тебя я страстью звал всю ночь!
Но взорам светлым, взорам черным —
Я говорю отныне: прочь!

Высокий храм свой обхожу я,
Огни очей ночных гашу,
Зане грозу в себе иную
И небывалую пошу.

Судьба! Взнеси еще безмерней —
На самый недоступный кряж,
Чтоб каждый луч зарп вечерней
Мне повторял: Ты — наш. Ты — наш...

И дай смеяться! Дай весельем
Наполнить грудь, и с верхних скал
Послать осколок тем ущельям,
Где я любил и целовал!

И слушать стоны и проклятья,
И видеть кровь, и боль, и смерть,—
Чтоб мог, жестокий, обладать я —
Тобой одной, Пустая Твердь!

В черновиках тесно связано со стихотворениями «Их было
много — дев прекрасных...» и «Душа! Когда устанешь верить?..»

¹⁶¹ (т. II, стр. 337 и наст. том, стр. 159). Там же — помета: «Вот так лирика! Называется — Анархист!» Окончательный текст — январь 1912 г.

«М а й ж е с т о к и й с б е л ы м и н о ч а м и!..» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Родине»). В черновике имеются наброски продолжения, развивающие тему родины:

И над этим плугом — все мечтанья,
И под этим плугом — вся земля,
И душа — как в первый миг свиданья,
И душа — как парус корабля.
И в руке — тяжелые дрожанья,
Над весенним паром тишина,
И Твои, Твои очарованья,
Медленно сходящая Весна.

И далекий лепет, бормотанье,
Конницы тяжелой знамена,
И трубы военной завыванье...

Как суровый парус над морями,
Уводящий в даль, где дремлешь ты,
Нищая, с

Как суровый парус
В даль, где ты томишься в давнем сне,
Нищая, пронизанная светом...

Наброски эти зачеркнуты, с пометой: «Корабль ни при чем». Посвящение датировано в рукописи 22 декабря 1911 г. *Пяст* (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт-символист; Блок познакомился с ним в январе 1905 г. и поддерживал дружеские отношения вплоть до Октября, когда пути их круто разошлись. Смысл заключительных строк этого стихотворения раскрывается более полно в сопоставлении со следующим высказыванием Блока о Льве Толстом (в статье «Солнце над Россней», написанной в сентябре 1908 г. к восьмидесятилетню Толстого): «Пока Толстой жив, идет по борозде, за плугом, за своей белой лошадкой, — еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и слава богу. Толстой идет — ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, *уйдет последний геней*, — что тогда?» (т. V наст. издания).

В сборнике «Ночные часы» (1911) цикл посвящен В. А. Щ. — то есть Валентине Андреевне Щеголевой (Богуславской), драматической актрисе. Блок познакомился с нею в конце 1906 г., в театре В. Ф. Коммиссаржевской, где тогда играла В. А. Щеголева.

1. «Всё помнит о весле вздыхающем...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Белая ночь»). В рукописи — дата: май — июнь 1908 г.

2. «Черный ворон в сумраке снеж-
пом...» Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11 (под заглавием: «Вдвоем»). В черновике, датированном 24 января 1910 г., тесно связано со стих. «Всё, что память сберечь мне старается...» (стр. 185 наст. тома). Здесь — три первоначальных варианта третьей строфы:

⟨1⟩

И опять на ночное свидание
Ты приходишь в забвеньи и сне,
Валентина, комета, мечтание,
От Востока на Запад ко мне.

⟨2⟩

Ты опять восходишь, мерцанье,
Легкий сон непонятных встреч,
Валентина, звезда, мечтанье,
Снежной пылью мне сердце жечь?

⟨3⟩

Верю, верю — южные ночи,
И твои поют соловьи,
Пугливые быстрые очи,
Смелые губы твои.

В белой рукописи, первоначально озаглавленной: «Валентина», — четвертый вариант этой же строфы:

Снежный ветер летит от залива
В опьяненные губы твои...
Валентина, мечтанье, диво,
Как поют твои соловьи!

3. «Знаю я твое льстивое имя...» Впервые — «Ночные часы» (1911). В черновике, датированном 18 сентября 1910 г., связано со стих. «Посещение» (стр. 262 наст. тома). Здесь — первоначальный текст второй строфы:

Или в каждом манящем изгибе
Твоих рук, твоих ног, твоих плеч
Не заносит разящая гибель
Надо мною невидимый меч?

(Зачеркнуто, с пометой: «„В изгибе“ нельзя „заносить меч“».)

Встречной. Впервые — «Речь», 1909, 25 декабря. В рукописи, которая исправлялась дважды — в 1909 и в 1912 гг., заглавие: «Даме с парохода», первоначальный текст 4-го стиха: «Твой муж, наверное, кадет!» (то есть член кадетской партии) и другая вторая строфа:

Интеллигентен он не в меру,
Начитан и насмешлив он,
Следит, кому отдашь поклон,
И не подпустит кавалера,
А я — свободен! Я — влюблен!

Окончательный текст — 1912 г. Уайльд Оскар (1856—1900) — английский поэт, драматург и прозаик, кумир буржуазных эстетов начала XX века.

М э р и

Впервые — альм. «Италии» (1909). Здесь первое стихотворение цикла («Опять у этой двери...») гораздо пространнее; после первой строфы — еще одна:

О, как приму тебя я,
Когда дышу едва?
Ты слышишь — повторяю
Несладкие слова,
Смотри — полуседая
Склонилась голова...

И после третьей строфы окончательного текста — еще две:

Что если здесь, на ложе,
Проснувшись едва,

Увидишь ты, что строже
Седая голова
И, может быть, моложе,
Когда любовь мертва?

О, царственная Мэри,
Безумие мое!
Запри тихохонько двери,
Войди в мое жилье
И расскажи мне, Мэри,
Про вольное житье!

В черновике — первоначальный текст стихов 9—12:

Твои высокие плечи,
Безумие мое!
Вот эти злые речи
И взоров острее.

Окончательный текст, по-видимому, 1911 г. В этом цикле наблюдается известное сходство со стихотворением А. С. Пушкина «Пью за здравие Мери...», которое, в свою очередь, является отдаленным подражанием стихам английского поэта Бари Корнуола. На следующий день после того, как был написан этот цикл, 18 июля 1908 г., Блок сообщил матери: «Написал несколько хороших стихотворений», а 31 июля писал ей же: «Напрасно тебе не нравится „Мэри“. Прочти еще» («Письма к родным», стр. 219 и 222).

«Усните блаженно, заморские гости,
усните...» Впервые — «Лебедь», 1908, № 3. Здесь — другая редакция 2-го стиха: «Забудьте, что в мире, где плачем, темней и темнее...»

«Я пригвожден к трактирной стойке...» Впервые — «Новое образование», 1910, № 1/2. В черновике после первой строфы — набросок еще одной:

Сквозь пьяный сон я всё провижу,
Как от полозьев брызжет снег,
Как ближе, ближе, ближе, ближе...

К черновику этого стихотворения в записной книжке Блока непосредственно примыкает следующая запись — очевидно, план дальнейших строф, проясняющий и расширяющий идейно-

169 —
170 художественное содержание незавершенного замысла: «И вот поднимается тихий занавес наших сомнений, противоречий, падений и безумств: слышите ли вы задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины? Это — Россия летит невсedomо куда — в сине-голубую пропасть времен — на разубранной своей и разукрашенной тройке. Видите ли вы ее звездные очи — с мольбою, обращенною к нам: „Полюби меня, полюби красоту мою!“ — Но нас от несл отделяет эта бесконечная даль времен, эта сияя морозная мгла, эта снежная звездная сеть. — Кто же проберется навстречу летящей тройке тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмыленных коней, смелой рукою опрокинет демопского ямщика и...» (на этом запись обрывается — см. записную книжку от 26 октября 1908 г. — т. VII наст. издания; развитие этой темы — в статьях Блока: «Вопросы, вопросы и вопросы», «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура» и «Дитя Го- голя» — т. V наст. издания).

«Не затем величал я себя паладином...»
Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 8. *Паладин* — рыцарь.

«Часовая стрелка близится к полночи...»
Впервые — «Отечество», 1915, № 1. В рукописи — дата: «XI.1908 (—XII.1913)». В черновиках, относящихся к июлю 1907 — ноябрю 1908 г., объединено со следующим стихотворением («Старинные розы...»), и оба они восходят к одному неосуществленному замыслу «фантастического рассказа», который Блок предполагал включить в задуманную им книгу «Сказки о венгерской графини» (краткий план рассказа см. в записной книжке, под 26 мая 1908 г., — т. VII наст. издания). Сохранился набросок этого рассказа (в прозе), датированный 29 июля 1907 г. (см.: Вл. Орлов. Неосуществленный замысел Блока. — «Звезда», 1936, № 8, стр. 280—281). Тогда же Блок переложил его в более привычную для себя стихотворную форму:

Нас было много в новогодний вечер
У ярко освещенного стола.
На груди яств глядел морозный ветер
Из синего, холодного окна.
[Нас было много. Но один я помнил
О том, о чем не помнили они.]

Нас было много. Но одни зевали,
Другие [пили, трести] говорили,
И я один, как всюду, помнил ярко,
Что между нас присутствует она.

Она была в тени широкой шляпы,
И перья ниспадали, как всегда,
На плечи бледные, как из слоновой кости,
На матовые черные шелка.
Ее глаза в клетку птицы
Широко грустные смотрели на меня.

Часовая стрелка к полуночи
Приближалась. Темною волною
Поднимались думы. Светлою волною
Колебались свечи. [Было страшно.
Я хотел сказать: «Люблю вас, панна».]

По-видимому, уже в 1908 г. последняя строфа этого наброска была переработана и в новой редакции приняла следующий вид:

Часовая стрелка приближалась
К полуночи. Темною волною
Колебались свечи. Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, ночи без рассвета,
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни

Стрелка часовая близко к полуночи.
С новым годом, волны те

В дальнейшем Блок уже не возвращался к прозаическому тексту и 4 ноября 1908 г. заново переработал стихи следующим образом:

Часовая стрелка приближалась
К полуночи. Светлою волною
Колебались свечи. Темною волною
Поднимались думы. Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые...
Я люблю Вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

Всё, что сегодня,
Было вчера.
Вечер новогодний,
Как все вечера.
Так же одиноко
Городом бреду...
И той же тропой
С мечом на плече

Идет он за мною
 В туманном плаще.
 Идет и не знает,
 Что снег уже смят,
 Что там догорает
 Последний закат,
 Что нет мне исхода
 Всю ночь напролет,
 Что больше свобода
 За мной не пойдет.
 И где запоздалый
 Отыщет ночлег?
 Лишь розы на талый
 Падают снег,
 Лишь слезы на талый
 Падают снег.

Лишь одного смертельно жажду я —
 Чтоб он не следовал за мной.
 Он втаптывает розу каждую
 В снега железною стопой.

Много времени спустя, в декабре 1913 г., Блок еще раз вернулся к этому черновику (дата окончательной обработки — 2 января 1914 г.), разделив его на два самостоятельных стихотворения — «Часовая стрелка близится к полночи...» и «Старинные розы...»

«Старинные розы...» Впервые — «День», 1914, 25 декабря. В рукописи — дата: «XI.1908 (Ревель) — 2.I.1914». См. предыдущее прим. По-видимому, с этим стихотворением связан небольшой набросок в прозе, приложенный Блоком к фрагментам его «Сказки о венгерской графине». Вот этот набросок:

СКАЗКА

Из-за всего этого — передо мной вырастает человек, обезумевший от того, что «ничто не ново под луною». У него волосы поднялись дыбом, как языки пламени, черный плащ раздулся, у пояса — кинжал, на ручке его под луною зарделись рубины. Он видит море и старый город — остановил бег, оскалился, — и сильный его подбородок прижался к рукоятке меча.

*Ревель. Море.
 Брессов. Ибсен.*

«У же над морем вечер еет...» Впервые — «Слово», 172 —
1909, 1 февраля (под заглавием: «Моей смерти»). Здесь после 174
третьей строфы — еще одна:

И ветер, с полуночи вея,
Туманов не разгонит грусть,
Твою я помню поступь, фея,
Твой шелест знаю наизусть.

В черновике (озаглавленном: «Бывшим друзьям») связано со стих. «Своими горькими слезами...» (см. т. II, стр. 293). Здесь — иное расположение строф: сперва идут первая, вторая, пятая и третья строфы окончательного текста, затем — четвертая строфа первопечатного текста и четвертая строфа окончательного текста, после которой — наброски следующих:

Хочу, чтоб не был миг напрасным,
Хочу не раз владеть тобой,
И, просияв весельем страстным,
Влюбленно ночи ждать другой.

Еще пылать одним мгновеньем
И после — много серых дней,
Гордясь своим уничтоженьем,
Ждать новых

Мою красавицу встречаю,
В почь неизбежную введу,
И, прахи снежные взметая,
Мы мчимся в ледяном бреду.

[Всегда уста устам навстречу
Стремят лобзанья, речи, смех,
Всегда из окон светят свечи,
Всегда]

Всегда морозной пылью встречной
Ее лицо обожжено...

Обетование неложно — слова молитвы («Ты дал неложное обетование»).

«Всё б тебе желать веселья...» Впервые — «Наша газета», 1909, 8 марта.

«Я не звал тебя — сама ты...» Впервые — «Аполлон», 1911, № 3 (под заглавием: «Пришлица»).

«Грустя и плача и смеясь...» Впервые — «Наша газета», 1909, 18 января.

«Опустись, занавеска линиялая...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 1 августа; вторично — «Новое слово», 1910, № 7. Здесь — первоначальный текст заключительной строфы:

Спалена моя степь, трава свалена,
С чем и жил — умираю ни с чем,
И кого целовал — не моя вина,
И кому обещался — не вем.

(*Не вем* — не знаю). Первоначальный набросок, датированный 4—8 ноября 1908 г.:

Опустись запавеска линиялая,
На герани больные мои.
Скоро минула жизнь небывалая,
Молодая, как очи твои.

Не она ль, как цыганка, проворными
Оплетала руками меня...

Не она ль, как цыганка, узорными
Убиралась платками, маня,
Или косами иссиня-черными
Что ни ночь оплетала меня.

«Мой милый, будь смелым...» Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 4 (под заглавием: «Песня»).

«Не венчал мою голову траурный лавр...» Впервые — «Солнце», 1910, № 1. В черповике, датированном 19—22 января 1909 г., после первого двустихия окончательного текста идут следующие наброски:

Праздный взор — полон думой о ней,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Девы выюги сожгли поцелуями лик,
И одна — всех коварней душой.

По весне, как трава на могильных холмах,
Разрасталась душа и ждала,

И мерцала, плыла в отдаленных полях,
В отдаленных годах моих — мгла.

179 —
182

Не мерцал мне за мглой грозный лик огневой—
С золотым напряженным копьем.

Окончательный текст второй и третьей строф — 22 января 1909 г.

«Покойник спать ложится...» Впервые — «Остров», 1909, № 2. Здесь — первоначальный текст второй строфы:

Спежинок легкий пух
Куда летит, куда?
Сгорел костер, прошли года,
Прости, бессмертный дух!
Тревожный взор! Тревожный слух!
Настало «никогда»...
В снега! Туда! Туда!

Окончательный текст — очевидно, 1912 г.

«Уж вечер светлой полосой...» Впервые — «Бодрое слово», 1909, № 7 (под заглавием: «Встреча»).

«Здесь в сумерки в конце зимы...» Впервые — «Всемирная панорама», 1910, № 17. В рукописи озаглавлено: «На островах».

Через двенадцать лет

Стихи этого цикла в большинстве были набросаны вчерне в июне 1909 г. в Бад Наугейме (Германия) — «через двенадцать лет» после первой встречи Блока с К. М. Садовской (в Бад Наугейме же, летом 1897 г., — см. т. I, стр. 575), но обрабатывались позже — вплоть до 1914 г.

1. «Всё та же озерная гладь...» Впервые — «Всеобщий ежемесечник», 1911, № 10. Окончательный текст — май 1911 г. В авторском экземпляре «Собр. стих.» III (1912) вписан имеющийся и в черновике вариант заключительного стиха: «Как прежде, имя назовет». «Градириши, салны — высокие стены из деревянных клеток, пабитых хворостом, который

182 — пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в дви-
183 жение соленую воду. Ряд саппи стоит в полях с подветренной стороны немецкого курорта Bad Nauheim, благоуханный воздух которого насыщается солью» (примечание Блока в «Собр. стих.» III).

2. «В темном парке под ольхой...» Впервые — «Всеобщий ежемесячник», 1911, № 10. Первоначальный набросок:

Влажным вечером в саду
По следам твоим иду.

Знаю, знаю — вот твой след,
Смытый влагой многих лет.

Всё иначе, чем тогда,
Всё прошло

Окончательный текст — май 1911 г.

3. «Когда мучительно восстал п...» Впервые — «Вершины», 1915, № 7. Первоначальный набросок:

FRAUENWALD

В твоём лесу, в лесу девичьем,
Утратив память прежних дней,
Я был разбужен пеньем птичьим,
Игрою солнечных теней.

Так ясно встал п эти миги,
Когда твой *гений мне блистал*,
Когда еще в закрытой книге
Я о грядущем не читал.

И так мучительно воскресли
Дела и дни передо мной.
Они меня замучат, если
Их не потопит шум лесной.

Приди же, сон весны волшебной,
Что было, память, возврати,
целебной
пути.

В записной книжке Блока к этому наброску относится запись (от 25 июня 1909 г.): «С *тем* связаны слова „волшебный“, „дивный“ — все те, которые неприлично произнести русскому дво-

рянину, но которые приятно припоминать в одиночестве и иногда употреблять в стихах — тайком». Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. *Девичий лес* (Frauenwald) — парк в Бад Наугейме. 183 —
184

4. «Синеокая, бог тебя создал такой...»
Впервые — «Вершины», 1915, № 7. Первоначальный текст:

Синеокая, бог тебя создал такой,
Гений первой любви надо мной.

Встал он тихий, дождями омытый,
Ему легкого имени нет —
Запеваёт осой ядовитой,
Разметает он прошлого след.

Снова вижу я тонкие руки,
Погружаюсь опять наяву
В эти южно-гортанные звуки
И в глубокую глаз синеву.

Но взлетает, взвивается, рыщет
И сквозь ночи, сквозь ночи и дни
Пыль годов отягченная ищет
Потушить, уничтожить огни.

Окончательный текст — 19 марта 1914 г.

5. «Бываю т тихие минуты...» Впервые — «Новое слово», 1912, № 12. Окончательный текст — 3 января 1912 г.

6. «В тихий вечер мы встречались...»
Впервые — «Аполлон», 1911, № 3 (под заглавием: «Юность»).
В черновике — первоначальный текст второй строфы:

Под зарей едва аляя
Уводила нас куда
Эта узкая аллея
Вдоль туманного пруда?

В рукописи, датированной 24—25 марта 1910 г., после третьей строфы — еще одна:

Налетал отрадный ветер,
Колыхая челн мечты,
Обступал прохладный вечер,
Чередуя *вы* и *ты*...

¹⁸⁵ — *Елагин остров* — парк в Петербурге. По поводу этого стихотворения Блок писал 13 июня 1911 г. своему другу юношеских лет А. В. Гиппиусу: «Если бы я мог, я бы посвятил тебе стихи о юности; но они посвящены одной давней и милой тени, от которой не осталось и связки пшсем» (т. VIII наст. издания).

7. «У же по меркла ясность взора...» Впервые — «Ночные часы» (1911). В рукописи — первоначальный текст второй строфы:

Она сдавалась. Очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне...
Уж к нам со сцены мчались гимны
Об ослепительной весне...

8. «Всё, что память сберечь мне старается...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 19 декабря; вторично — «Новое слово», 1910, № 12. В первоначальных набросках было тесно связано со стих. «Черный ворон в сумраке снежном...» (стр. 162 наст. тома). Вот набросок, датированный 24 января 1910 г.:

Всё сказано, выжжено, брошено,
В безумные ночи

Но горящим зигзагом взвизгивает
Эта повесть в ночных небесах,
Всё, что память запомнить старается,
Пропадает в безумных годах.

Всё, что выжжено, брошено, сказано,
Всё опять возникает оно,
Как любовницы письма — завязано
Накрест лентой кровавой оно.

Синий призрак умершей любовницы. — До Блока дошел ложный слух о смерти К. М. Садовской.

У т р о в М о с к в е. Впервые — «Голос жизни», 1914, № 3. Окончательный текст — февраль 1914 г. В черновике — две пометы: «На скамейке в Алекс(андровском) саду. Москва» и «Воробьи проснулись недавно и умываются в песке».

«К а к п р о щ а л и с ь , с т р а с т н о к л я л и с ь . . . »
Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 16 мая; вторично —

«Новое слово», 1910, № 5 (оба раза под заглавием: «Простая 189 —
песня»). Черновик датирован 30 августа 1909 г. 190

«Всё на земле умрет — и мать, и младость...» Впервые — альм. «Аполлоп» (1912). Здесь — другая редакция 7-го стиха: «Как здесь страдали, гибли и боролись...»

На смерть Коммиссаржевской. Впервые — «Ежегодник императорских театров», 1910, кн. II; вторично — «Сборник памяти В. Ф. Коммиссаржевской» (1911). Первоначальный черновой набросок:

И мы мы любили,
Был праздник, буря и гроза,
Когда над нами восходили
Ее звездистые глаза.
Как требовал, как плакал голос —
Его рыданий не избыть,
В нем бушевала и боролась...

И вечно юных

Еще глаза глядят и светят,
А голос плачет и зовет.

Как будто ветер тронул струны

. рыдают серафимы,
Сложив испуганно крыла.

Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — знаменитая драматическая актриса, пользовавшаяся громким успехом в демократических кругах. Блок познакомился с В. Ф. Коммиссаржевской в 1906 г., когда в ее театре была поставлена первая лирическая драма Блока — «Балаганчик». Стихотворение было прочитано Блоком на вечере памяти Коммиссаржевской 7 марта 1910 г. По воспоминаниям современника, Блок сказал об этом стихотворении: «Да, мне заказали стихи. Я очень долго над ними работал и наконец написал» (Вас. Гиппиус. Встречи с Блоком. — «Ленинград», 1941, № 3, стр. 18). См. речь Блока о В. Ф. Коммиссаржевской (т. V наст. издания) и предисловие к поэме «Возмездие», где сказано, что «с Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене» (стр. 295 наст. тома). *Камень белогорючий* и *плакун-трава* — образы русского былинного, песенного и сказочного фольклора. *Тризна* — поминки.

Голоса скрипок. Впервые — «Аполлон», 1911, № 3. Отдельные образы этого стихотворения развернуты в речи Блока «Памяти В. Ф. Коммиссаржевской» (т. V наст. издания). Первые два стиха приводят на память слова И. С. Тургенева: «Луна уже встала на небосклоне, красная и широкая, как медный щит» («Новь», ч. I, гл. 10). Об *Е. П. Иванове* — см. т. I наст. издания, стр. 626.

На Пасхе. Впервые — альм. «Цевница» I (1915); вторично — «Рабочий мир», 1918, 13 октября (оба раза под заглавием: «Гармоника»). К 1910 г. относятся строфы третья и четвертая; первая и вторая были написаны в мае 1914 г. В черновике (1910 г.) — помета: «Что я слышу в окно на Пасхе под гармонику; дворники будто поют».

«Когда-то гордый и надменный...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 6 марта (под заглавием: «Госка»). Окончательный текст — 24 декабря 1913 г.

«Где отдается в длинных залах...» Впервые — «Свободным художествам», 1910, № 1 (ноябрь), — под заглавием: «Хоровод». Здесь после четвертой строфы — еще две:

Лишь обреченных — тех тревожит
Неведомое с детских лет,
И кто назначен, тот не может
Не целовать воздушный след.

Он призван, тайно пламенея,
В бездонный сумрак снизойти,
Где нежная рука, белея,
Уводит с ясного пути.

В черновике между этими двумя не вошедшими в окончательный текст строфами — еще две:

И рано ль, поздно ль — всё святое
Погаснет в зорях, испарясь,
А всё земное, роковое
Сплетет таинственную вязь.

И стапет мир — игрою Рока,
В душе, утратившей царя,
Взойдет просторно и широко
Иная — мгlistая — зряя.

«Сегодня ты на тройке звонкой...» Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11 (под заглавием: «Большая дорога»). Черновой набросок относится к марту — июлю 1909 г.

«В неуверенном, зыбком полете...» Впервые — «Собр. стих.» III (1912), — под заглавием: «Аэроплан». Об увлечении Блока авиацией см. выше, стр. 506 — прим. к стих. «Авиатор».

«Без слова мысль, волнение без названия...» Впервые — «Завсты», 1912, № 8.

«Ветр налетит, завоюет снег...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В рукописи — помета: «Начато в Шахм(атове) (поздн(ая) осень 1910), конч(ено) 6 янв(аря) 1912 (восп(оминание) об удельном лесе у полотна Ф(инляндской) ж. д.)», а в записной книжке 1910 г. имеется такая запись от 19 декабря, сделанная в Лесном (пригород Петербурга): «Тот же лес, почти ночь — и девочка пост в лесу. За снегом еле видны семафоры. Поезда ходят уже по высокой насыпи. Ланская неузнаваема» (см. т. VII наст. издания). Воспоминание Блока касалось стихотворения «Милый брат! Завечерело...» (т. II, стр. 91), написанного за шесть лет до того, 13 января 1906 г., в котором также отразился пейзаж возле станции Ланской. Все эти пригородные места — Удельный парк, Лесное, Ланская — с юности были любимы Блоком.

«Шар раскаленный, золотой...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В рукописи дата: 3—6 января 1912 г. Садовской Борис Александрович (1881—1945) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы, примыкавший к символистам.

«Сквозь серый дым от краю и до краю...» Впервые — «Приазовский край», 1915, 1 января; вторично — альм. «Пряник» (1916). В черновике — первоначальный текст заключительной строфы:

И чем он громче спорит в сумрак будней,
Сей праздный звон,
Тем, в этот век железный, непробудный
Наш тяжкий сон.

Окончательный текст — 1913 г.

«Есть минуты, когда не тревожит...» Впервые — «Русская молва», 1912, 9 декабря.

«Болотистым, пустынным лугом...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 1. Дата в рукописи — сентябрь — октябрь 1912 г. Об этом стихотворении Блок писал Л. Я. Гуревич 8 и 11 декабря 1913 г., что оно ему «кажется лучшим из всех, которые сейчас у ⟨него⟩ есть»: «Я в нем люблю все строки, кроме третьей от конца, с которой еще не умею ничего сделать» («Новый мир», 1932, № 5, стр. 206). Следов переработки указанной строки в рукописи нет.

И с п а к е. Впервые — «Северные записки», 1914, № 3. Первоначальный набросок относится к лету 1912 г.

«В небе — день, всех ночей суеверней...» Впервые — «Северные записки», 1914, № 3 (под заглавием: «Белая почь»). Первоначальный набросок относится к лету 1912 г.

«В сыром, ночном тумане...» Впервые — «Русская молва», 1913, 3 марта (под заглавием: «Наваждение»); вторично — «Новый журнал для всех», 1916, № 1. Черновой набросок относится к июлю — августу 1909 г. Здесь — первоначальный текст стихов 5—8:

В сыром, сыром тумане
Мигает огонек,
И тихие герани
В окошечке твоём.

С е д о е у т р о. Впервые — альм. «Сирин» III (1914), где между стихами 12 и 13 — еще четыре:

«Любила, барин, я тебя...
Цыганки мы — народ рабочий...»
И, вполовину разлюбя,
Смотрю в тусклые очи.

В черновиках — первоначальный текст стихов 9—16:

Чуть брежит тройка в дождевой
Передрассветной мгле докучной,
И взгляд, недавно огневой,

Подернут пеплом. Скучно, скучно.
 Так этот голос пел вчера
 Там под гитару на эстраде?
 И в этом странно черном взгляде
 Я черпал счастье до утра?

А также — отдельные наброски:

Уже не вспыхивает взгляд,
 Как на эстраде под гитару.

Мгновенная любовь прошла,
 Подернут пеплом уголь взора.

Тонкие бледные руки
 В кольцах серебряных.

Тонкие руки цыганские
 В кольцах серебряных.

В рукописи — вариант заглавия: «Разлука». Эпиграф — из стих. И. С. Тургенева «В дороге», ставшего популярным романсом. В основу стихотворения, может быть, легло воспоминание об эпизоде, описанном Блоком в письме к матери от 5 июля 1911 г.: «В субботу я поехал в Парголово, но не доехал; остался в Озерках на цыганском концерте, почувствовав, что здесь — судьба. И действительно, оказалось так. Цыганка, которая пела о множестве миров, потом говорила мне необыкновенные вещи, потом — под проливным дождем в сумерках ночи на платформе — сверкнула длинными пальцами в броне из острых колец, а вчера обернулась кровавой зарей („стихотворение“)» («Письма к родным» II, стр. 144). Ср. письмо к В. А. Пясту от 3 июля 1911 г. (т. VIII наст. издания) и запись от 3 июля 1911 г. в записной книжке (т. VII наст. издания).

«Есть времена, есть дни, когда...» Впервые — «Русская мысль», 1915, № 1. В черновике — помета: «Как „заржавели“ стихи. Долго не писал. Это — не оригинально. Дописано (если дописано) 22. XI. 1913».

«Я вижу блеск, забытый мной...» Впервые — альм. «Сирин» III (1914), — под заглавием: «На бале». В черновике служило продолжением следующего стихотворения («Ты говоришь, что я дремлю...»). Было вызвано, очевидно, воспоминанием

²¹¹ —
₂₁₈ — панием о Н. М. Садовской (ср. цикл «Через двенадцать лет» и прим. к нему).

«Ты говоришь, что я дремлю...» Впервые — «Отечество», 1914, № 7. См. предыдущее примечание.

«Ваш взгляд — его мне подстеречь...» Впервые — «Отечество», 1915, № 12.

«Натянулись гитарные струны...» Впервые — «Отечество», 1915, № 14 (под заглавием: «Цыганка»). В рукописи, датированной 12—19 декабря 1913 г., посвящено К. К. П., то есть упомянутой в тексте *Ксюше* — цыганской левнице Ксении Прохоровой (см. о ней в «Письмах к родным» II, стр. 220 и 224).

«Ты — буйный зов рогов призывных...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 21 декабря (под заглавием: «Неотступное»). Первоначальный набросок относится к июню 1908 г. В черновике 1913 г. озаглавлено: «Кому-то».

«Как день, светла, но непонятна...» Впервые — «Новый журнал для всех», 1915, № 1 (под заглавием: «Она»). Первоначальный набросок датирован 24 декабря 1907 г.; Блок возвращался к нему 24 декабря 1908 г. и осенью 1909 г., но дописал стихотворение только 20 февраля 1914 г.

«Петербургские сумерки снежные...» Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Окончательный текст — 14 мая 1914 г. В рукописи посвящено Л. А. Д(ельмас) (см. о ней ниже, стр. 576 — прим. к циклу «Кармен»).

«Смычок запел. И облак душный...» Впервые — альм. «Артист — солдату» (1915), — под заглавием: «Скрипка»; вторично — «Свободный журнал», 1918, № 2. Первоначальный набросок датирован 27 декабря 1908 г.

«Ты жил один! Друзей ты не искал...» Впервые — «Голос жизни», 1915, № 16 (под заглавием: «Один»). В рукописи — дата: 20—26 августа 1914 г.

«Превратила всё в шутку сначала...»
 Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 24 июля (под заглавием: «Она»). В рукописи — дата: «28—29 февраля 1916 (ночь)». Входит в группу стихотворений, имеющих отношение к Л. А. Дельмас, — как и два следующих стихотворения.

«Та жизнь прошла...» Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Первоначальный набросок датирован 15 августа 1910 г. В черновике 1914 г. — первоначальный текст второй строфы:

И белый снег
 Пошел, и чар
 Не разобьет
 Ни голос нег,
 Ни пламенный пожар.

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к лету 1910 г.

«Разлетясь по всему небосклону...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 28 декабря. В первоначальном наброске, датированном 11 декабря 1908 г., — еще одна, заключительная строфа:

Тишина моя шепчет: не трогай,
 Красота моя шепчет
 А уж там, за окном, на дороге
 Полыхает огонь грозовой.

В черновике 1914 г. — помета: «Нет, это фальшиво и надо бросить. Само положение ложно». Окончательный текст — 25 декабря 1914 г. В рукописи озаглавлено: «Художник».

«Он занесен — сей жезл железный...» Впервые — «Огонек», 1914, № 52; вторично — «Знамя труда», 1918, 6 января (оба раза — с другой редакцией 8-го стиха: «Снянь божьего лица»). В черновике — другой текст стихов 3—4:

Летим, склонясь над страшной бездной,
 В зияющее царство тьмы...

Жезл железный — образ из Апокалипсиса (II, 27; XII, 5).

«Пусть я и жил, не любя...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 1 января; вторично — «Ежемесячный журнал», 1917, № 1. В 5-й строке — отзвук стиха Иннокентия Анненского: «Мои — вы, о дальние руки» («Дальние руки»), который очень нравился Блоку (см. запись в дневнике от 18 июня 1912 г. — т. VII наст. издания). Обращено, как и два следующих стихотворения, к Л. Д. Блок.

«Протекли за годами года...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1917, № 1. В черновике — помета: «Упражнения... Как это грустно!» (помета относится также и к следующему стихотворению). Окончательный текст — 9 июня 1916 г.

«За горами, лесами...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1917, № 1. См. предыдущее прим. Окончательный текст — 9 июня 1916 г. Л. Д. Блок, к которой обращено стихотворение, в 1915 г. находилась в Галиции, в прифронтовой полосе, в качестве сестры милосердия в военном госпитале.

КАРМЕН

Стихотворения этого цикла были написаны под впечатлением встречи и знакомства с Любовью Александровной Андреевой-Дельмас — оперной актрисой, исполнительницей партии Кармен (*Карменситы*) в одноименной опере Жоржа Бизе. По словам биографа Блока, М. А. Бскетовой, он, впервые увидев Л. А. Дельмас в роли Кармен (это было в октябре 1913 г., в спектакле петербургского Тсатра музыкальной драмы), «был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки. Этот тип был всегда ему близок» («Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 192). В начале 1914 г. Блок часто посещал спектакли с участием Л. А. Дельмас, искал встречи с пею. О том, как нарастало увлечение Блока, можно судить по его записной книжке от марта 1914 г. (т. VII наст. издания). Так, 18 марта он записал: «Опять мокрый снег. Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение» (личное знакомство Блока с Л. А. Дельмас состоялось 28 марта). Впоследствии Блок заметил, что в марте 1914 г. он «отдался

стихии не менее слепо, чем в январе 1907 г.», когда в течение двух недель была «залпом» написана «Снежная маска» (см. стр. 474 наст. тома). Увлечением Л. А. Дельмас был вызван не только цикл «Кармен», но и ряд других стихотворений, написанных в 1914—1920 гг. («Петербургские сумерки снежные...», «Королева», «Я помню нежность ваших плеч...», «Та жизнь прошла...», «Была ты всех ярче, верней и прелестней...», «От знающего почерк ясный...», «Превратила всё в шутку сначала...», «Едва в глубоких снах мне снова...»). Цикл «Кармен» впервые был напечатан в составе восьми стихотворений и с полным посвящением («Посвящается Любви Александровне Дельмас») в журнале «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Два стихотворения, не вошедшие в эту публикацию: «На небе — празелень, и месяца осколок...» и «Есть демон утра. Дымно-светел он...», под общим заглавием: «Из восьмистиший», впервые появились в журнале «Дневники писателей», 1914, № 2.

«Как океан меняет цвет...» Первоначальный набросок относится еще к лету 1908 г. В октябре 1913 г. (то есть когда Блок впервые увидел Л. А. Дельмас на сцене) стихотворение было набросано вчерне почти полностью:

Как океан меняет цвет,
Когда пахнёт грозой певучей,
И вздрогнет полыхнувший свет
В пагромождающей туче,—
Так ты, душа, боясь вздохнуть,
Уже меняешь строй
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь.

«На небе — празелень, и месяца осколок...» Окончательный текст — 5 апреля 1914 г. В последнем этаже... — Л. А. Дельмас жила в верхнем этаже большого петербургского дома; высокая крыша сохранилась до сих пор (ул. Декабристов, 53).

«Есть демон утра. Дымно-светел он...» В черповике — первоначальный текст второй строфы:

В его улыбке — летняя лазурь.
Но как лазурь сквозит тьмой бездонной,
Прядь золотая станет вдруг червонной,
И в голосе — забытый рокот бурь.

«Бушует снежная весна...» Окончательный текст — 1 апреля 1914 г. Курсивом выделена цитата из либретто оперы Ж. Бизе «Кармен». *Цунига* и *Хозе* — действующие лица этой оперы.

«Среди поклонников Кармен...» Первоначальный набросок:

Среди поклонников Кармен...

«Кармен, когда пойдешь за мною»,
Поет

Спешат поклонники Кармен,
Спешат нестройною толпою.

Среди порхающих созвучий
Глядеть на стан ее певучий,
И видеть творческие сны.

Тяжелый груз безумных лет,
Воспоминанья вековые.

В рукописи — помета: «Надпись на книге» (26 марта Блок послал Л. А. Дельмас свои книги). *Лиллас-Пастья* — трактирщик, упоминаемый в либретто оперы «Кармен». *Творческие сны* — выражение А. С. Пушкина («Евгений Онегин», глава I, строфа 55).

«Сердитый взор бесцветных глаз...» В одно из представлений «Кармен» Л. А. Дельмас не участвовала в спектакле, а находилась в зале, среди зрителей. В записной книжке Блока имеется такая запись (от 2 марта 1914 г.) о встрече с Л. А. Дельмас в зрительном зале: «Я иду ближайшим проходом. Встречаю суровый взгляд недовольных, усталых, заплывших глаз. Прохожу на свое место (далеко). Не сидится. Я перехожу назад, в темноте, близко от нее, сажусь. Начинаются танцы, сегидилья. Я смотрю налево. Чуткость скоро дает себя знать. Она оглядывается все чаще. Я страшно волнуюсь... Антракт кончается, я сажусь. Ее нет. За занавесом уже голубая ночь (в горах). Она проскальзывает тихо и садится на свое место.

Все чаще смотрит в мою сторону. Я вне себя, почти ничего не слушаю...» (т. VII наст. издания). *Сегидилья* — испанский танец-песня. *Эскамилльо* — действующее лицо в опере «Кармен». Курсивом выделена цитата из либретто оперы.

«В е р б ы — э т о в е с е н н я т а л ь...» В черновике после 1-го стиха был еще один: «И родимая наша печаль», а после 6-го: «Да твоя яровая земля». В рукописи озаглавлено: «Вербное воскресенье». В записной книжке Блока под 30 марта 1914 г. записано: «Розы, ячмень, верба и красное письмо».

«Т ы — к а к о т з в у к з а б ы т о г о г и м н а...» В черновике — первоначальный текст первого двустишия заключительной строфы:

Всё там спит в тишине бездыханной,
И один лишь средь райских ветвей

«О, да, л ю б о в ь в о л ь н а, к а к п т и ц а...» Курсивом выделена цитата из либретто оперы «Кармен». *Треба* — богослужение.

«Н е т, н и к о г д а м о е й и т ы н и ч ь е й н е б у д е ш ь...» В рукописи — вариант 8-го стиха: «Рыдает, исходя в гремящий гимн светил...» К этому стихотворению относится заметка Блока в записной книжке от 31 марта 1914 г.: «Важные стихи».

СОЛОВЬИНЫЙ САД

Впервые — «Русское слово», 1915, 25 декабря; вторично — «Воля народа», 1917, 28 ноября (литературное приложение: «Россия в слове»). В 1918 г. поэма была издана отдельной книжкой (вышла в свет 19 июля). В рукописи — дата: «(6 января 1914) — 14 октября 1915».

Имеются два черновика поэмы. Один из них относится к январю (и, по-видимому, следующим месяцам) 1914 г., а другой, расширенный и более обработанный, — к августу 1914 г. (вторая глава поэмы датирована здесь 11 августа) и к октябрю 1915 г. «Кончен вчерне „Соловьиный сад“, — пометил Блок 14 октября 1915 г. в записной книжке. Как видно из второго черновика, Блок возвращался к работе над ним несколько раз. Сохранилась также сводка (не датированная, но относящаяся, по всем

240 данным, также к октябрю 1915 г.), дающая полный текст поэмы с незначительными исправлениями.

Нужно думать, сначала Блок предполагал написать на тему «Соловьиного сада» не поэму, а небольшое по размеру лирическое произведение. В первом черновике (январь 1914 г.) после первых четырех строф первой главки зачеркнута помета: «Сделать бы из этого „рассказ в стихах“». В этом черновике набросаны только первая, вторая и третья главки будущей поэмы. Далее идет следующий план продолжения: «Он услышит чужой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы, и задумается о том, что счастью тоже надо учиться». В этом же черновике имеется отдельно записанная строфа, местоположение которой установить трудно:

День сегодня без солнца, без тени,
Еле дышит и сам океан.
Грудь стеснило и ломит колени,
Над равниной — молочный туман.

Строфа эта позже была зачеркнута, с пометой: «В Шахматове (в 1914). К чорту!»

Из второго черновика (август 1914 — октябрь 1915 г.) выделяем несколько наиболее существенных вариантов и различий. Примечательно, что здесь Блок перешел к речи от третьего лица: «Он ломает графитные скалы...» и т. д. (в дальнейшем — возвращение к первому лицу). Будущая вторая главка поэмы читается здесь так:

Знойный день догорает бесследно,
Луч последний над морем погас.
И осел удивляется, бедный,
Что хозяин не спит в этот час.

А хозяин из хижины тесной
Вышел, бродит у моря в бреду,
Повторяя напев неизвестный,
Тот, который он слышал в саду.

Вот он, сад перед ним, легковейный,
Обнесенный высокой стеной,
Там качается стебель лилейный
И цветет за решеткой сквозной.

Каждый вечер в закатном тумане
Он проходит близь этих ворот,

И она его, легкая, манит,
И круженьем и пеньем зовет.

И в лилейном круженьи и пеньи
Чует что-то забытое он,
И любить начинает томленье,
В недоступность ограды влюблен...

Или разум от зноя мутится,
Или вечер навеял тоску,
Только всё неотступнее спится
Жизнь другая ему, бедняку.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если он с пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?..

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду...
Сердце знает, что гостем желанным
Будет он в соловьином саду.

Далее идет начало третьей главки:

Спи, осел, утомленный глубоко,
Грузный лом, отдыхай под скалой!
Ваш хозяин блуждает далеко
За ночную, за синюю мглой.

Поднимаются знойные мысли,
Наливаются кровью глаза.
О, как черные розы нависли!
Верно, к вечеру будет гроза?

Странной кажется эта ограда,
Уходящая в мутную даль.
Соловьиная песня из сада
Навевает и страсть и печаль.

В четвертой главке после первой строфы окончательного текста
шел набросок следующей:

Только с ним погружаясь в забвенье,
Непробудные сны,
Бесконечное, дикое пенье
Никогда не слабевшей струны.

В дальнейшем этот набросок был доработан таким образом:

И они погрузились в забвенье,
И влилось в чародейные сны

Бесконечное дикое пенье
Заглушающей время струны.

Далее, после второй строфы окончательного текста, в черновике идут наброски еще двух строф:

И была она вправду прекрасна,
Лучше, чем в его нищей мечте.
И была непонятно несчастна
В беспокойной своей красоте.

Он глядел на цветы и чертоги,
Слушал песни ее без числа,
Только не было прежней дороги
И товарища осла.

В пятой главке первое двустихие первоначально читалось так:

Потому что от жизни п горя
Не спасет никакая стена,

а заключительная строфа — имела в двух вариантах:

<1>

Но, вперившись во мглу сиротливо,
Нарушая забвенье и сон,
Впикнуть в шум отдаленный прилива,
Безответный, пытается он.

<2>

И, бывало, в высоком покое,
Нарушая забвенье и сон,
К отдаленному шуму прибоя
Всё пытался прислушаться он.

Интересен первоначальный набросок будущей седьмой главки, вводящий в поэму нового персонажа — некоего «старика», которого герой встречает на берегу моря:

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро далек и тяжел.
Он приходит на берег пустынный,
Где остались шалаш и осел.

И знакомые черные скалы
Чуть видны под высокой водой...

Захватил до прилив.

240

И старуха
Засмеялась протяжно и глухо
И рассыпалась в брызгах у ног.

Отчего твои волосы седы,
Отчего твои руки в крови?
(И лицо и одежда в крови)
Ты изведал беды?
— Я изведал объятья любви!

Старик равнодушно взглянул
И сказал: «Был здесь прежде рабочий,
Только он, говорит, утонул».

И оттуда, где серые скаты
Чуть качались в лазурной щели,
Вышел медленно краб волосатый.

Он поднялся — и краб приподнялся,
Вышел боком, разинув клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
И, подравшись, исчезли они.

Слова «старика» повторяются также и в наброске заключительной строфы:

А с тропинки знакомой и тесной,
Где обрывом кончалась скала,
Подходил человек неизвестный,
Погоня чужого осла.

На вопрос
Обернувшись, угрюмо взглянул
И сказал: «Был другой здесь когда-то,
Да уж он, говорят, утонул».

Осенью 1915 г. Блок внес в черновик ряд новых изменений, из которых приводим главнейшие. В четвертой главке здесь вместо двух первых строф окончательного текста — одна:

Не стучал я, мне так отворили
Двери — белые руки твои,
Обвились благовония лилий,
Оглушили меня соловьи.

В пятой главке — варианты второй строфы:

Дни и ночи в чертоге
Были песни и сны без числа,

Только не было длинной дороги
И товарища

Сны и песни и сумрак тенистый,
Но сквозь пень — тревога растет...
Вдруг — видение: путь каменистый,
Запыленный погонщик бредет...

Особенно много усилий потратил Блок на третью строфу четвертой главки. Вот последовательно три ее варианта:

О доселе неслыханном счастье
Прочитал он в смеженных очах,
И, упав, зазвенели запястья
Громче, чем в его нищих мечтах.

Страны счастья, чужого доселе,
Мне открыли объятия те,
И запястья, спадая, звенели
Громче, чем в моей нищей мечте.

И звенели, спадая, запястья;
Мне в объятиях открылся иной
Чуждый край незнакомого счастья
И возпес над убогой мечтой.

В последнем варианте (как выясняется, предложенном матерью Блока) эта строфа и была напечатана трижды — в «Русском слове» (1915), «Воле народа» (1917) и в отдельном издании поэмы (1918). Принимая такую редакцию, Блок, бесспорно, хотел избежать неблагозвучного слияния звуков во второй и четвертой строках («Объятия те...» и «Громче, чем...»). Однако на вырезке из «Русского слова», вклеенной вместо белого автографа в тетрадь рукописей, он сделал к данной строфе следующую помету: «Переделать все-таки еще раз (мамина редакция)» и в последнем издании третьей книги «Стихотворений» (1921) отказался от благозвучия ради смысла, восстановив чтение рукописи (приложенной к черповикам). Остается указать, что в «Воле народа» (1917) третья строфа третьей главки была напечатана по тексту той же рукописи:

Помоги мне, десница господня!
Я брожу здесь часы и часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

В пейзаже поэмы отразились воспоминания Блока о местечке Гетари в Южной Франции (на Бискайском побережье Атлантического океана), где он жил с женой летом 1913 г. Биограф Блока сообщает: «В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом» (М. Бекетова. Александр Блок. Изд. 2-е, Л., 1930, стр. 200—201). См. также письма Блока к матери из Гетари, в которых, между прочим, он сообщает: «Я провожу много времени с крабами» (т. VIII наст. издания).

Как установлено, «Соловьиный сад» представляет собой в известном смысле полемику со стихотворением А. А. Фета «Ключ», повторяя и развивая его образную символику («зов соловьиный», «соловьиный покой» и т. п.), и содержит некоторые отзвуки других стихотворений Фета — «Соловей и роза», «Зной» (см. В. Кирпотин. Poleмический подтекст «Соловьиного сада». — «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 178—181).

РОДИНА

«Ты отошла, и я в пустыне...» Впервые — альм. «Корона» (1908). В рукописи посвящено Л. Д. Блок. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия из Блока же:

Ты в поля отошла без возврата,
Да святится Имя Твое!

«Нечаянная Радость»

Галилея — область на севере Палестины, по евангельским преданиям — родина Иисуса Христа (*Сына Человеческого*). Последнее двустопное — цитата из евангелия (От Матфея, IX, 20).

«В густой траве пропадешь с головой...» Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 12 (под заглавием: «На родине»). В сборнике «Земля в снегу» (1908) в качестве эпитафия — латинская поговорка «Parva domus — magna quies» («Малый дом — большой покой»).

«Задебранные лесом кручи...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 10. К октябрю 1907 г. относится следующий первоначальный набросок:

Так смуглолица и статна,
Под заревом старинной веры...

За чернобровой, смуглолицей,
С испуганной душой.

Ты родилась вон в той избушке,
Росла на берегу речном

.....
Глаза сияли под платком.

Бывало, в красном сарафане
Ты мне мелькала с высоты,
Когда в сыром речном тумане
Сгоняли серые плоты.

Речной обрыв дремал над лесом

..... и бич пастуший
Свистел в вечерней тишине.

Они рубили сруб сосновый
И пели о своем Христе.
Сожглись

Здесь не спугнет печальной цапли
Владыка-человек.
И в каждой ржавой капле —
Зачало рек.

..... вечной тенью
Ресницы мхов опушены
.....
Они вкусили тишины.

И эта сонная врагиня
Людских смятеннй

Они не знают о весне
И шепчут вечные молитвы
Людской врагине — тишине.

Он взял топор и взял пилу,
И ветер

В черновике 1914 г. — первоначальный текст стиха 1: «Взгляни на верх песчаной кручи» и строфы пятой;

И воды ржавые, лесные,
 Просачиваясь в реки те,
 Разносят по рекам России
 Весть о чудовищном Христе.

В рукописи заключительное двустишие первоначально читалось так:

Несут запуганной России
 Весть о чудовищном Христе.

Судя по раннему наброску (1907), Блок хотел написать нечто вроде баллады о старообрядцах-«самосожженцах»; в то время он живо интересовался сектантами и остатками народной «старинной веры».

На поле Куликовом

Впервые — альм. «Шиповник» X (1909). Битва на Куликовом поле, в районе рек Дона и Непрядвы, происшедшая 8 сентября 1380 г. между войском золотоордынского хана Мамай и ратью московского князя Дмитрия Донского, закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении Руси от монгольского ига. В «Собр. стих.» III (1912) Блок сопроводил цикл «На поле Куликовом» следующим примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Тем самым Блок указал на современное звучание своих стихов. Куликовская битва занимала видное место в кругу мыслей Блока о судьбах России, о взаимоотношениях народа и интеллигенции, о грядущей революции. В частности, в статье «Народ и интеллигенция» (1908) образы стихотворного цикла получили такое истолкование: русский стан Дмитрия Донского — это «полуторастамиллионный» народ, неисчислимые силы которого пока еще дремлют в бездействии, а «вражий стан погапой орды» — это «несколько сот тысяч» интеллигентов, не умеющих найти путей к народу. Ср. второе и третье стихотворения цикла со следующим местом статьи: «Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой же гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди. Среди

249 десятка миллионеров царствуют, как будто, сон и тишина; однако, заплакал восвода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и зловеющая зарница» (т. V наст. издания). Ср. также монолог Германа в пятой картине драмы «Песня Судьбы» (1908): «Помню страшный день Куликовской битвы...» и т. д. (т. IV наст. издания). На примере цикла «На поле Куликовом» паходят подтверждение слова Блока: «Я писал сначала стихи, потом пьесу, потом статью — на одну тему» (Н. Павлович. Из воспоминаний об А. Блоке. — «Феникс», кн. I, М., 1922, стр. 156). Впрочем, в данном случае последовательность была обратная: сперва — статья, потом — драма и наконец — стихи.

1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» Первоначальный набросок:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво.
И круты берега.
А там, над желтым глинистым обрывом,
Грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Изныла грудь.
Но как стрела — татарской древней воли —
Мой правый путь!
Наш путь в полях, наш путь — тоской безбрежной,
Твоей, о Русь!
И этой мглы — почной, пустынной, зарубежной —
Я не боюсь.
Пусть так. Придем. Зажжем костер — и пламя
Опять осветит даль.
И в дыме призрачном блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь.
И вечно — бой! И вечно будет сниться
Наш мирный дом.
Но — где же он? Подруга! Чаровница!
Мы не дойдем?
. [Степная] кобылица
[Несет нас в даль!]
И — нет конца! Мелькают версты, кручи,
[А встречу нам]
Идут, идут испуганные тучи,
[И всё идут.]
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
О, сердце, плачь!
Предслов нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2. «Мы, сам друг, над степью в пол-^{250 —}
ночь стали...» В черновике — первоначальный текст стиха 1:
«Мы на мертвом поле в полночь встали» и стихов 9—10:

И к земле прислушиваясь темной,
Говорят тебе: «Точи свой меч».

3. «В ночь, когда Мамай залег с ор-
дою...» В черновике — первоначальный набросок первой
строфы:

Мамай залег с ордой проклятой
Пути, равнины и мосты.
Я — князь Христов. Сияют латы...

Некоторые образы этого стихотворения Блок заимствовал из
летописного «Сказания о Мамаевом побоище» («крики лебедей»,
«ночные птицы», «тихие зарницы», туман над Непрядвой).

5. «О пять над полем Куликовым...» Пер-
воначальный набросок, датированный 27 октября 1908 г.:

Вновь над полем Куликовым
Расточилась злая мгла,
Словно облаком суровым
Блеск светил заволокла.

Узнаю тебя, зачало
Золотых и строгих дней!
В стане вражьем, как бывало,
Трубный голос лебедей.

Тяжело, как перед боем...

В черновике, датированном 11 декабря 1908 г., — другой текст
третьей строфы:

Над вражьем станом, как бывало,
Тревожно лебеди кричат.
Орда недолго отдыхала,
Вновь русской крови ждет булат.

В рукописи — первоначальные чтения стиха 4-го: «Лучи светил
заволокла», и 12-го: «Проснулись трубы лебедей». Окончатель-
ный текст — 23 декабря 1908 г. «Есть хорошие новые стихи», —
писал Блок в этот день матери («Письма к родным», стр. 242).
Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «Дракон».

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеп,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Пусть оскудевая природа
О близкой гибели твердит, —
Какая пьяная свобода
В чертах погибельных сквозит!

Жалеть и плакать не умею,
Я крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.

Ну, что ж? Одной заботой боле,
Одною болью и слезой,—
Зато — как вольно в чистом поле
Под угасающей зарей!

Твои болотистые топи
Обманчивы, как ты сама:
Там угля каменного копи,
Там драгоценных камней тьма!

Сулишь ты горы золотые,
Ты дразнишь дивным мраком недр.
Россия, нищая Россия,
Обетованный край твой щедр!

Вон там, где загляделась хата
С обрыва желтого в ручей,
Там дочь твоя в огне заката
Стоит, накрывшись до бровей.

Она пред встречным опускает
Глаза лукавые свои,
Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи.

Ручей бежит, бурля и пенясь,
Взглянула — взором обожгла,
Мы поравнялись, — подбоченясь,
Как лебедь, плавно прочь пошла...

Но невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

В последнем издании третьей книги «Стихотворений» Блок собирался восстановить полный текст, но отказался от этого намерения, отчасти по совету К. И. Чуковского. Зачеркнув в корректуре книги восстановленные строфы, он сделал при этом такую помету: «Все эти дополнения из первоначальной рукописи устранил. Особенно настаивал Чуковский». В черновом наброске, датированном 2 октября 1908 г., после третьей строфы окончательного текста идет еще одна:

Пускай скудеющие нивы
Устелят красным кирпичом,
И остов фабрики спесивый
Твоим да будет палачом.

Далее идут наброски седьмой — восьмой строф полного (рукописного и первопечатного) текста и еще одна строфа, переходящая в изложенный прозой план дальнейшего сюжетного развития:

Нейдешь ты замуж, не стареешь,
В прекрасном рубище стоишь,
О днях протекших не жалеешь,*
Легко в грядущее глядишь.
Зимуешь в хате чадной...

А летом рвет загорелыми ногами злакн. О том, как жених ее сосватал, как долго не давалась она жениху. Как сыпала звезды в осенние ночи, как ветром гуляла по хлябям болот. Но как полюбивший ее приколдовал ее, смирил, прижил с ней сына — и таинственный сын *растет*. А «Россия» смиренно ждет, что скажет сын, и всю свою свободу вложила в него. Ждет у колыбели. А сын растет, просыпается.

Мотив «растущего сына» связывает этот замысел с замыслом поэмы «Возмездие» (см. предисловие к поэме — стр. 297—299 наст. тома).

* Вариант: «О страшном прошлом не жалеешь».

«Вот он — ветер...» Впервые — «Наша газета», 1909, 8 февраля. В рукописи — другое окончание (после 6-го стиха):

Вот зачем я простился с подругою милой,
Вот что ты мне сулила:
Глухая могила,
Одинокая смерть
На дороге унылой!
[Это сердце любило.
Это сердце остыло.]

Без первой строки эта концовка вошла в первопечатный текст «Нашей газеты». В черповике — еще четыре заключительных стиха:

Вот зачем я пустился
В [дорогу такую!]
Вот зачем я простился
С родною семьею!

О с е п н и й д е н ь. Впервые — «Сборник Литературного фонда» (1910). Первоначальный набросок датирован 21 сентября 1908 г. (Шахматово). Здесь — другое начало (вместо двух первых строф окончательного текста):

В последний раз близь этих мест
Шел мелкий дождь, мой конь устал,
И вороп сел на серый крест
И братьев-воронов сзывал.

«Дым от костра струю сизой...» Впервые — альм. «На рассвете» I (1910), — под заглавием: «Романс». В рукописи датировано: «Август — сентябрь 1909. Шахматово». Эпиграф — из цыганского романса; в ноябре 1920 г. Блок переписал этот романс в дневник (т. VII наст. издания).

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам
маяться?» Впервые — «Ночные часы» (1911), — под заглавием: «Родине». Дата в рукописи: «Весна — июль» (1910 г.). Окончательный текст — 19 июля 1910 г. *Чудь* и *Меря* — древние племена, жившие в районе рек Онега и Северная Двина и в области верхнего Поволжья. *Царьградские святыни* — христианские памятники древнего Царьграда (Константинополя, Стамбула).

На железной дороге. Впервые — «Новая жизнь», 260
1911, № 3. В рукописи датировано июнем — июлем 1910 г.
Первоначальный набросок, датированный 14 июня:

Она лежит во рву некошенном.

А сердце — сердце прежде вынуто!
Из пробегающих вагонов
Ей много жгучих взглядов кипуто
И много отдано поклонов.

И мчалась юность бесполезная,
И жизнь взяла свое — паскучила.
Тоска дорожная, железная
Впилась — и сердце ей замучила.

Теперь — лежит во рву

Хотела юность бесполезная
Растечься в небе ясной зорькою,
А жизнь замучила железная —
Такая наглая и горькая.

Привычный грохот за лесочком,
Три красных глаза набегающих...
И шла, накрывшись платочком,
Послушать

Всегда сулили неизвестное
Три красных глаза набегающих...

В рукописи сохранено первоначальное чтение стиха 32: «Из пробегающих вагонов», меняющее смысл всей строфы. В «Собр. стих.» III (1912) сопровождается примечанием: «Бессознательное подражание эпизоду из „Воскресения“ Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купэ первого класса». *Иванова* Мария Павловна (1874? — 1941) — сестра Е. П. Иванова, душевного друга Блока, по профессии — врач. *Молчали желтые и синие; в зеленых плакали и пели...* — В дореволюционное время вагоны I класса окрашивали в сипий цвет, II класса — в желтый и III класса — в зеленый. В декабре 1915 — феврале 1916 г. в Петербурге (а вслед за тем и по всей стране) демонстрировался кинофильм «Не подходите к ней с вопросами (...Вам все равно, а ей довольно)», в постановке Я. А. Протазанова и с участием известного в ту пору актера И. И. Мозжухина. Фильм этот был сделан по темам и мотивам различных стихотворений Блока. Поэт к постановке фильма никакого отношения не

262 имел и протестовал против беспардонного обращения с его произведениями — письмами в редакции «Биржевых ведомостей» (вечерний выпуск 1915, № 152 от 11 декабря) и «Театральной газеты» (1915, № 51 от 20 декабря). Ср. В. Вишневский. Александр Блок и кино. — «Искусство кино», 1936, № 9, стр. 49—50.

П о с е щ е н и е. Впервые — альм. «Антология» (1911). Первоначальный черновой набросок, озаглавленный: «Ночная песня», относится к августу 1909 г. Здесь после второго и третьего четверостиший окончательного текста намечено такое продолжение:

Виновата ли я, что любила
И любить не умела тебя.

Второй набросок датирован 17 сентября 1909 г. Здесь после первых двенадцати строк окончательного текста зачеркнуты следующие:

Виновата ли я, что, гонима
Снежной вьюгой, далеко ушла?
Виноват ли и ты, мой любимый,
Что другая тебя увела?
Я печально, печально, печально...
Виновата ли я, что могила
Разлучила
Только почь

Вслед за этими зачеркнутыми строками идет четверостишие, приписанное, как видно из пометы, 12 января 1910 г.:

Если ж старостью сменится младость,—
Как и встарь, пад зубчатой горой
Для тебя моя тихая радость
Разольется вечерней зарей.

Третий черновик относится уже к сентябрю — октябрю 1910 г. Выделяем из этого сложного черновика наиболее существенные варианты.

После ст. 12 — Виноваты ли мы, что нам снились
Непонятные долгие сны,
Что зловещие птицы носились,
Глухо каркая, в

Ст. 15 — Но ловлю в твоём пристальном взоре

После ст. 16 — Изменила мне верность мечтаний
[И колеблется пламя свеч].

Я не знаю — ты в сонном тумане
[Или въявь ночи?]

Ст. 17—20 — Здесь звенели лишь песни метели,
Темен дом, холодны очаги.
Я привык, чтобы к этой постели
Наклонялись лишь злые враги.

После ст. 20 — Я не ждал тебя, я не умею
.
Я не знаю, я верить не смею,
Что ты можешь меня возвратить!

Ст. 25—28 — (1)
Страшных странствий чернеющей ночи
Память страшная сердцу дана.
Я не помню, я помнить не смею,
Кто разбудит меня ото сна.

(2)
Я не смею взглянуть тебе в очи
И не помню, чей голос звенит?
Долгих лет нескончасмой ночи
Память страшную — сердце хранит.

Этот черновик прерывается прозаическим текстом, в котором речь идет о К. М. Садовской (см. о ней — т. I, стр. 575), — в связи с дошедшим до Блока ложным слухом о ее смерти (см. записную книжку № 31 — т. VII наст. издания). Таким образом, устанавливается связь «Посещения» с циклом «Через двенадцать лет» (стр. 182 наст. тома), вызванным воспоминаниями о К. М. Садовской. Первый «голос» в «Посещении» — это голос К. М. Садовской, второй — самого Блока.

«Т а м н е б а о с в е т л е н н ы й к р а й...» Впервые — сборник «Знания» XXXVIII (1912), — под заглавием: «Осень». Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В сборнике стихов Блока для детей — «Круглый год» (1913) озаглавлено: «Осенняя радость».

«П р и б л и ж а е т с я з в у к . И , п о к о р н а щ е м я щ е м у з в у к у...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. Обращено к Л. Д. Блок. Ср. заключительную строфу с одним из юношеских стихотворений Блока — «Когда-то долгие печали...» (т. I наст. издания, стр. 352).

С п ы. Впервые — альм. «Огопыки» (1912), — под заглавием: «В детской». Здесь после второй строфы — еще одна:

Тихо, сладостно, знакомо,
Всё, что я люблю...
Сладко мне внимать сквозь дрему...
Дремлешь?.. Внемлю... сплю...

Там же — первоначальное чтение стиха 14: «Горячит коня». Было написано не позже 8 октября 1912 г., что устанавливается на основании записи Блока в дневнике.

Н о в а я А м е р и к а. Впервые — «Русское слово», 1913, 25 декабря (под заглавием: «Россия»). В рукописи датировано 8—12 декабря 1913 г. В черновике — многочисленные наброски заключительной строфы:

Соль белеет, руда распеваает
И над медной руды
Над степью витает
Небывалых Америк сады!

Там Америка новая снится,
Соль белеет, да медь золотится.

Здесь поют твои недра, Россия,
Здесь сокровища блещут твои.

Но пад белым, над черным, над красным —
Небывалых Америк сады.

Соль белеет и уголь крошится
И железная стонет руда,
И Америка новая снится,
Новый род и его города.

А над степью медлительно всходит
Небывалых Америк звезда.
Там за белым, за красным, за черным —
Есть великое счастье труда.

Воскресение мертвых

Непонятный нам день Рождества.

И Америка повая снится.

В этом стихотворении отразилась сильно увлекавшая Блока идея «великого возрождения» России «под знаком мужественности

и воли», признаки которого (возрождения) он видел, между прочим, в подъеме и развитии национальной промышленности, в частности — горнозаводской. «Будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств», — писал он несколько позже (см. записную книжку от 5 ноября 1915 г. — т. VII наст. издания). Когда «Новая Америка» была сочувственно процитирована и прокомментирована в передовой статье журнала «Горнозаводское дело» (1914, № 1, стр. 8329) в качестве произведения, выражающего «светлую животворящую идею огромного значения промышленности», Блок, по свидетельству близко знавшего его человека, «глубоко обрадовался, воочию увидев тут силу воздействия слова, поэзии — на действительность» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 50). С кругом мыслей Блока, отразившихся в «Новой Америке», связан и долго увлекавший его замысел драмы о «фабричном возрождении России» (см.: Вл. Орлов. Неосуществленный замысел Александра Блока — драма «Нелепый человек». — «Ученые записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67. Л., 1948, стр. 234—241). *Новая Америка* в понимании Блока — это поэтический образ будущего мира, «нового света», «Великой Демократии». Он настоятельно подчеркивал, что говорит о «новой, а не старой Америке» (см. предисловие к поэме «Возмездие» — стр. 298 наст. тома), то есть не о Соединенных Штатах Северной Америки, но о будущей России (ср. в приведенных выше набросках: «И Америка поная спитя, новый род и его города»). *За снегами, лесами, степями.* — Этот стих напсминнает пачало одного из стихотворений А. А. Фета: «За горами, песками, морями...» *Ектенья* — один из разделов православного богослужения. *Орарь* — принадлежность облачения дьякона (длинная лента, перекиннутая через плечо). *Крепь* — здесь в смысле: крепость, неприступное место. *Бунчу* — конский хвост на древке, знак власти и достоинства украинских гетманов (также и турецких пашей). *Мессия* — религиозный образ ожидаемого избавителя, «спасителя».

«Ветер стих, и слава зарева я...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 10. *Схимник* — монах. *Клобук* — монашеская шапка.

П о с л е д н е е н а п у т с т в и е. Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 26 октября. Черновик датирован 9—28 де-

²⁷⁴ — кабря 1913 г. В рукописи — первоначальное заглавие: «Утеше-
²⁷⁵ пие» и первоначальный текст 10-го стиха: «Расщепила зеркала» (в черновике: «Смерть приходит с чпстым звоном, Расщепляя зеркала»). Шестая строфа напоминает стихи Нежданова — героя романа И. С. Тургенева «Новь» (глава XII):

И предсмертной тишины
Не смутив напрасным стоном,
Перейду я в мир пной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной!

«Грешить бесстыдно, непробудно...» Впервые — «Русское слово», 1914, 21 сентября (под заглавием: «Россия»). В рукописи датировано: «30.XII.1913 — 26.VIII.1914».

«Петроградское небо мутилось дождем...» Впервые — «Русское слово», 1914, 21 сентября (под заглавием: «На войну»). В рукописи — первоначальное заглавие: «Война». В черновике — первоначальный текст второй строфы:

В этом поезде тысячью жизней жила:
Юность, радость, вражда и любовь.
И еще — ничего... На закате была
Полоса зарева, как кровь.

Там же после заключительной строфы окончательного текста — наброски продолжения:

И теперь нашей силе не видно конца,
Как предела нет нашим краям.
И твердят о победе стальные сердца,
Прирученные к долгим скорбям.

Но за нами — равнины, леса и моря,
И Москва, и Урал, и Сибирь,
Не оттуда грозу нам пророчит заря,
Заглядевшись на русскую ширь...

Разве тяжким германская тяжесть страшна?
Тем, чья жизнь тяжела и страшна,
Восходящего солнца страшней тишина —
Легкий хмель золотого вина.

[Разве это последняя в мире война?
Разве
Разве эта германская тяжесть страшна
Тем, кто скорби тяжеле знавал?]

В третьей из приведенных строф — проблеск мысли о «восточной опасности», впоследствии отразившейся в «Скифах» (*Восходящее солнце* — образ Японии, «страны восходящего солнца»). *С галлийских кровавых полей...* Ср. у В. А. Жуковского: «С Анкрам-морских кровавых полей» («Замок Смальгольм»).

«Я не предал белое знамя...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 25 декабря. Первая строфа была написана еще в декабре 1902 г. — в такой редакции:

Я пронес мое белое знамя,
Оглушенный криком врагов.
Ты прошла другими путями —
И мы одни у валов.

Звезда Вифлеема — по евангельской легенде, звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа и указавшая путь в Вифлеем — место рождения «мессии».

«Рожденные в года глухие...» Впервые — «Аполлон», 1914, № 10. Приводим по черновику (датированному 4 декабря 1913 г.) первоначальный текст стихотворения, в котором отчасти яснее раскрывается его тема:

Родившийся в глухие годы
Не помнит детства своего.
Но мы — мы дети дней свободы.
Мы не забыли ничего.

Быть может, старость слишком рано
Стучится в наши двери. Пусть.
Нас старят виденные раны,
Надежд несовершенных грусть.

Мы все — невольны или вольно —
Свидетели великих лет,
Мы знали голос колокольный,
Вы, вновь родившиеся, — нет.

Там же, в черновике, — отдельный набросок:

У нас, у каждого — глубоко
В душе есть странное.

В рукописи — промежуточная редакция. Здесь после первой строфы окончательного текста — еще одна:

Мы все — невольны или вольно —
Свидетели мятежных лет,

Слышали голос колокольный
И видели багровый свет.

А вместо четвертой строфы окончательного текста — две следующие:

И старость, старость — слишком рано
Стучится в наши двери. — Пусть!
Нас старят виденные рапы,
О невозможном счастье грусть...

Но всё так страшно, боже, боже,
Так невозможно забыть,
Что мнится — и над мертвым ложем
Взвывается с криком воронье!

Посвящение относится к 1916 г. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, беллетрист и критик (под псевдонимом: Антон Крайний), видная представительница символистской литературы, жена Д. С. Мережковского. Блок познакомился с З. Н. Гиппиус в 1902 г. и поддерживал с нею неровные отношения вплоть до Октябрьской революции, когда пути их круто разошлись. Пролетарскую революцию Гиппиус встретила с ненавистью. После появления поэмы «Двенадцать» и статьи «Интеллигенция и Революция» она возглавила кампанию бойкота и травли, которыми преследовала Блока контрреволюционная буржуазная интеллигенция. Вскоре Мережковский и Гиппиус бежали за границу, где примкнули к активным врагам Советского государства. См. обращенное к З. Н. Гиппиус стихотворение 1918 г. «Женщина, безумная горячка...» (стр. 372 наст. тома) и прим. к нему. *Дни войны и дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

«Д и к и й в е т е р...» Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля (под заглавием: «Ветер»). Первоначальный набросок датирован 1 марта 1916 г. В черновике — другое начало:

Ночь — и горница пуста.
В час заутрени пасхальной
Гость залетный, гость печальный
Разве стукнет в ворота?

Только ветер
Стекла гнет,
Ставни с постель
Дико рвет.

И другой текст пятой строфы:

281 —
284

Как не кинуть всё на свете,
Не заплакать обо всем
В полуночный буйный ветер,
Сотрясающий мой дом?

К о р ш у н. Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля.
Выделено из черновиков первой главы поэмы «Возмездие» (ср.
стихи 596—612 — стр. 319 наст. тома).

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

Весь цикл впервые — «Русская мысль», 1915, № 2, — с посвящением: «Посвящается моей жене».

«М ы з а б ы т ы, о д н и н а з е м л е...» В черновике
после девятого двустишия — еще одно:

Как весна постучалась к нам в дверь...
Ну, да разве припомнишь теперь?

«П о е т, п о е т...» В черновике — первоначальный текст
четвертой строфы:

Туда, туда,
В холодные объятия
Ночи...
Всю жизнь отдать
Ей навсегда
И очи
Смыкать, смыкать,
Смыкать навек в объятиях ночи.

Там же — отброшенное окопчание:

И огневой
Последней полосой
Заката
Любуйся, и бледней, и пой.
Когда-то
Ты был, как небо, огневой,
Ты был, как месяц, молодой,
Ты был, как месяц, молодой,
Ты был, как небо, огневой.

Окончательный текст — 27 декабря 1913 г.

«Милый друг, и в этом тихом доме...» Окончательный текст — 26 августа 1914 г. В черновике — помета: «Это написано больше, чем за год до войны» (очевидно, имеется в виду первоначальный набросок, до нас не дошедший). *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии.

«Из ничего — фонтаном синим...» Окончательный текст — 26 августа 1914 г. В рукописи — заглавие: «Фейерверк».

«Вспомнил я старую сказку...» Окончательный текст — 26 августа 1914 г. Сюжет стихотворения восходит к басне древнегреческого поэта Анакреонта «Непослушный мальчик»; ближайший источник — сказка Г.-Х. Андерсена «Нехороший мальчик» (1835), переложением которой является первая часть стихотворения. *Мальчик* — Эрот (Амур).

«Было то в темных Карпатах...» В черновике связано с предыдущим стихотворением. В «Русской мысли» 1915 г. и во всех изданиях, кроме последнего, между 8-м и 9-м стихами окончательного текста было еще четыре:

Что ж? «Не общественно»? — Знаю.
Что? «Декадентство»? — Пожалуй.
Что? «Непонятно»? — Пускай;
Все-таки вечер прошел.

Окончательный текст — 26 августа 1914 г. *Богемия* — Чехия.

ВОЗМЕЗДИЕ

Над поэмой «Возмездие» Блок работал в общей сложности (со значительными перерывами) на протяжении двенадцати лет — с 1910 по 1921 г. Первоначальный замысел поэмы возник у Блока в начале 1910 г., под впечатлением смерти отца. По-видимому, сразу же по возвращении из Варшавы с похорон отца (в декабре 1909 г.) поэт задумал запечатлеть образ этого «интересного, цельного и даже сильного человека» (как назвал он А. Л. Блока в письме к матери из Варшавы, от 9 декабря 1909 г.). Первые наброски начала будущей третьей главы поэмы (приезд героя в Варшаву и смерть «отца») датированы 7 июня 1910 г.

(см. ниже, стр. 610—611). Они обрабатывались в течение августа — сентября, когда уже в главных чертах сложился замысел поэмы, озаглавленной: «1 декабря 1909 года» (дата смерти А. Л. Блока); впоследствии заглавие было заменено другим: «Отец» (см. «Собр. соч.», т. V, стр. 168—170). Работа эта продолжилась до 2 января 1911 г. К январю 1911 г. относится уже полностью оформленная первая редакция будущей третьей главы — самостоятельное произведение, озаглавленное: «Возмездие (Варшавская поэма)» и посвященное сестре поэта — Ангелине Блок (см. эту редакцию на стр. 434 наст. тома).

Но сразу вслед за тем план поэмы сильно расширился, тема индивидуальной судьбы «отца» заменилась более общей темой — судьбы целого рода, нескольких сменяющих друг друга поколений (см. предисловие к поэме и планы ее, приведенные на стр. 460—465 наст. тома). О своей работе над поэмой Блок регулярно сообщал матери: «Я очень деятельно пишу поэму, она разрастается» (25 января 1911 г.); «Пишу поэму, каждый день по маленькой главке. Доволен ей» (30 января); «Поэма опять остановилась, надюсь, ненадолго» (3 февраля); «Поэма стала опять подвигаться» (3 марта); «Поэма двигается понемногу» (11 марта). В начале марта 1911 г. (точнее 1—2 марта) были написаны пролог и вступление во вторую главу. К февралю и весенним месяцам 1911 г. относятся планы второй главы, приведенные выше, на стр. 460 и 464. Работа продолжалась весной и летом 1911 г. (отдельные наброски для первой главы) и особенно интенсивно — осенью, когда было написано начало первой главы (в сентябре) и заново переработана глава третья. В дневнике под 25 ноября 1911 г. Блок записал: «Читал поэму, новую переделку. Совершенно слабо, не годится, неужели ничего не выйдет? Надо *план и сюжет*. Следующая запись — от 3 декабря: «Мама дала совет — окончить поэму тем, что „сына“ поднимают на штыки на баррикаде. План — 4 части — выясняется: I ч. — „Демон“... II — Детство, III — Смерть отца, IV — Война и революция — гибель сына» (ср. планы и заметки Блока от февраля 1913 г. — выше, стр. 461). Через два дня, 5 декабря 1911 г., Блок писал матери: «Твои соображения о баррикаде меня до сих пор поддерживают в хорошем настроении относительно поэмы. Кажется, план готов и вот-вот начну писать» («Письма к родным» II, стр. 187).

Однако в дальнейшем работа над поэмой замедлилась: в течение последующих четырех лет Блок только эпизодически

295 возвращался к ней. В дневнике под 26 февраля 1912 г. записано: «Поэма ни с места»; 2 марта Блок только «подумывает о поэме». Впрочем, в начале марта был написан небольшой кусок первой главы (стихи 165—210). Вскоре Блок был отвлечен другой большой работой (над драмой «Роза и крест») и вернулся к поэме лишь через два с половиной года — в августе и в декабре 1914 г. (если не считать новых планов и заметок к поэме, относящихся к 1913 г., и составления «Матерьялов для поэмы», начатых еще осенью 1911 г.). В 1914—1915 гг. Блок изъясил из черновики «Возмездия» ряд отрывков и переработал их в отдельные стихотворения, опубликованные в газетной и журнальной прессе, а впоследствии вошедшие в цикл «Ямбы».

Следующий этап активной работы над «Возмездием» — период с 10 мая по 4 июня 1916 г., когда была полностью закончена и отделана первая глава.

Наконец, после длительного перерыва, Блок вернулся к поэме в январе и, вторично, в мае — июле 1921 г., пытаясь продолжить вторую главу и закончить третью (эти наброски в окончательный текст «Возмездия» не входят и помещены в разделе «Приложения», стр. 465—473). Июльские предсмертные наброски — последнее, что Блок написал в стихах.

При жизни Блока написанная часть поэмы была опубликована полностью, но вразбивку: пролог и первая глава — в «Русской мысли», 1917, № 1; вступление во вторую главу — в альманахе «Скрижалъ» (1918); третья глава с общим предисловием к поэме, написанным в июле 1919 г., — в «Записках мечтателей», 1921, № 2/3. Кроме того, несколько отдельных фрагментов поэмы было напечатано раньше — в газетах и альманахах 1914—1915 гг., а именно: 1) «Когда ты загнан и забит...» (копец третьей главы) — в альманахе «Сирин» III (1914); 2) «Народ и поэт» (пролог — «Жизнь без начала и конца...») — в «Русском слове», 1914, 7 апреля; 3) «Два века» (начало первой главы — «Век девятнадцатый, железный...») — в «Русском слове», 1914, 25 декабря; 4) «Над Варшавой» (из третьей главы — «Страна под бременем обид...») — в «Биржевых ведомостях», 1915, 25 декабря.

В работе над поэмой Блок широко пользовался, кроме семейных преданий своих родных (Бекетовых), документальными историческими материалами и мемуарной литературой об эпохе 1870—1880-х годов (русско-турецкая война 1877—1878 гг., правительственная деятельность, царь и придворная камарилья,

общественное движение, кружок народовольцев и пр.). Кос-что из прочитанного и изученного он законспектировал в особой тетради «Матерьялы для поэмы», которую начал составлять осенью 1911 г. (тетрадь эта опубликована на стр. 444—460 наст. тома). Упомянутыми в «Матерьялах» изданиями круг специального чтения Блока, конечно, не исчерпывался. Известно, например, что в 1912 г. он «скупил и перечитал очень много книг по истории революционного движения в России», в частности — журналы «Историческая библиотека», «Былое» и «Минувшие годы» (см.: «Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 197 и 210; В. Княжнин. А. А. Блок. П., 1922, стр. 111).

Приводим по черновикам и первопечатным текстам наиболее существенные варианты к отдельным местам поэмы.

В прологе, озаглавленном в черновике и в первой публикации: «Народ и поэт», после *стиха 19* («То быстро в воду погрузит») первоначально было:

И лезвие предстанет черным
И млату голос вторит в лад...
(Ведь труд, сопровождаемый песней,
Всего нужней, всего чудесней).
Труд козчен. Брошен тяжкий млат.
Он явлен миру — Нотунг верный,
Любимцу вверенный клинок,
И Миме — карлик лицемерный —
В смятении падает у ног.

Первоначальное чтение *стихов 27—28*:

В стране рабов рожденный раб,
Из тяжкого восставший праха.

Первоначальный текст *стихов 57—63*:

И Ты, Кому я смел молиться,
Благослови на здешний путь;
Позволь хотя одну страницу
Из книги жизни повернуть;
Дай беспристрастно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что в здешнем мире живо,
О том, что мы в себе таим,
Земные, маленькие люди.

295 В стихах 63 и 64 в первой публикации («Русское слово», 1914 г.) были выделены слова «в себе» и «в адеинем».

Первая глава начиналась в черновике так:

Уж осень семьдесят восьмую
Справляет беспощадный век,
Тот век, которым в ночь глухую
Беспечный брошен человек.

После стиха 68 («В пустыню неизвестных сфер») зачеркнуты следующие строки (написанные 4 декабря 1914 г.):

Мятеж, безумие, смятенье,
Незнание о грядущем дне,
И это к жизни отвращенье,
С неутолимой жаждой жить.

После 80-го стиха («Открылись взору твоему?») к черновiku приложены еще двенадцать строк, написанных в декабре 1914 г. ими заканчивался отрывок, напечатанный в газете «Русское слово» под заглавием «Два века»:

Как день твой величав и пышеп,
Как светел твой чертог, жених!
Нет, то не рог Роланда слышеп,
То звук громовый труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалял ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой твой взор, отверзи слух
И причастись от жизни смысла,
И жизни смысл благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа
И храм воздвигнуть — на крови.

На листке, на котором записаны эти стихи, есть помета: «Вот суть: зависимость личной жизни от общей». Первоначальный текст стихов 84—91:

Так осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век,
В столицу самую большую,
На отдаленный финский брег
Влечет мечты моей забота.
Здесь все кончаются моря
И начинаются болота.

После стиха 148 зачеркнуто:

Нет, не забыли! Эти лица —
 Как уцелевшие страницы
 Из книги об иных мирах!

Стихи 209—213 первоначально читались так:

Всё отзовется на таких
 Безумьем, болью иль насмешкой...
 И власти не легко опять
 Всех тех, кто перестал быть пешкой,
 В послушных пешек обращать.

Вместо *стихов 371—374* первоначально было:

Но власть тихонько ускользала
 Из рук изнеженных таких,
 И записались в либералы
 В то время лучшие из них
 (Честнейшие из столбовых).
 «Либерализм!»! Хотя имя дико...

(Последняя строка — перефразировка известного стиха В. С. Соловьева: «Панмонголизм! Хотя слово дико...»). Далее, в *стихах 375—378*, была дана следующая характеристика «либерала» (с припиской: «Не то — „демон“»):

Живет он в слепоте природной
 Меж волей царской и народной
 И зачастую — терпит боль
 Он сразу от обеих волей.

Глава первая, стихи 596—615. К этому месту поэмы относятся два отдельных наброска. Первый, датированный весной 1915 г., был несколько раз записан Блоком; в наиболее пространной редакции (записная книжка № 48) он читается так:

На белой льдине — моржий клык,
 Дельфиний плеск на синем море,
 В замшелной раке древний лик
 С (неумолимостью) во взоре.

Сибирских рек полночный ход,
 Подземных руд глухое пенье,
 Святая хмурость вечеров,
 Ночей святой свинцовый холод.

. коршун кружит.

Россия губит своих детей.

Как необъятен кругозор.

295 Второй набросок датирован 23 февраля 1916 г.:

Так на полях твоих, Россия,
Доселе лучшие сыны
. гибнут
Твои любимые, родные
. любимцы роковые...
Еще своей рукой ты губишь
Того, кого ты нежно любишь.

В первопечатном тексте первой главы («Русская мысль», 1917) после *стиха 879* («Герой мой был совсем не прав») идет еще четверостишие:

А впрочем, как ни мерь, ни вешай,
Не много можешь ты постичь:
Всех к жизни брачной гонит леший,
Нужна кому-то эта дичь...

Стихи эти были вычеркнуты Блоком в вырезке из журнала, вклеенной в тетрадь стихотворений 1916 г.

Переходим к вступлению во вторую главу. Здесь, в черновике, озаглавленном: «Петербург», первоначальный текст *стихов 12—19* такой:

И вот — забылась сном она,
Заснув певзгоды, бури, страсти...
Но и в глубоких чарах сна
Прекрасна милая страна.
Она, казалось, вся во власти
Тех древних и нездешних сил,
Которые рукой железной
В комок зажаты бесполезный...

После *стиха 52* («С семейством едет со двора») в черновике зачеркнуты еще восемь:

Старушка радуется — плачет...
На Невском — масляничный вид.
Но камень на сердце лежит,
И всё — досады, неудачи...
Тут — даме наступил на хвост...
Свернешь в Гостиный двор — всё вейки,
Мастеровые, коцавейки...
Скорей бы хоть Великий Пост!

После *стиха 71* («И расширялся небосклон») в черновике идут следующие:

Огромный месяц за плечами
Вопзил над нами красный лик
Перед зарей необозримой...

О, город мой неуловимый,
 Ты был и страшен и велик!
 Напрасно ангел окрыленный
 Над крепостью возносит крест...
 Беги от этих зыбких мест,
 От площади замороженной
 И опрозраченной зарей!
 Здесь незнакомая столица,
 Здесь может страшный сон присниться,
 Пред ним померкнет разум твой...
 В те годы мертвые, глухие —
 Еще казалось, кое-как,
 Что Петербург — глава России...
 Но уж Судьба давала знак:

(в предпоследнем стихе — отклик слов Ф. М. Достоевского: «Петербург и глава и сердце России...»). Далее, после *стиха 91* («Стоит на головном фрегате»), идет портретная зарисовка Петра I:

Как в страшном сне, по наяву:
 Мундир зеленый, рост саженный,
 Ужасен выкаченный взгляд;
 Одной зарей окровавленны
 И Царь, и город, и фрегат...
 Царь! Ты опять встаешь из гроба
 Рубить нам новое окно?
 И страшно: белой ночью — оба —
 Мертвец и город — заодно...

(ср. в «Медном всаднике» А. С. Пушкина: «Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно»). Первоначальный текст *стихов 93—95*:

Что́ принесут они России —
 Ее великие сыны?
 Так снилось в те года глухие.

После *стиха 97* («Да и народу не бывало») в черновике идут следующие:

На улицах — в сей дивный миг...
 Спешил, поднявши воротник,
 Домой любовник запоздалый,
 Везла чухонка молоко,—
 Не до того обоим было...
 А всё, что правило, служило,—
 То почивало глубоко...

Первоначальный текст *стихов 105—108* таков:

Друзья ль они? Враги ль России?..
 Так снилось нам в года глухие:

Уже кровавилась заря,
Грозя девятым января.

Заканчивался черновик вступления строфой, которая связывала его с общим сюжетом поэмы:

А мой герой — был юн и глуп
В те незапамятные годы.
(Ему до самых «дней свободы»
Мамаша в рот вливала суп).

Третья глава. Приводим первоначальный набросок, датированный 7 июня 1910 г.:

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — и стал орлиный.

Да, я любил его в те дни
Впервой — и, может быть, в последний,
Когда в толпе зажглись огни
Вослед за скучною обедней.
Когда в косом луче
Тяжелый гроб свинцом залили,
Чтобы, воскреснув, он не мог
Поднять тяжелый
Когда его чертог
Свинцом был залит аккуратно,
Чтоб он, воскреснув, встать не мог.

Отец лежал в «Аллее роз»
[Название улицы в Варшаве].
Я опоздал. [Он отдал душу.]
Вошел. «Сегодня умер. — Там».
И я пошел — как был с дороги —
Наверх по узким ступеням,
Без жалости и без тревоги.
[Он был мне чужд, пока был жив.]
Мы жили в разных городах,
Встречались редко и случайно.
Он был мне чужд во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Какой-то добрый льстивый взор,
Бывало, брошенный украдкой
Сквозь отвлеченный разговор,
Внушал мне жалость, был загадкой.
Его циничный, тяжкий ум
Рождал тоску и мысли злые
(Тогда я сам был полон дум
И думы были молодые).
И вот он при свече теперь

Уже в гробу. Спокойным взглядом
 Смотрю в притворенную дверь
 (Со мною кто-то смотрит рядом).
 Устал он жить? О, да,— я сам
 Устал (пускай не вышел чином).
 Улыбки нет. Он сух и прям.
 Был нос прямым — и стал орлиным.
 Приятно больше не кривить
 Лица — улыбкой, губ — словами.
 Но — отдыхать? Иль снова жить?
 С людьми? С собаками? С камнями?
 Травой ложиться под косою?
 Иль мышью верещать подпольной?
 Иль что другое?.. Боже мой,
 Как скучно, холодно и больно!..

Да, я любил отца в те дни,
 Когда
 свечи,
 Цветами дама убрала
 Его приподнятые плечи.

Когда за гробом по пятам
 Мы быстро шли с сестрой
 По незнакомым площадям.

К этим первым наброскам непосредственно примыкают следующие, относящиеся, очевидно, также к июню или июлю 1910 г.:

Был жалок этот скудный одр,
 И в грязной комнате и тесной
 Мертвец, собравшийся на смотр,
 Чужой, спокойный, бессловесный.
 На миг я в том лице признал
 Печать отверженных скитальцев
 (Когда мне сторож помогал
 Снимать кольцо с холодных пальцев).

Потом — от головы до ног
 Свинцом спаяли ребра гроба,
 Чтобы, воскреснув, встать не мог
 Тот, кто прослыл за юдофоба.

На паперти, что было сил,
 Давя друг друга, гроб тащили,
 Бесснежный ветер голосил,
 Носились стайки желтой пыли.
 Потом за гробом по пятам
 Мы быстро с девушкой печальной
 По незнакомым площадям
 Шли в путь безрадостный и дальний.

Та девушка звалась — сестра.
 Была мне право,
 Живой души ее игра
 Среди тоски твоей, Варшава!

Знакомый холодок мечты,
 Взрастивший в дорассветной тени
 Едва раскрытые цветы.

Дальнейшие варианты — из более поздних черновиков третьей главы.

Стихи 41—54:

Но сходит ночь. Трещит мороз.
 И ветер плиты обметает.
 Названья улиц он читает...
 Вот, наконец, «Аллея роз»!
 [И двухэтажная больница...
 «Здесь умирает мой отец!..»]
 О, беспокойная минута...
 В квадрате светлого окна
 Стоит отец
 И что-то говорит кому-то...
 Так жив еще
 И смотрит сын, едва дыша:
 Как будто в серый сон душа
 Его упала молодая,
 [Он равнодушно думал: «Жив...»
 Опять томительный и нудный.]
 И мысль [холодная пришла].

Стихи 97—104:

Снимает стертое кольцо
 С руки, давно окостенелой,
 И, пальцы разгибая, смело
 Глядит на мертвое лицо...
 И, только преклонив колени,
 Склонившись близко к мертвецу,
 Увидел он, какие тени
 Бегут по этому лицу.

После *стиха 112* («И вышел, молвив: „Бог с тобой“») зачеркнуты еще четыре:

И поплелись часы и дни,
 Как издыхающие клячи.
 [Нельзя нам чувствовать иначе —
 С ума сводили нас они.]

А сын глядел, прозреть пытаюсь
 В ночи хоть узкое окно,
 Но всё мелькало, расплываясь
 В большое серое пятно.
 [В те дни над Польшей тосковало
 И гило, верно, что-нибудь.]
 В те злые дни надежд не мало
 Умчалось в пустоту небес,
 Где что-то выло, тосковало,
 Как будто в ветер вселился бес.
 Чтò было в этой смерти сыну?
 Стоял он, голову склоня,
 Как будто сердце хороня
 В чужую пористую глину,
 И чувствовал, как стынет кровь...
 [И впрямь состарилась душа
 В короткий срок
 Как будто десять лет минуло.]
 Три дня, как три тяжелых года...
 Воспоминанье? иль погода?
 Или сыновняя любовь? —
 Едва ли... В эти дни не мало
 Надежд умчалось в дым небес,
 Где что-то выло, тосковало,
 Как будто в ветер вселился бес...
 Недаром в эти дни над Польшей
 Рыдала выюга без конца...
 Да, сын любил, жалел отца,
 Но в столах выюги было больше...

После стиха 220 («Чужой народ кругом толпится...») зачеркнуты еще два:

И будто светлый луч погас...
 Сын будет помнить этот час.

Глава третья, стихи 269—288. Очевидно, к этому месту поэмы относится отдельный набросок, датированный началом августа 1911 г. (с пометой: «Аберврак — из последних дней. Жду Любу на дороге к Мельпомене»):

Ну, что ж? Он прав, чужак печальный...
 Случайно людям он однажды
 Врата души приотворил...
 «Он зол и глуп», — подумал каждый,
 «Он скучен», — каждый повторил.
 И казнь свершилась. В мненьи света
 (Он страшен нам свет)

Он стал, как пришлая комета
Средь узаконенных планет.

(Ср. у А. С. Пушкина: «Как беззаконная комета В кругу расчисленном светил»). Далее — вместо стихов 333—336 окончательного текста в черновике сперва было:

Не тем ли пасмурна Варшава,
Что в сей столице поляков —
Царит нахальная орава
Военных русских пошляков?
Что строит русских соборы
Какой-нибудь державный вор
Там, где пленял бы граждан взоры
Лишь католический собор?
Что всё, что губернатор скажет,
Есть серый, непроглядный мрак,
И кукиш из кармана кажет
Ему озлобленный поляк?

После стиха 361 («Там тьма и вьюги завыванье») зачеркнуты еще два:

Лишь изредка под фонарем
Мелькнет бесстыдное свиданье.

Заключительные стихи написанной части третьей главы (455—460) первоначально были такие:

Свою холодную любовь —
Всё примешь сердцем благодарным,
И всё благословишь в тот миг,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем «quantum satis» Бранда волц,
А мир — свободен и велик.

Даем пояснения к отдельным местам поэмы.

Эпиграф к поэме («Юность — это возмездие») — слова Сольнеса, героя драмы Генрика Ибсена «Строитель Сольнес». Смысл, который Блок вкладывал в эту формулу, раскрыт им в предисловии к поэме.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие было написано для публичного чтения третьей главы поэмы на литературном вечере в петербургском Доме искусств (12 июля 1919 г.). *Стриндберг* Август (1849—1912) —

шведский писатель, творчество которого Блок высоко ценил (см. выше, стр. 551, — прим. к стих. «Женщина»). *Миллюков П. Н.* (1869—1943) — лидер кадетской партии, идеолог империалистической буржуазии. Статья «*Близость большой войны*» (автор — А. П. Мертваго) была напечатана в газете «Утро России» (1911, № 245 от 25 октября); в этой статье доказывалась неизбежность войны между Россией и Германией. *Ющинский Андрей* — мальчик, убитый киевскими черносотенцами в провокационных целях инсценировки «ритуального убийства», якобы совершенного евреями. Возникшее в связи с этим пашумевшее «дело Бейлиса» явилось одним из наиболее гнусных эпизодов реакционной политики царизма накануне его крушения (дело закончилось оправданием Бейлиса). Блок подписал составленное В. Г. Короленко воззвание, разоблачавшее провокацию черносотенцев и требовавшее оправдания Бейлиса, а когда тот был оправдан, написал для какой-то газеты заметку «о том, что рад оправдательному приговору» (запись в записной книжке от 17 мая 1917 г. — т. VII наст. издания; заметка Блока не разыскана). *Эпизод «Пантера — Агадир»*. — В июле 1911 г. в гавань Агадир (Марокко) вошел германский военный корабль «Пантера», что вызвало резкое обострение франко-германских и англо-германских отношений; одно время общеевропейская война казалась неизбежной. *Столыпин П. А.* (1862—1911) — председатель Комитета министров в годы реакции, жестоко подавлявший революционное движение; был убит агентом охраны. «*Rougon-Macquar'ы*» — двадцатитомная серия романов Эмиля Золя, излагающая историю одной семьи. *Марина* — Марина Мнишек, жена первого и второго Лжедмитриев. *Костюшка* Тадеуш (1746—1817) — вождь польского национально-освободительного движения. *Мицкевич* Адам (1798—1855) — великий польский поэт, некоторое время живший в России (в ссылке). *Апухтинские годы* — по имени А. Н. Апухтина (1840—1893) — популярного в 80-е годы лирического поэта, часто писавшего в духе и формах «цыганского романса».

ПРОЛОГ

Стих 17. Зигфрид — герой древнегерманского эпоса «Песня о Нибелунгах».

Ст. 22. Нотунг — сказочный меч Зигфрида. После того как Зигфрид запово сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик

372 — *Миме*, желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. Весь этот эпизод в прологе поэмы связан с музыкально-драматическим циклом Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов», который с юности производил на Блока очень сильное и глубокое впечатление. В 1910 г. Блок часто посещал вагнеровские спектакли; в ноябре 1910 г. с увлечением читал (по-немецки) «Песнь о Нибелунгах» (см. «Письма к родным» II, стр. 100).

Ст. 35. Над всей Европою дракон... Может быть, отзвук стихов Вл. Соловьева («Дракон»):

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело —
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Ст. 43—44. Вот голову его на блуде... — Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее, потребовавшей у галилейского царя Ирода-Антипы, в награду за пляску, голову Иоанна-Крестителя.

Ст. 57. Денница — упоминаемый в Библии падший ангел, свергнутый с неба за гордыню и злость: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы» («Книга Исаии», XIV, 12). По одной древнееврейской легенде, известной Блоку (см. дневник от 5 января 1921 г. — т. VII наст. издания), Ева родила от Денницы Каина.

Ст. 73. Угль превращается в алмаз. — Речь идет об искусственном образовании алмаза из угля и графита. В конце XIX — начале XX века вопрос этот широко обсуждался в научных кругах; Блок мог узнать об этом из книги Д. И. Менделеева «Основы химии», где описаны опыты ряда видных ученых (Муассона, Руссо, Хрущева и др.), пытавшихся практически решить данную проблему. Книга Д. И. Менделеева была в библиотеке Блока.

Ст. 74 и сл. Образ рудокопа, дробящего камень тяжелым молотом, равно как и мотив алмаза, таящегося в глубине земных недр, находят довольно близкое соответствие в стихотворении Г. Ибсена «Рудокоп» (1850):

С громом рушья, твердый свод!
Крепко тяжкий молот бьет.
Я скалу дроблю упорно,
Слыша гул породы горной.

В недрах гор поет руда,
И зовет меня туда,
Где алмазы и бриллы,
Где золотые блещут жилы...

(Перевод Вс. Рождественского. — Г. Ибсен. Собрание сочинений, т. IV. М., 1958, стр. 513).

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Ст. 1—52. Ср. характеристику «железного» XIX века в статье Блока «Ирония» (т. V наст. издания): «... только что прожили мы ужасающий девятнадцатый век, русский девятнадцатый век в частности. Век, который хорошо назван „беспламенным пожаром“ у одного поэта (у В. Я. Брюсова. — *Ред.*): блистательный и погребальный век, который бросил на живое лицо человека глазетовый покров механики, позитивизма и экономического материализма, который похоронил человеческий голос в грохоте машин...» и т. д.

Ст. 18. После этой строки в черповике зачеркнута помета: «Когда права личности незаметно передавались массам».

Ст. 20. *Рекамье* Юлия-Аделаида (1777—1849) — знаменитая красавица, в салоне которой собиралось множество выдающихся людей ее времени.

Ст. 47. *Роланд* — доблестный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде».

Ст. 56. *Люцифер* — одно из библейских прозвищ дьявола.

Ст. 60. *Кометы грозной и хвостатой...* — См. выше, стр. 545, прим. к стих. «Комета».

Ст. 61. В 1908 г. южнокитайский город *Мессина* был разрушен сильным землетрясением (см. статьи Блока «Стихия и культура» и «Горький о Мессине» — т. V наст. издания).

Ст. 85. *Столица севера* — Петербург. Далее описано возвращение в Петербург гвардии с русско-турецкой войны в 1878 г.

Ст. 112. Ср. у А. А. Фета: «И сила думы упустила За рубежи родной земли» («Всю ночь гремел овраг соседний...»).

Ст. 118. Под *Плевной* (трижды), *Шипкой* и *Горным Дубняком* (в Болгарии) происходили ожесточенные сражения в русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Ст. 147. *Ложементы* — окопы.

Ст. 167. *Корпия* — перевязочный материал, употреблявшийся в старину вместо ваты.

Ст. 175 и сл. В черновике к этому месту поэмы относится помета: «См. рассказ Э. Гиппиус „Нет возврата“, который я читал вчера на ночь 5 марта 1912». В этом рассказе (см. Э. Гиппиус. Лунные муравьи. М., 1912) речь идет о возвращении на родину участников русско-японской войны.

Ст. 187. Белый генерал — прозвище генерала М. Д. Скобелева (1843—1882), героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ст. 198. Штык — здесь: рядовой, солдат.

Ст. 242. Ванька — извозчик.

Ст. 283 и сл. В этой части поэмы Блок, основываясь на мемуарных источниках (в первую очередь на «Воспоминаниях» О. С. Любатович, напечатанных в журнале «Былое», 1906, № 5/6), описал новогоднюю пирушку народовольцев. В *ст. 300—338* изображены С. Л. Перовская (1853—1881) и С. М. Степняк-Кравчинский (1852—1895). К этому месту поэмы относятся следующие заметки Блока о народовольцах (в черновике):

«Осенью 1878 Геся Гельфман — в рабочем доме (Литовск(ий) замок). Другое: Кибальчич делал чертежи летат(ельного) аппарата. Есть статья Щеголева: „После 1 марта“ („Былое“, 1907, № 3). Темновласый (о С. Кравчинском);

«Перовская Соф(ья) Льв(овна) — маленькое круглое лицо и большой ребяческий лоб. „Пророк“ Мейербера. Осенью 1878 Перовская бежала с Новгор(одского) (Чудовского?) вокзала и приехала в П(етер)б(ург) (квартира Малиновской). Черное платье, широкий белый воротник. — Сергей Кравчинский — в руках высокий цилиндр, наполеоновская бородка: красавец и урод; меланхолически-нервная гримаса. — Комната, набитая народом. Сдержанные речи. Крупные аресты осенью 1878. — Плеханов был против царубийства... Стефанович, Дейч, Плех(анов), В. Засулич — „Черный передел“. — „Вспышко-пускательство“. — „Программа-зпамя, и только она одна может собрать на смену погибших — новых борцов“. Литературное, типографское, динамитное дело. — Кибальчич „считает звезды“ — на самые простые вопросы отвеч(ает) рассеянно и невпопад, занят какой-то думой. — Выход №№ „Нар(одной) Воли“ — как адмиральский флаг на броненосце, знамен(ует) его готовность на бой. — Знак в окне. — Халтурин больше месяца спал на подушке, под которой был дипамит, вдыхал кажд(ую) ночь душл(ивые) газы.

№3. Жженку варят („Былое“, 1906,) стр. 124».

Ст. 321. *Наполеоновская борода* — борода особого фасона, по имени французского императора Наполеона III.

Ст. 365 и сл. Отсюда идет рассказ о родственной Блоку семье Бекетовых.

Ст. 414. Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова («Ах, боже мой, что станет говорить Княгиня Марья Алексевна»), ставшая ходячей поговоркой.

Ст. 419. К дальнейшему — в черновике помета: «В одной из таких семей (не все ли равно, в конце концов, говорят „одевать“ или „надевать“ — Даль позволил то и другое) — родился мой герой». Фраза в скобках имеет в виду слово «семей» (вместо «семейств»).

Ст. 433. «Народная Воля» — журнал (1879—1885), нелегальный орган партии народолюбцев.

Ст. 443—473. К этому месту в черновике относится следующая запись от июня 1916 г. на отдельном листке (с пометой: «Следовало бы»): «Вставки к I главе. Бабушка играет в карты с Д. И. Менделеевым. „Валет-то, валет!“ Дидя (А. Н. Бекетов. — Ред.) возвращается из заседания, кнут хлопает по крышке кареты. — Тогдашние барышни: тихие, настоящие (в противоположность) современным бесстыдницам). — Тургенев боится, что потерял популярность у молодежи» (ср. «Письма к родным» II, стр. 289, — письмо от 4 июня 1916 г.).

Ст. 447. Глава семьи — Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902), дед Блока, крупный ученый (ботаник) и видный либеральный общественный деятель, профессор и одно время (1876—1883) ректор Петербургского университета; характеристику его Блок дал в Автобиографии (т. VII наст. издания).

Ст. 467—468. Борель — фешенебельный ресторан в Петербурге. Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин, друживший с А. Н. Бекетовым.

Ст. 474 и сл. В семье Бекетовых росли не три, а четыре дочери. Старшая из них — Екатерина Андреевна (писательница) в поэме не упомянута вовсе, а мать Блока — Александра Андреевна — названа «меньшой». В рассказе о замужестве «старшей» сестры — Софьи Андреевны (1857—1919) — Блок отступил от истины: она вышла замуж за вполне respectable чиновника (А. Ф. Кублицкого-Пиоттух, брата отчима Блока), сделавшего впоследствии успешную карьеру. Из неизданной книги М. А. Бекетовой «Шахматовская хроника» (ИРЛИ) выясняется, что портрет «идеального вихрастого малого» списан Блоком, очевидно,

316 — с некоего студента Шитца — типичного «разночинца» 70-х годов.
321

Подробные сведения о сестрах Бекетовых приведены в книгах М. А. Бекетовой: «Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, и «Ал. Блок и его мать», Л., 1925.

Ст. 476. *Киссэж* — книга, иллюстрированная гравюрами (по типу английских изданий).

Ст. 508. Перефразировка заглавия знаменитой статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

Ст. 530. *Не моего романа* — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Ст. 586. К этому месту поэмы в черновике относится следующая заметка Блока: «Они не из тех с испугленными глазами, мучеников... Их еще не мало. Но я говорю об одном из них лишь для того, чтобы показать благополучие семьи, и как неожиданно было появление демона».

Ст. 616. Под именем *Анны Вревской* выведена Анна Павловна Философова (1837—1912) — либеральная общественная деятельница. В первопечатном тексте первой главы имя «Анна» было заменено «Ольгой» по настоянию редактора журнала «Русская мысль» П. Б. Струве.

Ст. 622—623. «*Дневник*» — «Дневник писателя», периодическое издание, выпускавшееся единолично Ф. М. Достоевским в 1873, 1876—1877 и 1880—1881 гг., в пору тесного сближения его с реакционными правительственными кругами, в частности — с *К. П. Победоносцевым* (1827—1907), обер-прокурором Синода, виднейшим идеологом поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновителем реакционной политики царизма в 80-е годы.

Ст. 625. *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — известный поэт, высоко ценившийся Блоком.

Ст. 666 и сл. Отсюда идет рассказ об отце поэта — профессоре Александре Львовиче Блоке (1852—1909). Юрист и философ, отличавшийся самостоятельностью и широтой научных воззрений и удивлявший окружающих необъятной, «аристотелевской» эрудицией, он был щедро наделен также и художественными способностями: в молодости писал стихи, глубоко и тонко понимал музыку и сам отлично играл на рояле. Частные проблемы государственного права он ставил в своих лекциях и трудах в тесной связи с общими вопросами философии, искал для своей науки новые пути. Из крайне незначительного по объему научно-литературного наследия А. Л. Блока наибольший инте-

рес представляет книга «Политическая литература в России и 321
о России» (Варшава, 1884), посвященная в основном рассмотре-
нию двух господствовавших в XIX веке концепций русского
исторического процесса — «западнической» и «славянофиль-
ской». Книга эта является своего рода «политической исповедью»
убежденного дворянского идеолога, не приемлющего буржуазно-
капиталистическую действительность. Главный труд жизни
А. Л. Блока, отнявший почти двадцать лет и все же оставшийся
незавершенным, — «Политика в кругу наук» — был посвящен
разработке и обоснованию оригинальной классификации наук и
представлял собой попытку построения целостной философской
системы, в основном сводившейся к утверждению первенства
знаний гуманитарных над естественнонаучными (теория А. Л.
Блока и содержание его работы изложены в книге его ученика
Е. В. Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ». Варшава, 1911). При всей своей блестящей и разносторонней
одаренности А. Л. Блок был человеком психически полунор-
мальным, отличавшимся в быту многими странностями и необык-
новенно тяжелым характером, обременительным для окружаю-
щих. Жизненный путь А. Л. Блока, как и весь его внутренний
облик, был крайне хаотичен и противоречив. В молодости его
«мятежный пыл», красноречие, ирония и своеобразные анархо-
максималистские настроения, нашедшие отчасти выражение в его
магистерской диссертации («Государственная власть в европей-
ском обществе. Взгляд на политическую теорию Л. Штейна
и на французские политические порядки». СПб., 1880), перво-
начально приговоренной цензурой к сожжению, доставили ему
в дворянском кругу репутацию «радикала» и «богоборца». Но
к старости он стал убежденным, воинствующим реакционером
и богомольным церковником и кончил тем, что в 1907 г. выста-
вил свою кандидатуру в Государственную Думу в списке черно-
сотенного «Союза русских людей» от города Варшавы. Блок
отца почти вовсе не знал. А. А. Бекетова рассталась с мужем,
когда Блоку было всего несколько месяцев. Блок встречался
с отцом от случая к случаю, во время редких приездов его из
Варшавы в Петербург, и относился к нему, под влиянием Беке-
товых, недоброжелательно. Только в декабре 1909 г., после похорон
отца, Блок писал матери: «Для меня выясняется внутреннее
обличье отца — во многом совсем по-новому. Все свидетельст-
вует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновен-
ном одиночестве и исключительной крупности натуры» («Письма

к родным», стр. 292). Краткую характеристику отца Блок дал в Автобиографии (т. VII наст. издания). Об А. Л. Блоке и его отношениях с сыном см.: Г. Блок. Герои «Возмездия» («Русский современник», 1924, № 3) и В. Измаильская. Проблема «Возмездия» (сборник «О Блоке». М., 1929).

Ст. 754—755. Бенжамен Констан (1767—1830) — французский писатель и политический деятель, идеолог буржуазного либерализма. Лоренц Штейн (1815—1890) — немецкий юрист-государствовед; критическому исследованию его теории посвящена книга А. Л. Блока «Государственная власть в европейском обществе» (1880). А. Л. Блок был поклонником французского писателя Густава Флобера (1821—1880) и не только в своих ученых трудах, но даже в деловых бумагах и письмах старался подражать строгому стилю и сжатому языку флюберовского романа «Мадам Бовари».

Ст. 869. «Глас народа — божий глас» — поговорка, восходящая к латинской: «Vox populi — Dei vox».

Ст. 895. В черновике поэмы к этой строке относится заметка — план окончания первой главы: «1 марта — как эпизод. — Он увозит ее. Она возвращается с ребенком и воспитание ребенка (как противоположное) 1 марта) — конец первой части».

Ст. 906—913. 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале в Петербурге по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» был казнен Александр II. К этому месту поэмы в черновике относятся две следующие пометы Блока: «Дым этой бомбы надолго заволоч всю Россию. Тем временем она вернулась с ребенком» и вторая — «Описывать убитого не стоит».

ВТОРАЯ ГЛАВА

Ст. 3 и сл. О Победоносцеве см. выше, стр. 620. Ср. статью Блока «Солнце над Россией» (т. V наст. издания), где Победоносцев охарактеризован как «старый упырь». В этой характеристике, как засвидетельствовал сам Блок, сказались влияние романа английского писателя Брэм Стокера «Вампир граф Дракула» (см.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М.—Л., 1936, стр. 66). Говоря о красавице (России) и колдуне (Победоносцеве), Блок, возможно, отправлялся от статьи Андрея Белого «Луг зеленый», где читаем: «Пелена черной смерти... занавешивает Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном... Россия уподобля-

лась символическому образу спящей пани Катерины (в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». — *Ред.*), душу которой украл страшный колдун... В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бессмертно выразил томление спящей родины-Красавицы» (А. Белый. Луг зеленый. М., 1910, стр. 6, — впервые было напечатано в 1905 г.). По поводу этой статьи Блок писал А. Белому: «Более близкого, чем у тебя о пани Катерине, мне нет ничего» (А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 141).

Ст. 10. К этому стиху в черновике относится помета Блока: «„Усни под говор чудных снов“ Лерм(онтова)» (см. «Мцыри», XXIII).

Ст. 16—19. Это место отчасти напоминает стихи Н. П. Огарева («Предисловие к „Колоколу“»):

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил, —
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука — ее не задушила,
Сама с натуги замерла.

Ст. 30. Куранты — старинные часы с боем; имеются в виду куранты, установленные на колокольне собора в Петропавловской крепости.

Ст. 37—40. Относятся к В. А. Щеголевой, которой посвящены «Три послания» (стр. 162 наст. тома).

Ст. 41. Востока страшная варя... — то есть предвестие русско-японской войны 1904 г.

Ст. 51. Царь огромный, водянистый — Александр III.

Ст. 64. «Князь» — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика.

Ст. 78. Туда, где в море сфинкс глядит... — Имеется в виду один из древних фиванских сфинксов, установленных на набережной Невы.

Ст. 90. Державный Основатель — Петр I.

Ст. 108. В черновике имеются следующие три заметки Блока, намечающие план дальнейшего изложения (ср. наброски продолжения второй главы на стр. 465 наст. тома):

⟨1⟩

«Девушка под цветущей яблоней (природа). Потом — современная (приоткрытый рот). Так он и бросил, не завершая. Наконец — польская мешапка. Здесь сюжет он личное. Ребенок рождается — отца уже нет (все равно);»

⟨2⟩

«Конец II части:

И почерк незнакомый:
„Смертельно болен ваш отец“;

⟨3⟩

«Глава III. Вторая кончается на том, что сын бывшего демона получает известие о том, что его отец болен смертельно и лежит в Варшавской больнице, в улице по имени „Аллея роз“».

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Ст. 11. Имеется в виду памятник польскому астроному Копернику, установленный в Варшаве в 1830 г. по модели датского скульптора Торвальдсена.

Ст. 27. Решетчатые пролеты этого моста напомнили Блоку тюремную решетку.

Ст. 135. В июле 1917 г. Блок записал: «„Чтоб он, воскреснув, встать не мог“ (моя), „Чтоб встать он из гроба не мог“ (Лермонтов, сейчас вспомнил) — совершенно разные мысли. Общее в них — „содержание“, что только доказывает лишний раз, что бесформенное содержание, само по себе, не существует, не имеет веса» (записная книжка, 13 июля 1917 г. — т. VII наст. издания).

Ст. 238. *Гарпагон* — герой комедии Мольера «Скупой».

Ст. 298. *Роберт Шуман* (1810—1856) — немецкий композитор, яркий представитель романтического направления в музыке.

Ст. 303—312. Здесь имеется в виду знаменитая картина художника М. А. Врубеля (1856—1910) «Демон», известная в нескольких вариантах. Врубель в последние годы жизни (будучи уже душевнобольным) лихорадочно искал наилучшего художе-

ственного решения образа Демона, писал его множество раз, ³⁴⁰ —
переделывал и часто портил сделанное. ³⁴⁷

Ст. 316. По рассказу одного из современников А. С. Грибоедова, замысел комедии «Горе от ума» возник у писателя якобы под впечатлением увиденного им сна.

Ст. 340 и сл. К этому месту поэмы относится вложенный в черновик отдельный листок со следующей записью:

«Три мазурки

(в П(етер)б(урге)
в Варш(аве) — мороз
в поле перед свид(анием) с сыном).

За мазуркой — бедность, нищета»

(ср. планы поэмы на стр. 461 наст. тома).

Ст. 358. *Новый свет* — одна из центральных улиц Варшавы.

Ст. 388. *Краковское предместье* — улица в Варшаве.

Ст. 398—401. Эти строки в черновике зачеркнуты, с пометой: «Пошлость». В дальнейшем Блок восстановил их.

Ст. 431. *Саксонский сад* — парк в Варшаве.

Стр. 455. *Твоя холодная любовь...* — Ср. у Я. П. Полонского: «Мою холодную любовь» («Холодная любовь»).

ДВЕНАДЦАТЬ

Когда Блоку сказали как-то, что «Двенадцать», вероятно, «рождено в муках», что на этом произведении лежит «печать больших творческих усилий», Блок ответил: «Нет, наоборот, это сделано в порыве, вдохновенно, гармонически цельно» (А. Цшо-хер. Из воспоминаний об А. Блоке. — «Искусство», Витебск, 1921, № 4/6, стр. 5). К. И. Чуковский, в свою очередь, сообщает со слов Блока, что вся поэма была написана в два дня: «Он начал писать ее с середины, со слов: „Уж я ножичком полосну, полосну!“ — потому что, как рассказывал он, эти два „ж“ в первой строчке показались ему весьма выразительными. Потом перешел к началу и в один день написал почти все: восемь песен, до того места, где сказано: „Упокой, господи, душу рабы твоя... Скучно!“» (К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 25).

Эти свидетельства уточняются данными записной книжки Блока за январь 1918 г., из которых видно, что в работе над поэ-

³⁴⁷ мой был длительный перерыв и что хотя в основном «Двенадцать» и были действительно написаны в течение двух дней, в целом процесс создания поэмы растянулся на три недели. Впервые Блок упоминает о поэме 8 января: «Весь день — „Двенадцать“...»; 15 января отмечено: «Мои „Двенадцать“ не двигаются»; под 27 и 28 января отмечена работа над поэмой (очевидно, это и были те два дня, о которых Блок говорил К. И. Чуковскому); 29 января Блок записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг... Сегодня я — гений»; и, наконец, 4 (17) февраля: «Двенадцать — отделка, интервалы». Таким образом, хронология «Двенадцати» определяется совершенно точно: 8 января поэма была начата и 28 января — вчерне закончена (эта дата указана и в черпунке поэмы).

Вскоре, 18 февраля (3 марта по новому стилю), поэма была напечатана в газете «Знамя труда». В апреле 1918 г. она появилась в журнале «Наш путь» (№ 1), а вслед за тем, в мае, вышла отдельной книжкой, вместе со стихотворением «Скифы» (изд-во «Революционный социализм»). При жизни Блока поэма вышла еще в трех изданиях в изд-ве «Алконост» (2-е и 3-е — в 1918 г., с рисунками художника Ю. Анненкова, и 4-е — в 1921 г.), не считая ряда провинциальных и зарубежных изданий (Одесса, Красноярск, Тифлис, Баку, Ставрополь, Харьков, Киев, Чернигов, Чита, Париж, София, Берлин), осуществленных без участия автора, а также — в переводах на французский, немецкий, итальянский, английский, польский, болгарский, еврейский, древнееврейский, украинский языки.

Именно потому, что «Двенадцать» были созданы «в порыве, вдохновенно», черновик поэмы почти не содержит существенных вариантов и разночтений сравнительно с окончательным текстом — при обильной чисто стилистической правке (черновик этот подробно описан в «Собр. соч.», т. V, стр. 111—130). Приводим важнейшие варпакты:

Глазка 1, строфа шестая —

А это кто? Длинные волосы,
Котелок,
И говорит вполголоса:
— Ох, погибла Россия, создатель!
Должно быть — писатель,
Вития —
Врет, как пророк.

(В «Собр. соч.», т. V, последний стих прочитан неверно).

- Глава 2, ст. 22—23 — Идут — одни, горят огни.
А где они, а чьи они? 347
- ст. 30 — В златопузую!
- Глава 3, строфа третья — Насолим мы всем буржуям,
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови,
Из-за Катькиной любви!
- Старый мир в крови, в крови —
Господи, благослови!
- Глава 4, ст. 17 — Растворожь ты Ваньке морду.
- Глава 5, строфа пятая — С юнкерьем гуляла, Катька?
Али память не свежа?
Али хочется пожа?
- ст. 20 — Юбкой улицу мела.
- Глава 7, ст. 23—26 — Ишь, стервец, завел шарманку,
Верно, душу паизнанку
Хочешь вывернуть, буржуй?
Поскули еще, холуй!
- Глава 8, между ст. 11 и 12 — Прямо в брюхо полосну,
Все кишки переверну.
- Глава 9, ст. 5—6 — Стоит, стоит буржуй голодный
И на лице его — вопрос.
- Глава 10, ст. 7—8 — — Эх, вьюга́ какая, спасе!
Где ты спаса видел, Вася?
- между ст. 10 и 11 — Или думать ты оставил,
Поп брюхатый чорта славил,
Напились они, попы,
Нашей крови, как клопы.
- Глава 11, ст. 1 — Так идут без имени и слова
- ст. 10 — Ин не вынешь сапога.
- Глава 12, ст. 15 — Пес, как старый мир, безродный...
- ст. 33 — А в глаза им — красным флагом

- ст. 39 — 1) Сам господь — Иисус Христос.
 2) Сам идет Иисус Христос.
 3) Иисус идет Христос.

В черновике поэмы имеются две пометы Блока. Первая — в начале 7-й главки: «*Двенадцать* (человек и стихотворений)». Вторая — в 10-й главке: «*И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников*». Последняя фраза — измененная цитата из баллады Н. А. Некрасова «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо», ч. IV).

Круг мыслей, настроений и интересов Блока в дни, когда он писал «Двенадцать», достаточно полно очерчен как в статье его «Интеллигенция и Революция» (написанной тогда же), так и в дневниковых записях от января 1918 г. (см. т. VII наст. издания). Здесь не только отмечены события, о которых упомянуто в поэме (разгон Учредительного собрания, самосуды и проч.), но и запечатлены многие подробности, составившие «пейзаж» поэмы (плакаты на улицах, ветер и снег, «буржуй», беспорядочная стрельба и т. п.).

Известно несколько интересных и важных высказываний Блока об его Октябрьской поэме. В июне 1919 г. поэт Н. С. Гумилев в лекции о поэзии Блока сказал между прочим, что конец «Двенадцати» кажется ему «искусственно приклеенным», что «внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект». Блок, присутствовавший на лекции, ответил на это замечание следующими словами: «Мне тоже не нравится конец „Двенадцати“. Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: „к сожалению, Христос“» (К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 27—28).

Действительно, в записной книжке и в дневнике Блока есть записи такого рода, относящиеся к февралю — марту 1918 г.: «...не в том дело, что красногвардейцы „недостойны“ Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а падо, чтобы шел Другой»; «Разве я „восхвалял“? <Христа. — *Ред.*> Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы мятелл на этом пути, то увидишь „Иисуса Христа“. Но я иногда сам глубоко непавижу этот женственный призрак». Эти записи вполне согласуются с заметкой, написанной Блоком летом 1918 г.

для художника Ю. П. Анненкова, который иллюстрировал «Двенадцать» и запросил автора, как он сам понимает образ Христа. Блок ответил: «Самое конкретное, что могу сказать о Христе: белое пятно впереди, белое как снег, и оно маячит впереди, полумерещится — неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте. Все это — досадует, влечет, дразнит, уводит вперед за пятном, которое убегаёт» (ср. письмо Блока к Ю. П. Анненкову от 12 августа 1918 г., в котором содержатся ценные замечания о поэме и ее персонажах, — т. VIII наст. издания).

Наконец, к апрелю 1920 г. относится специальная записка Блока о «Двенадцати», где он изложил вкратце историю создания поэмы, охарактеризовал обстановку, в которой она появилась, и высказал свое отношение к поэме. Извлеченные из этой записки см. на стр. 474 наст. тома. Тогда же, в том же 1920 г., Блок сказал одному из своих собеседников: «„Двенадцать“ — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью» (Г. Блок. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, стр. 184).

В 9-й главе поэмы первая строфа представляет собою вариацию начальных строк популярного народного романса:

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.

Литературным источником этого романса послужило стихотворение Ф. Н. Глинки «Узник» (его часто приписывали К. Ф. Рылеву). Ср. также зачин одного из ранних стихотворений А. А. Фета: «Ночь. Не слышно городского шума...» (1843). *Невская башня* у Блока — башня здания б. Городской думы на Невском проспекте.

В 10-й и 11-й главах поэмы стихи «Вперед, вперед, вперед, Рабочий народ» — вариация слов известной революционной песни 1890—1900-х годов «Варшавянка» (вольный перевод с польского Г. М. Кржижановского):

Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Впервые — «Знамя труда», 1918, 20 (7) февраля; вторично — «Наш путь», 1918, № 1 (апрель).

Это стихотворение Блок написал в течение двух дней — 29 и 30 января 1918 г., сразу же после того, как закончил поэму «Двенадцать». Об общественно-политических настроениях Блока, отразившихся в «Скифах», достаточное представление дают его записи в дневнике и записных книжках от января 1918 г. Особенно существенны в данной связи записи от 11 января, когда из газет стало известно о возобновлении советской делегацией мирных переговоров с немцами в Брест-Литовске, и от 29 января, когда были начаты «Скифы» (см. т. VII наст. издания).

Приводим варианты по черновику:

Стихи 2—3 — Попробуйте, померяйтесь-ка с нами!
Да, жулики, да, азиаты мы

Ст. 6—8 — Мы были бедными рабами.
И прочной пробкой были мы для вас
Меж дикой Азией и вами.

Ст. 9—10 — И вы века ковали старый мир,
И заглушали гром лавины.

Ст. 10 — Не слыша грохотов лавины

Ст. 14 — 1) И собирали наши перлы
2) Переплавляя наши перлы

Ст. 17 — Вот — срок настал. Пылают города.

Ст. 24 — Пред новой сфинксовой загадкой.

Ст. 28 — Пылая мстостью и любовью.

(Точно такая строка есть в стих. П. А. Вяземского «Эпернё», 1854 г., — Блок, нужно думать, этого стихотворения не знал.)

Ст. 29 — Да, так любить, как вас любили мы

Ст. 32 — Она и милует и губит.

Ст. 33—36 — Мы любим всё — политику, искусства
И голубой туман
И тайный жар и музыку
И

Ст. 61—62 — Пропустим вас — идите на Урал.
Мы место вам дадим для боя.

В эпитафии Блок допустил неточность; у Вл. Соловьева («Панмонголизм»): «Панмонголизм! Хоть слово дико».

...провали Лиссабона и Мессины. — Дважды, в XIV и XVIII вв., столица Португалии город Лиссабон был разрушен сильнейшим землетрясением; в 1908 г. такой же участи подвергся южно-итальянский город Мессина (см. статьи Блока «Стихия и культура» и «Горький о Мессине» — т. V наст. издания). Крылами бьет беда — образ, заимствованный из «Слова о полку Игореве» («Встала Обида... вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами...»). Пестум — древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. арабами. Эдип — по древнегреческому сказанию, мудрый фиванский царевич, разгадавший загадку злого чудовища Сфинкса и тем самым спасший от гибели Фивы. Галльский — французский. Гунн — представитель тюркского кочевого племени, в IV — V вв. опустошившего страны Западной Европы; в переносном значении — варвар, безжалостно уничтожающий культурные ценности, жестокий насильник.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я прихожу к тебе не дважды...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Неотделанный набросок, может быть, связанный с циклом «Через двенадцать лет».

«Хрустальный твой бокал — и буря...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Набросок, очевидно связанный со стих. «Из хрустального тумана...» (стр. 11 наст. тома).

«Как из сумрачной гавани...» Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Вероятно, связано со стих. «Поздней осенью из гавани...» (стр. 19 наст. тома).

«Тихая белая горница...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Голубые ходят ночи...» и «Люблю я страсти легкой пламень...» Впервые — А. Блок. Неизданные стихи. История одного письма (Тифлис, 1927). Первое стихотворение — надпись на экземпляре сборника «Земля в снегу», подаренном Блоком некоей Н. Н. Д—ской; второе — надпись на фотографическом снимке с портрета Блока работы К. А. Сомова, подаренного той же Н. Н. Д—ской.

На лугу и Ворона. Впервые — Александр Блок. Круглый год. Стихотворения для детей. М., 1913.

Тихина в лесу. Впервые — «Тропика», 1912, № 12; вторично — «Новый журнал для всех», 1916, № 1; в третий раз — «Воля народа», 1917, 24 декабря (литературное приложение: «Россия в слове»).

Сочельник в лесу. Впервые — альм. «Огоньки» (1912); вторично — «Воля народа», 1917, 24 декабря (литературное приложение: «Россия в слове»).

«Я помню нежность ваших плеч...» Впервые — «Свободный журнал», 1918, № 2. Первоначальный набросок:

Печалел жизни длинный свиток,
Всё в душу мне глядится ночь.
Дай красоты своей избыток
Мне, юга пламенная дочь.

Благоуханными перстами
Закрой глаза мои
Твой долгий взгляд

Звал, заклинал я, погибая,
И Вы явились мне

Я вызвал Вас из бурь звуков.
Там, в вихре музыки и света

Над бездной
 И встретил Вас

Из вихря музыки и света —
 Взор, полный долгого привета?

Нет, не забыл я Ваших плеч
 Застечивость, и зелень взоров,
 Среди веселых разговоров
 Порой замедленную речь.

Грудного голоса, всегда
 В себя влюбляющие, звуки,
 Сирени темной в час разлуки
 Пятиконечная звезда.

В рукописи посвящено Л. А. Д(эльмас).

«Р а с п у ш и л а с ь , р а с к а ч н у л а с ь...» Впервые —
 «Биржевые ведомости», 1915, 12 апреля; вторично — «Рабочий
 мир», 1918, № 9. Первоначальный набросок, датированный
 октябрём 1907 г.:

Когда тали
 И в улице хмелел апрель,
 И молодницы побросали
 Свою привычную кудель,
 Уж распушилась, растрепалась
 У них под окнами ветла,
 И им иное примечталось

А третья — всех смелее

Концы платка под ветром бьются,
 Крутится красный сарафан.

И деды на палатках знают,
 Что, подбочась, ты в пляс пошла.

В этом наброске связано с черновиками стих. «Задебренные ле-
 сом кручи...» (см. прим. на стр. 585 наст. тома). В черновике
 1914 г. — другой текст третьей строфы:

Примечталось удалое.
 На сердце — туман.
 Раскрутился над рекою
 Красный сарафан.

«М п л а я д е в у ш к а , ч т ó т ы к о л д у е ш ь...»
 Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 24 января; вторично —

Милая девушка, что ты колдуешь
Чистым и черным зрачком?
Что ты колдуешь и сердце волнуешь —
Я-то при чем?

Нравится эта игра тебе, нравится,
Но не хочу отвечать.

Из розовой пены... — По греческой мифологии, из пены морских волн родилась Афродита, богиня любви и красоты.

«От знающего почерк ясный...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Надпись на подаренном Л. А. Дельмас экземпляре «Стихотворений Аполлона Григорьева», изданных под редакцией А. Блока и с его вступительной статьей в 1916 г. *От знающего почерк ясный...* — Л. А. Дельмас часто переписывала рукописи Блока. *Ponte dei Sospiri* — «Мост Вздохов» (в Венеции); так Блок называл в шутку мост через речку Пряжку в Петербурге (возле дома, где он жил).

«В своих мы прихотях невольны...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Набросок, записанный в дневнике, с пометой: «Вот что я пробовал в конце 1917 (вихрь зацвечал)».

З. Г и п п и у с («Женщина, безумная горячка!..»). Впервые — «Собрание сочинений Александра Блока», т. IV. Берлин, 1923. В сентябре 1920 г. было набрано для журнала «Записки мечтателей», где, однако, не появилось. В черновике, датированном 1—6 июня 1918 г., — другой текст третьей строфы:

Но в дали передо мною — море,
Незнакомый очерк новых стран,
Голос ваш бессилен в этом споре,
Вам не переспорить океан...

Написано было по следующему поводу. З. Н. Гиппиус (см. о ней выше, стр. 600) 31 мая 1918 г. переслала Блоку свою книжку «Последние стихи» (П., 1918), проникнутую духом лютой ненависти к Октябрьской революции. На книжке была сделана стихотворная надпись, адресованная Блоку. Книжка в составе

библиотеки Блока не сохранилась, но по некоторым данным ³⁷² можно установить, что на ней было написано стих. «Всё это было, кажется, в последний...», в котором З. Гиппиус вспоминала свою последнюю встречу с Блоком (в 1916 г.). Стихи эти кончались так:

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел в нее — туда...
Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей — никогда.

(См. также стих. З. Гиппиус «Идущий», напечатанное в газете «Новые ведомости» (вечерний выпуск), 1918, 10 июня (28 мая ст. ст.), — первая половина этого стихотворения, адресованная «А. Белому и А. Блоку», является как бы ответом на их поэмы «Христос воскрес» и «Двенадцать»). Блок решил ответить З. Гиппиус на ее стихи письмом, черновик которого он вклеил в дневник, но потом передумал и ответил стихами же. «Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й... — писал он в неотосланном письме. — В наших отношениях всегда было замалчивание чего-то; узел этого замалчивания завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить. Великий Октябрь их и разрубил» (см. т. VII наст. издания). *Петь, плескаться у ирландских скал...* — В стих. З. Гиппиус «Почему» («Последние стихи», стр. 48) упоминаются «Ирландия океанная» и «лезвия ее острых скал».

Русский бред. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Первые шесть строк были записаны в феврале 1918 г., вскоре после того, как была закончена поэма «Двенадцать»; остальные — 8 апреля 1919 г. Блок неоднократно возвращался к этому замыслу, продолжающему затронутую в «Двенадцати» тему революционно-сатирического разоблачения старого мира. «Надо писать „Русский бред“ (Поп идет по солее...), — записал Блок в записной книжке 22 февраля 1918 г., а 4 марта 1919 г. датирована следующая запись в дневнике: «⁹/₁₀ России (того, что мы так называли) действительно уже не существует. Это был больной, давно гнивший; теперь он издох; но он еще не похоронен; смердит. Толстопузые мещане злобно чтут дорогую память трупа (у меня непроизвольно появляются хорей, значит, может быть, погибну)» (см. т. VII наст. издания). *Соленья* — возвышение в церкви, расположенное перед иконостасом.

«Вы жизнь по-прежнему нисколько...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Это стихотворение было написано Блоком на экземпляре его книжки «Катилина» (1919), предназначенной, но не отосланной З. Н. Гиппиус (см. о ней выше, стр. 600). Является ответом на злобное стихотворение З. Гиппиус «Бывшему рыцарю Прекрасной Дамы» («Впереди двенадцати не шел Христос...»), которое, по поручению З. Гиппиус, передал Блоку Д. С. Мережковский 7 мая 1919 г. (о чем имеется помета Блока на автографе З. Гиппиус — ЦГАЛИ). В стихах З. Гиппиус, между прочим, говорится, что в Крошштадте матрос «танцевал польку с Прекрасной Дамой». *Кикану* — танец, бывший модным в предреволюционные и первые пореволюционные годы.

На поле Куликовом. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Было написано по просьбе композитора Ю. А. Шапорина, в дополнение к стихам цикла «На поле Куликовом» (1908), на тему которого Ю. А. Шапорин написал кантату. «Хор татар» должен был следовать после первого стихотворения цикла («Река раскинулась...»), «Ария невесты» — после второго («Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»). В черновике «Хора татар» выписана метрическая схема, очевидно указанная композитором. Первая строфа «Арии невесты» заимствована из стих. 1905 г. «Я живу в отдаленном скиту...» (т. II наст. издания, стр. 11).

«Я б л о н и с а д а в ы р в а н ы...» Впервые — альм. «Феникс» I (1922). Было написано на экземпляре сборника «За гранью прошлых дней» (1920), подаренном поэтессе Н. А. Павлович, и является ответом на ее четверостишие, напечатанное в журнале «Записки мечтателей», № 2/3 (1921):

У сада есть яблони,
У женщины есть дети,
А у меня только песни,
И мне — больно.

Две подписи на сборнике «Седое утро».

Впервые — сборник «Памяти Блока» (1922). Первое стихотворение обращено к Марии Игнатьевне Бенкендорф (Закревской), второе — к Л. А. Дельмас. Пятый сборник лирики Блока — «Седое утро», вышедший в свет 23 октября 1920 г.,

объединял стихи, написанные в 1908—1916 гг.; среди них было 370 несколько посвященных Л. А. Дельмас.

Пушкинскому Дому. Впервые — «Дом искусств», 1921, № 2. В черновике, датированном 5 февраля 1921 г., ряд вариантов:

Ст. 5—6 — Это — стужа ледохода
 В Питербурхе городке.

(ср. у А. С. Пушкина: «Что пирует царь великий В Петербурге-городке»).

Строфа четвертая — И восторги и печали
 Над таинственной Невой,
 Как мы старый день встречали
 Юной ночью огневой.

Строфа пятая — Но восторг, каким пылали
 Наши юные сердца,
 Но не в эти дни [венчали] светло
 Наше пламя без конца.

Строфа восьмая — Это Пушкинская радость
 Окрыляла нам сердца
 В дни, когда нам пела младость
 Наши песни без конца.

Кроме того, в черновике — два наброска еще одной отброшенной строфы:

⟨1⟩

И душа в плаче

 Может быть, еще богаче
 И зрелее, чем была.

⟨2⟩

Если жар души растратен,
Если даже смерть пришла,
Но печаль порой богаче,
Всё душа

Стихотворение было написано для альбома Е. П. Казапович — сотрудницы Пушкинского Дома при Академии наук, за несколько дней до того, как Блок выступил с речью «О назначении поэта» в день 84-й годовщины смерти Пушкина. Стихотворение внутренне

378 тесно связано с этой речью (см. т. VI наст. издания). Блок сказал по поводу данного стихотворения: «Кто-то позвонил по телефону и сказал, что Пушкинский Дом просит написать ему в альбом какие-нибудь строки о Пушкине. Я написал, но, кажется, вышло плохо. Я отвык от стихов, не писал уже несколько лет» (К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 51). *Древний сфинкс* и *Всадник бронзовый* — древнефиванский сфинкс на набережной Невы и памятник Петру I работы Э. Фальконе («Медный всадник»). *Тайная свобода* — слова Пушкина (из стих. «К Н. Я. Плюсковой»):

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

С белой площади Сената. — Пушкинский Дом в те годы помещался в главном здании Академии наук (Университетская набережная, 5), расположенном почти напротив Сенатской площади (ныне — площадь Декабристов).

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

В январе 1909 г. Блок приступил к переводу стихотворений Генриха Гейне, задумав перевести целиком его «Книгу песен» (издание перевода проектировалось в издательстве «Пантеон»). Однако работа его ограничилась переложением тринадцати стихотворений из раздела «Опять на родине». Пять из них он опубликовал в периодической печати: первое и четвертое — в «Студенческой жизни», 1910, №№ 7 и 8; второе — в «Gaudeamus», 1911, № 2; седьмое и восьмое — в альм. «Прогресс» (1911). Вслед за тем двенадцать стихотворений он включил особым разделом в свой сборник «Ночные часы» (1911). Тринадцатое стихотворение — «Когда-то в этом зале...» — впервые было напечатано в «Собр. соч.», т. VII (1932).

По поводу стих. «Не знаю, что значит такое...» Блок писал С. А. Венгеру 19 ноября 1909 г.: «Позвольте предложить Вам для Сборника Литературного Фонда этот мой перевод знаменитой „Лорелея“. Решаюсь остановиться именно на этом стихотво-

рении, так как в нем мне удалось, кажется, передать все тонкости размера, и, насколько я знаю, впервые» (неизданное письмо — ИРЛИ).

В 1920—1921 гг., в связи с редакторской работой над собранием сочинений Гейне, Блок перевел еще несколько его стихотворений. Они были опубликованы посмертно — в сборниках русских переводов Гейне — «Избранные стихотворения» (1930) и «Стихотворения» (1931). Тогда же, в 1919—1921 гг., Блок радикально переработал ряд чужих переводов из Гейне (см. Приложение — стр. 476 наст. тома). Статьи и заметки Блока о Г. Гейне сосредоточены в «Собр. соч.», т. XI (1934), и частично — в т. VI наст. издания.

АВЕТИК ИСААКЯН

Стихи *Аветика Исаакяна* (1875—1957), в наше время старшего крупнейшим поэтом советской Армении, Блок переводил для антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей в свет в 1916 г. под редакцией В. Я. Брюсова. Из двадцати переведенных им стихотворений Исаакяна шесть Блок предварительно опубликовал в повременной печати: «Во долине, в долине Сално боевой...» («Биржевые ведомости», 1916, 20 марта), «Словно молнии луч, словно гром из туч...», «Снилось мне — у соленой волны...», «Ночью в саду у меня...», «В разливе утренних лучей...» и «Схоропите, когда я умру...» («Летопись», 1916, № 1). Кроме того, пять стихотворений («От алой розы, розы любви...», «Не глядись в черный взор...», «Снилось мне — у соленой волны...», «Ночью в саду у меня...» и «В разливе утренних лучей...») вошли в «Сборник армянской литературы», под ред. М. Горького, изд-во «Парус», П., 1916.

Блок переводил стихи Аветика Исаакяна с большим увлечением и громадной взыскательностью к себе. «Очень извиняюсь, что так долго задерживаю стихи Исаакяна, — писал он 30 ноября 1915 г. И. М. Брюсовой, принимавшей участие в издании антологии «Поэзия Армении», — это происходит не от того, что я имп не занимаюсь: напротив, я бьюсь над ними часто, но этот прекрасный поэт невероятно трудеп для передачи. Пока у меня сделано вчерне около 10-ти стихотворений, я все недоволен переводом» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова). Посылая В. Я. Брюсову законченные переводы, Блок писал 1 декабря 1915 г.: «Вот мой перевод тринадцати стихотворений Исаакяна.

399 Если удастся что-нибудь дополнить или исправить, я сделаю это в корректуре, которую потому особенно прошу прислать... Стараясь держаться как можно ближе подлинника, я имел, однако, в виду, что рифма у Исаакяна занимает не первое место, поэтому или опускал ее, или добавлял от себя (впрочем, не часто); соблюдать аллитерации стремился, стараясь не пугать ими, памятуя, что поэт — крестьянин и пандухт. Слово „джан“ не только сохранил, но еще и от себя прибавил кое-где; очень уж хорошее слово. Обойтись без лишних слов, конечно, старался, но, к сожалению, не всегда мог обойтись без них» («Литературный современник», 1936, № 9, стр. 204). В тот же день Блок писал П. Макинциану (сотруднику В. Я. Брюсова по изданию антологии армянской поэзии): «Не мне судить, как вышло, но должен Вам сказать, что я полюбил этого поэта нежно... Передайте ему, пожалуйста, сердечный привет от переводчика, который старался переложить его стихи на русский язык, возможно, совсем чужой для него. Может быть, и мало из этого вышло, но все-таки переводчик любил и чувствовал поэта, как умел» («На рубеже Востока», Тифлис, 1936, № 1, от 15 января). Очень высокую оценку творчества Аветика Исаакяна находим в письме Блока к А. А. Измайлову от 28 января 1916 г.: «...не знаю, как вышел перевод, но поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет» (т. VIII наст. издания). *Лал* (перс.) — рубин. *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

ПЛУДОНИС

«Реквием» В. Плудониса (1874—1940) — видного латышского поэта, в творчестве которого нашли продолжение традиции передовой, демократической латышской литературы XIX века, Блок перевел для «Сборника латышской литературы», изданного в 1917 г. по инициативе и под редакцией М. Горького.

В черновике перевода имеется следующая заметка Блока: «Своеобразный *Requiem* — лютеранский. „Я лютеран люблю богослуженье... сих голых стен, сей храмины пустой...“ Никакой надежды за гробом. Нет Имени. Эпиграф Плудон цитирует неточно („Вечерний звоп“ Козлова). — Хотя издано по декадентски — текст простой, почти везде *отчетливый* (мало метафор). Елки, вереск, снег, песок, пустырь, мать, брат, нищета. Не суетно, не гордо» («Я лютеран люблю богослуженье...» и т. д. — стихи Ф. И. Тютчева).

Стихотворение Плудописа, переведенное Блоком, было написано в 1912 г. Эпиграф — из стихотворения *И. И. Козлова* (1779—1840) «Вечерний звон» (1827), ставшего популярным романсом; у Козлова:

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный падо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Стихи финских поэтов Блок переводил для «Сборника финляндской литературы», изданного в 1917 г. по инициативе М. Горького и под редакцией его и В. Я. Брюсова. Три стихотворения, переведенные Блоком («Не страшусь» Л. Онерва, «Марш мертвецов» Н. Рунеберга и «Рабочая песня» З. Топелиуса), были предварительно опубликованы в «Летописи», 1916, № 2.

Л. Онерва — литературный псевдоним Онерва-Лехтинен (род. в 1882 г.), финской писательницы, испытавшей влияние французских символистов. *Иоганн-Людвиг Рунеберг* (1804—1877) — крупнейший поэт Финляндии; возглавлял национально-освободительное движение финской интеллигенции. *Н. Рунеберг* — Ялмар-Иоганнес Рунсберг (1874—1934), финский поэт; писал под псевдонимом: «Нино». *Закрис Топелиус* (1818—1898) — один из виднейших шведско-финских писателей, поэт, драматург, публицист и историк, автор знаменитых сказок; Блок сказки Топелиуса читал еще в раннем детстве (см. стр. 464 наст. тома — заметки к поэме «Возмездие»). *Якоб-Август Тегенгерн* (1875—1956) — шведско-финский поэт-лирик.

СЕМ БЕНЕЛЛИ

В 1919 г. Большой драматический театр, в управлении которого работал Блок, решил поставить пьесу итальянского поэта и драматурга *Сема Бенелли* (1875—1949) «Рванный плащ», написанную в 1911 г. на сюжет, взятый из эпохи итальянского Возрождения. Существующий русский перевод этой пьесы, выполненный А. В. Амфитетровым, не удовлетворил Блока, и в июле—августе 1919 г. он проделал большую работу по радикальной пере-

⁴¹⁴ — работке перевода. В иных случаях работа его приобретала ха-
⁴¹⁷ рактер импровизации — он сочинял, по существу, вольные вариации на темы пьесы Сема Бенелли. Таковы именно «Песенка Герардо» и монолог Изумруда (*Герардо, Карнавал, Изумруд* — персонажи «Рваного плаща»). В них все принадлежит Блоку (ср. перевод А. Амфитеатрова — Сем Бенелли. *Драматические поэмы*. П.—М., 1923). Подробнее см.: В. Н. Орлов. Александр Блок и пьеса Сем Бенелли «Рваный плащ». — «Ученые записки» Гос. Института театра и музыки, т. I, 1958, стр. 469—483. «Песенка Герардо» была впервые напечатана в «Неизданных стихотворениях» (1926), монолог Изумруда — во втором томе «Полного собрания стихотворений» Блока («Библиотека поэта», 1946).

ШЕКСПИР

Перевод песенки Дездемоны был выполнен для постановки трагедии Шекспира «Отелло» в Большом драматическом театре. Напечатан впервые в «Неизданных стихотворениях» (1926).

ШИЛЛЕР

Набросок перевода двух заключительных строф стих. Шиллера «Брут и Цезарь» (1780). Напечатан впервые в журнале «Новый мир», 1956, № 11.

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

(*Автопародии*). Впервые — «Литературное наследство», 1937, № 27/28. Сообщены поэтом Б. А. Садовским по копии, снятой им в свое время с автографов Блока, позже утраченных. Говоря о дружеских собраниях поэтов, происходивших у него зимой 1912—1913 г., Б. А. Садовской указывает: «В половине января 1913 г. состоялся вечер пародий; принял в нем участие и Блок... Перед тем как прочитать, Блок с улыбкой заметил: „Вот как я писал лет десять тому назад“. Условно пародии можно датировать 19 января 1913 г.

«Укрощение строптивой». Впервые — «Русский современник», 1924, № 3. *Карпов* Евтихий Павлович (1857—1926) — драматург и режиссер, имя которого стало синонимом

театральной рутины. *Поэзы* — так называл свои стихотворения Игорь-Северянин, как раз в 1913 г. ставший кумиром буржуазно-мещанского читательского круга. 122

Сцена из исторической картины «Всемирная литература». Впервые — «Русский современник», 1924, № 3, — со следующими пояснениями К. П. Чуковского (в альбом которого Блок вписал свою «Сцену»): «Необходимо раньше всего указать, что в 1919 г. Ал. Блок состоял членом двух „коллегий“, основанных по инициативе М. Горького. Одна возглавляла собою издательство „Всемирная литература“, а другая имела своей целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких масс. Пьесы эти заимствовались по большей части из всемирной истории и потому назывались „Историческими картинами“. Блок и сам изготовил одну такую историческую картину — „Рамзес“. Отсюда и заглавие его шуточной „Сцены“. Отсюда и подзаголовок — „XX столетие“. Работа между драматургами распределялась по эпохам. В одном из заседаний этой „Секции исторических картин“ А. Амфитеатров прочитал нам свою талантливую, но аляповатую пьесу „Васька Буслаев“, в суздальском русском стиле. Эту-то пьесу Блок и имел в виду, когда писал в примечании, что его „Сцена“ по структуре стиха и по некоторым оборотам языка „приписывается Амфитеатрову“. Действительно, такие слова, как: *вестимо, не в подъем, натужьтесь*, точно пародируют лексику амфитеатровского „Васьки Буслаева“. В 1919 г. Блок редактировал во „Всемирной литературе“ сочинения Гейне и предложил мне написать для шестого тома этих сочинений нечто вроде послесловия к „Английским отрывкам“ поэта. Я согласился, он доставил мне необходимые материалы для этой работы, но, отвлеченный другими занятиями, я не мог исполнить обещания. Эти другие занятия — чтение лекций в разных просветительных клубах, шуточный список которых и приводится в „Сцене“ Блока. „Сцена“ была написана Блоком, дабы побудить меня к выполнению моего обязательства. Во „Всемирной литературе“ я в то время (совместно с *Евг. Замятиным*) заведовал англо-американским отделом, А. Л. Вольнский — итальянским, Н. Гумилев — французским, Лозинский — испанским. Основываясь на известной поговорке, что испанский язык создан для разговора с богом, французский — для разговора с королем, итальянский — с возлюблен-

422 ной, а по-английски можно говорить лишь с лешадьми, Блок в шутку снабдил каждого из нас именно этими собеседниками. Фамилия поэта *Оцуна*, упоминаемого Блоком среди названий современных учреждений, была в шутку расшифрована мною в качестве составного современного слова. На эту шутку Блок и ссылается в своем примечании. Строки об „эссеях“ намекают на сделанное мною незадолго до того предложение в коллегии „Всемирной литературы“ не переводить английского слова *Essay* неподходящим словом „опыт“, а ввести его в русский язык в качестве технического термина. *Ал. Н. Тихонов* — заведующий издательством „Всемирная литература“. *Евдокия Петровна Струкова* состояла секретарем нашей коллегии». К сказанному К. И. Чуковским следует добавить еще несколько пояснений. *Место действия* — *будуар герцогини*. — Издательство «Всемирная литература» помещалось в бывшей квартире герцогини Лейхтенбергской. *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862—1923) — беллетрист и фельетонист, с 1921 г. белоэмигрант. *Тихонов* (Серебров) Александр Николаевич (1880—1956) — многолетний сотрудник М. Горького; в частности, в 1915—1916 гг. возглавлял работу по переводу на русский язык поэтов народов России, к которой был привлечен и Блок. *Лозинский* Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт-переводчик. *Вольнский* Аким Львович (1863—1926) — литературный критик и искусствовед. *Гумилев* Николай Степанович (1886—1921) — поэт, глава группы акмеистов. *Оцун* Николай Авдеевич (ум. в 1959 г.) — поэт-акмеист, с 1922 г. белоэмигрант; шуточная «расшифровка» его фамилии была такая: Общество Целесообразного Употребления Пищи. *Студия* — объединение молодых переводчиков при издательстве «Всемирная литература». «*Принципы*» — брошюра «Принципы художественного перевода», в написании которой принимал участие К. И. Чуковский. *Гржебинские списки* — перечень русских писателей XVIII—XX вв., сочинения которых предполагалось издать в издательстве З. И. Гржебина; Блок принимал активное участие в составлении этих списков. *Замятин* Евгений Иванович (1884—1937) — прозаик и драматург, впоследствии — эмигрант. *Браудо* Евгений Максимович (1882—1939) — музыковед и литературовед. *Антон* — курьер «Всемирной литературы»; он вручает К. И. Чуковскому записки от постоянно осаждавших его переводчиц. *Стиль* Ричард (1671—1728) и *Аддисон* Джозеф (1672—1719) — английские писатели, имена которых тесно связаны в силу их долготелного сотрудничества.

E n j a m b e m e n t s. Впервые — «Собр. соч.», т. XII ⁴²⁶ (1936). *Enjambements* (франц.) — термин поэтики, обозначающий «перенос» в стихах: несовпадение синтаксического членения речи с метрическим членением стиха. Было написано в альбоме Давида Самойловича *Левина* (1891—1928), издательского работника, служившего во «Всемирной литературе» заведующим хозяйственно-технической частью; в обязанности Д. С. Левина входило распределение дров среди сотрудников издательства. Стихи Блока вызвали шуточное стихотворение К. И. Чуковского «Мое гражданское негодование» (записанное в том же альбоме Д. С. Левина и сохранившееся среди бумаг Блока). Вот отрывок из этого стихотворения:

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек!

(К. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 404—405). Блок ответил К. И. Чуковскому «Стихами о предметах первой необходимости».

Стихи о предметах первой необходимости. Впервые — «Записки мечтателей», 1922, № 6 (с наибольшим пропуском).

В черновике — другая концовка:

Что при виде Незнакомки
Не сдамся посейчас.
Разве больше рвет постромки
Романтический Пегас
В час виденья Незнакомки,
Чем в крушенья грозный час?

Роза — «небезызвестная в литературных кругах» Роза Васильевна, буфетчица в издательстве «Всемирная литература», торговавшая продуктами по спекулятивным ценам. *Поэза* — благо-

⁴²⁷ —
⁴³⁴ родный герой трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос». *Голубой цветок* — мистико-романтический символ возвышенной жизни, общения с «небесным», ведущий свое происхождение от романа Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген». «*Книг чтоб не было в шкапу ста!*» — Блок пародирует сложнопостроенный, инверсированный стих и составные рифмы, характерные для поздних стихов В. Я. Брюсова. *Локуста* — имя знаменитой древнеримской отравительницы.

Продолжение «Стихов о предметах первой необходимости». Впервые — «Русский современник», 1924, № 3.

«Хотел я, воротясь домой...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Было записано в альбом поэтессы Анны Дмитриевны Радловой (1891—1951). Альбом запирался на ключик и нечаянно замкнулся в руках Блока.

«Как всегда, были смешаны чувства...» Впервые — К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт (1924). Было вписано Блоком в альбом К. И. Чуковского после случайной встречи с кн. Александрой Петровпой Кропоткиной (дочерью знаменитого анархиста П. А. Кропоткина) в Отделе управления Петросовета. В альбомном автографе — примечание Блока к 6-му стиху: «В „Отделе управления Петросовета“ висит объявление „Государственного крематория“, где указано, что всякий гражданин имеет право быть сожженным в бане на речке Смоленке, против Смол⟨енского⟩ лютер⟨анского⟩ кладбища». Это беспощадно составленное объявление развеселило Блока. *Кронштадт палил*. — В эти дни в Кронштадте происходил контрреволюционный мятеж; через три дня, 18 марта, он был подавлен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. Первая редакция поэмы. Впервые — «Собр. соч.», т. V (1933). Главки 13 и 14 (впервые опубликованные в «Русском современном», 1924, № 3) были написаны в один

день — 31 января 1911 г. Первоначальный текст вступительного четверостишия главки 13: 444

Прости, читатель! пропусти
Ненужное тебе раздумье.
Я потерял благоразумье
И уклонился от пути.

Против *строк 11—16* («Бред Чацкого о невозможном...» и т. д.) — помета: «Очень правится. Осень 1913». В черновике главки 14 — первоначальный текст *стихов 5—8*:

Я рассуждаю так фразисто,
Но тут же вспоминаю я:
А если ты — уездный пристав,
Иль, скажем, мировой судья?..

Заключительное двустишие (55—56) подчеркнуто, с пометой: «да» (очевидно, в 1913 г.). Ко всей 14-й главке в черновике относится помета: «Городецкий находит, что в этой главе вместо Музы должна появиться героиня» (С. М. Городецкий — поэт, приятель Блока). Даем дополнительные пояснения к той части текста, которая не вошла в окончательную редакцию поэмы. *Где небо кроют мглою бесы* — ср. у А. С. Пушкина: «Буря мглою небо кроет...» («Зимний вечер»). «Новое время» — влиятельная реакционная газета, занимавшая открыто черносотенную позицию. *Где память вечную Толстого Стремится омрачить жена...* — Отражение проникших в печать после смерти Л. Н. Толстого слухов о глубоких разногласиях его с женой; разногласия эти преувеличивались «толстовцами», враждебно относившимися к С. А. Толстой. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор и дирижер, один из выдающихся пианистов. «*Мильон терзаний*» — заглавие статьи И. А. Гончарова, посвященной анализу комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Врубель «был... пещерским богомазом».* — Художник М. А. Врубель в 1884 г. реставрировал и дописывал древние (XII в.) фрески в Кирилловской церкви в Киеве.

2. «М а т е р ь я л ы д л я п о э м ы». Впервые — «Собр. соч.», т. V (1933). В рукописи «Матерьялов» очень много слов, имен и названий записано сокращенно; здесь все они дополнены без угловых скобок, дабы не пестрить ими текста и не затруднять

3. П л а н ы п о э м ы. Впервые — в отдельном издании поэмы «Возмездие» (1922), — без шестой и десятой заметок. Заметки расположены не в их хронологической последовательности, но в порядке перенумерованных самим Блоком листков, приложенных к черновику первой главы поэмы, — за исключением первой заметки (взятой из записной книжки 1911 г.) и последней (приложенной к черновику третьей главы). *С вечно смятой розой на груди...* — цитата из стих. Блока «Май жестокий с белыми ночами!..» (стр. 161 наст. тома). *Жандармы, рельсы, фонари...* — цитата из третьей главы поэмы. *Вдова Кликко* — марка шампанского вина. Стихи *Уж Александр Второй в могиле. На троне — новый Александр* — не были введены в поэму. *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, в молодости либерал, с начала 60-х годов резко изменивший свои взгляды; один из столпов дворянско-монархической реакции 70—80-х годов. *Профессор лучших времен Петербургского университета* — А. Н. Бекетов, дед Блока. *Гроб качается хрустальный* — цитата из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. *Кот Мурлыка* — литературный псевдоним Н. П. Вагнера, автора популярных в свое время «Сказок Кота Мурлыки». *Топелиус* Закрис (1818—1898) — шведско-финский писатель, автор сказок для детей; Блок переводил стихи Топелиуса (см. выше, стр. 407). *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — фельдмаршал русской армии, военный министр с 1861 по 1881 г., пользовавшийся репутацией либерала и реформатора военного дела. *Страна под бременем обид...* — цитата из третьей главы поэмы.

4 и 5. Н а б р о с к и п р о д о л ж е н и я в т о р о й и т р е т ь е й г л а в. Впервые — «Записки мечтателей», 1922, № 5. Листки, на которых сделаны эти наброски, остались после смерти Блока в его настольном бюваре в случайном порядке. Здесь наброски расположены в той последовательности (согласованной с развитием сюжета поэмы, поскольку он ясен из замысла), которая была принята и аргументирована в «Собр. соч.» (см. т. V, стр. 205 и 216—217). *Крупп* — немецкая фирма, основанная в 1811 г., крупнейший военно-металлургический концерн империалистической Германии, снабжавший оружием многие

страны. *Бастыльник* — сорная трава, бурьян. *Платон* (427—⁴⁷⁴—⁴⁷⁶ 347 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, основоположник философского идеализма, развивавший учение о мире «вечных и неизменных идей» как сфере «истинного бытия». *Гимназия толстовская* — по фамилии гр. Д. А. Толстого (1823—1889), реакционного министра народного просвещения (с 1866 по 1880 г.), поставившего во главу угла в гимназическом образовании изучение мертвых языков — древнегреческого и латинского. *Косые лучи заката... видение средневековой твердыни.* — Ср. стих. «На небе зарево. Глухая ночь мертва...», написанное 10 июня 1900 г. (т. I наст. издания, стр. 49). *Мария, несчастная Мария...* — ср. у А. С. Пушкина: «Мария, бедная Мария» («Полтава»).

К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

Из «Записки о „Двенадцати“». Впервые — в сборнике «Памяти Александра Блока», П., 1922 (ср. «Собр. соч.», т. V, стр. 132—134). *Январь 1907* и *март 1914.* — Блок имеет в виду создание циклов «Снежная маска» и «Кармен». *Маркизова лужа* — так в просторечии называли мелководный Финский залив (по ассоциации с морским министром при Александре I — маркизом де Траверсе).

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕЙНЕ, РЕДАКТИРОВАННЫЕ А. БЛОКОМ

Впервые — «Собр. соч.», т. VII (1932). Здесь приведены лишь те редактированные Блоком переводы, текст которых более чем наполовину изменен и переработан им. Работа эта производилась Блоком в 1919—1921 гг. для издания «Избранных сочинений» Гейне в издательстве «Всемирная литература». Первоначальный текст переводов принадлежит В. Е. Аренс (первое стихотворение), Е. Ф. Книпович (второе и третье) и В. П. Коломийцеву (все остальные).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. А. Блок. Фотографический снимок. Снято в саду Народного Дома в Петрограде 17 июня 1916 г.
2. *Стр. 97.* Черновик стихотворения «В огне и холоде тревог...» (Из черновиков поэмы «Возмездие», 1911 г.).
3. *Стр. 228.* Черновик стихотворения «Как океан меняет цвет...» (март 1914 г.).
4. *Стр. 343.* Из черновика первой редакции поэмы «Возмездие» (январь 1911 г.).
5. *Стр. 357.* Из черновика поэмы «Двенадцать» (январь 1918 г.).
6. *Стр. 467.* Наброски продолжения второй главы поэмы «Возмездие» (январь 1921 г.).

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

А. Б Л О К А
(к томам I—III)

А. М. Добролюбов («Из городского тумана...»)	I, 275
«А под маской было звездно...» (Под масками)	II, 236
Лвиатор («Летун отпущен на свободу...»)	III, 33
〈А в т о п а р о д и〉 (2 стихотворения)	III, 416
» <i>Ἀγράφα Δόγματα</i> («Я видел мрак дневной и свет поч- пой...»)	I, 56
«Ал-злат наряд — мой детка рад...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 391
Аллегория («Бежали сны — сиял рассвет...»)	I, 479
«Альянс священный прочно...» <i>Из Гейне</i>	III, 388
Аметист («Порою в воздухе, согретом...»)	I, 459
Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...»)	II, 102
〈Андрею Белому〉 («Опрокинут, канул в бездну...»)	I, 553
Андрею Белому («Ты открывал окно. Туман...»)	II, 313
Анне Ахматовой («„Красота страшна“ — Вам ска- жут...»)	III, 143
Антверпен («Пусть это время далеко...»)	III, 153
Ария невесты («Я живу в отдаленном скиту...»)	III, 374
Артистке («Позволь и мне сгорать душою...»)	I, 460
Балаган («Над черной слякотью дороги...»)	II, 123
Балаганчик («Вот открыт балаганчик...»)	II, 67
«Барка жизни встала...»	II, 161
«Бегут неверные дневные тепи...»	I, 156
«Бедная, клонись ты...»	I, 510
«Бежали сны — сиял рассвет...» (Аллегория)	I, 479

Произведения зарегистрированы в указателе по заглавиям и по первым стихам. Отмечены также встречающиеся в тексте заглавия стихотворных циклов. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

«Бежим, бежим, дитя свободы...»	I, 343
«Без веры в бога, без участия...»	I, 387
«Без Меня б твои сны улетали...»	I, 213
«Без слова мысль, волнение без названья...»	III, 198
«Безмолвный призрак в терему...»	I, 230
«Безрадостна бывает грусть...»	II, 320
«Безрадостные всходят семена...»	I, 217
«Белой ночью месяц красный...»	I, 90
«Белоснежней не было зим...» (На зов метелей)	II, 219
«Белый конь чуть ступает усталой ногой...»	II, 18
«Бесплодные места, где был я сердцем молод...» (Отрывок). <i>Из Байрона</i>	II, 348
«Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...» (Да-мет). <i>Из Байрона</i>	II, 350
«Бесцельный путь синеет предо мной...»	I, 441
Благовещение («С детских лет — видения и грезы...»)	III, 118
«Благословляю всё, что было...»	III, 137
«Благословляя свет и тень...» (Экклесиаст)	I, 220
«Благоуханных дней течение...»	I, 466
«Блаженно ты, бывшее время...»	I, 410
«Блаженный, забытый в пустыне...»	I, 362
Бледные сказанья («— Посмотри, подруга, эльф твой...»)	II, 237
«Блеклая роза печально дышала...» (Роза и соловей)	I, 378
«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»	II, 157
«Близятся выборы в Думу...»	II, 364
«Боги гасят небосвод...»	I, 488
Боец («Я облачился перед битвой...»)	I, 514
«Боже, как жизнь молодая ужасна...»	I, 371
«Божья мать <i>Утоли мои печали...</i> » (За гробом)	III, 123
«Болотистым, пустынным лугом...»	III, 203
Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...»)	II, 10
Болотный попик («На весенней проталинке...»)	II, 14
«Болото — глубокая впадина...»	II, 19
«Боль проходит понемногу...» (Последнее напутствие)	III, 272
Бред («Я знаю, ты близкая мне...»)	II, 87
«Брожу в стенах монастыря...»	I, 198
Брут и Цезарь («Сын, ты стал великим из великих...»). <i>Из Шиллера</i>	III, 415
«Будет день — и свершится великое...»	I, 142

«Будет день, словно миг веселья...»	I, 234
«Буду всегда я по-прежнему молод нетленной ду- шою...»	I, 398
«Бушевали ночные метели...» (Тишина в лесу) . . .	III, 368
«Бушует снежная весна...»	III, 231
«Бывают тихие минуты...»	III, 184
«Был бы на Аразе у меня баштан...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 392
«Был вечер поздний и багровый...»	I, 222
«Был скрипок вой в разгаре бала...» (Вячеславу Ива- нову)	III, 141
«Была и страсть, но ум холодный...»	I, 461
«Была пора — в твоих глазах...»	I, 454
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»	III, 221
«Былая жизнь, бывшие звуки...»	I, 394
«Было то в темных Карпатах...»	III, 290
«Быстролетный и черный орел...» <i>Из Исаакяна</i> . . .	III, 392
«В бездействии младом, в передразветной лени...» . .	I, 100
«В бесконечной дали корридоров...»	II, 276
«В болезни сердца мыслю о Тебе...»	I, 391
«В высь изверженные дымы...»	II, 155
«В глазах ненужный день так ярко...»	II, 331
«В глубоких сумерках собора...»	II, 338
«В голодной и больной неволе...»	III, 88
«В голубой далекой спальне...»	II, 83
«В городе колокол бился...»	I, 218
«В густой траве пропадешь с головой...»	III, 247
«В дальних северных туманах...» (Черная Дева) . .	I, 427
«В Дельфийском храме новый бог...» (Σοφία)	I, 457
«В день холодный, в день осенний...»	I, 86
«В длинной сказке...» (Сквозь винный хрусталь) . .	II, 239
«В дрожащем эфире...»	I, 508
«В дюнах («Я не люблю пустого словаря...»)	II, 306
«В жаркое лето и в зиму метельную...» (Художник)	III, 145
«В жаркой пляске вакханалий...»	I, 373
«В зимний вечер, когда замирались...» (Шаги). <i>Из Вер-</i> <i>харна</i>	II, 342
«В кабаках, в переулках, в извивах...»	II, 159
«...В конце ж шестого тома Гейне, там...» (Сцена из исторической картины «Всемирная литера- тура»)	III, 422

«В лапах косматых и страшных...»	II, 80
«В лоне площади пологой...» (Сиена)	III, 113
«В минутном взрыве откровений...»	I, 401
«В моей душе больной и молчаливой...»	I, 383
«В море одна лишь волна — быстротечная...»	I, 383
«В небе — день, всех ночей суеверней...»	III, 205
«В неуверенном, зыбком полете...»	III, 197
«В ночи, неполненной грозюю...»	I, 450
«В ночи, когда уснет тревога...»	I, 333
«В ночь, когда Мамай залег с ордою...»	III, 250
«В ночь молчаливую чудесеп...»	I, 345
«В огне и холоде тревог...»	III, 96
«В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...» (По- весть)	II, 163
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...»)	II, 193
«В передзакатные часы...»	I, 351
«В полночь глухую рожденная...»	I, 71
«В пол-оборота ты встала ко мне...»	III, 54
«В посланьях к земным владыкам...»	I, 261
«В пустом переулке весенние воды...» (Обман)	II, 146
«В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...»	I, 355
«В пыльный город небесный кузнец прикатил...» (Гимн)	II, 151
«В разливе утренних лучей...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 398
В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...»)	III, 25
«В сапогах бутылками...» (На Пасхе)	III, 193
«В своих мы прихотях невольны...»	III, 371
В северном море («Что сделали из берега мор- ского...»)	II, 303
«В седую древность я ушел, мудрец...»	I, 457
«В серебре росы трава...»	II, 127
«В синем небе, в темной глуби...»	II, 121
В снегах («И я затянут...»)	II, 235
«В снежной пене — предзакатная...» (Последний путь)	II, 214
«В соседнем доме окна желты...» (Фабрика)	I, 302
«В сумерки девушку стройную...»	I, 358
«В сыром ночном тумане...»	III, 206
«В те дни, когда душа трепещет...»	I, 339
«В те ночи светлые, пустые...»	II, 266

«В те целомудренные годы...»	I, 66
«В темной комнате ты обеспечена...»	II, 332
«В темном парке под ольхой...»	III, 182
«В тени сикоморы душа, изнывая...» (Песенка Дездемоны). <i>Из Шекспира</i>	III, 414
«В тихий вечер мы встречались...»	III, 184
«В толпе, родной по вдохновенью...» (На вечере в честь Л. Толстого)	I, 334
«В туманах, над сверканьем рос...»	II, 74
В углу дивана («Но в камине дозвенели...»)	II, 240
«В фантазии рождаются порою...»	I, 342
«В час глухой разлуки с морем...»	II, 125
«В час, когда пьянеют нарциссы...»	I, 322
«В часы безмолвия ночного...»	I, 346
«В часы вечернего тумана...»	I, 48
«В часы недавнего паденья...»	I, 447
«В черных сучьях дерев обнаженных...» (Унижение)	III, 31
«В чужбину по гудящей стали...»	I, 358
«В эти желтые дни меж домами...»	III, 10
«В этой жизни слишком темной...» <i>Из Гейне</i>	III, 378
«В этой мрачной гробнице...» <i>Из Карпани</i>	I, 544
«В этот серый летний вечер...»	II, 262
Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинственный...»)	III, 139
Валкирия («Одинокий, одичалый...»)	I, 349
«Ваш взгляд — его мне подстеречь...»	III, 212
«Ваш умный спор, синьоры, бесполезен...» (Монолог Изумруда). <i>Из Сема Бенелли</i>	III, 412
«Вдали мигнул огонь вечерний...»	I, 354
«Везде — над лесом и над пашней...»	II, 335
В е н е ц и я (3 стихотворения)	III, 102
Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...»)	I, 290
Вербочки («Мальчики да девочки...»)	II, 95
«Вербы — это весенняя таль...»	III, 235
«Верю в Солнце Завета...»	I, 170
«Веселимся, кру́жимся...»	II, 315
«Веселье в ночном кабаке...» (Невидимка)	II, 170
«Весенний день прошел без дела...»	III, 74
«Весна в реке ломает льдины...»	I, 182
«Гесна несла свои дары...»	I, 398

«Вёсны и зимы меняли убранство...» (Проклятый колокол)	II, 118
«Весь день — как день: трудов исполнен малых...»	III, 47
«Ветер звал и гнал погоню...» (Здесь и там)	II, 247
«Ветер принес издалёка...»	I, 76
«Ветер стих, и слава зарева...»	III, 271
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»	I, 312
«Ветр налетит, завоет снег...»	III, 199
Ветхая избушка («Ветхая избушка...»)	II, 322
«Вечер мой в красном огне...»	I, 509
«Вечер пришел безмолвный...» <i>Из Гейне</i>	III, 381
«Вечереющий день, догорая...»	I, 472
«Вечереющий сумрак, поверь...»	I, 149
«Вечерние люди уходят в дома...» (Вербная суббота)	I, 290
«Вечерний свет заутра снова...»	I, 469
Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...»)	I, 317
«Вечность бросила в город...»	II, 148
«Вечный дух — властитель вышний тела...»	I, 462
«Взлетая к вышням, орел покинул доли...»	I, 407
Взморье («Сонный вздох онемелой волны...»)	II, 39
Видение («Розы в лазури. Пора!...»)	I, 473
«Видит лань — в воде...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 396
«Видно, дни золотые пришли...»	I, 121
«Вися над городом всемирным...»	II, 175
Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...»)	III, 140
«Влачим мы дни свои уныло...» (Накануне XX века)	I, 429
«Вложив безумство вдохновений...»	I, 458
Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюблен- ность...»)	II, 223
Влюбленность («Королевна жила на высокой горе...»)	II, 61
«Внемлю голосу свободы...»	I, 476
«Внемля зову жизни смутной...»	I, 106
«Вновь богатый зол и рад...»	III, 39
«Вновь оснежённые колонны...» (На островах)	III, 20
«Вновь у себя... Унижен, зол и рад...»	III, 56
«Во долине, в долине Сално́ боевой...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 392
«Возвратилась в полночь. До утра...»	I, 292
Возмездие. <i>Поэма</i>	III, 295
Война («Вот поднялась. В железных лапах...»)	II, 316
«Война горит неукротимо...»	I, 354

«Волновать меня снова и снова...» (Пляски осенние)	II, 24
Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...»)	I, 481
Ворона («Вот ворона на крыше покато́й...»)	III, 367
«Воспоми́на́нье жизни сонной...» (Молодость)	I, 408
«Восходи́шь ты, что строгий день...»	I, 36
«Восходя́ на первые ступени...»	I, 137
«Вот — в изнурительной работе...»	II, 49
«Вот ворона на крыше покато́й...» (Ворона)	III, 367
«Вот девушка, едва́ разви́вшись...»	III, 110
«Вот май опять повеял...» <i>Из Гейне</i>	III, 386
«Вот моя песня — тебе, Коломбина...» (Двойник)	I, 287
«Вот на тучах пожелтелых...»	II, 60
«Вот он — ветер...»	III, 256
«Вот он — ряд гробовых ступеней...»	I, 323
«Вот он — Христос — в цепях и розах...»	II, 84
«Вот она — в налетевшей волне...»	I, 251
«Вот они — белые звуки...»	I, 529
«Вот они, грустные, полные страсти...» (Старые письма)	I, 441
«Вот открыт балаганчик...» (Балаганчик)	II, 67
«Вот поднялась. В железных лапах...» (Война)	II, 316
«Вот прошел король с зубчатым...» (Тени на стене)	II, 242
«Вот река полноводнее...»	II, 330
«Вот снова пошатнулись дали...»	I, 506
«Вот явилась. Заслонила...»	II, 254
Впечатления Рейна («Рейн — чудесная река...»)	I, 545
«Всё б тебе желать веселья...»	III, 173
«Всё бежит, мы пребываем...»	II, 44
«Всё бесконечней, всё хрустальней...»	I, 476
«Всё бытие и сущее согласно...»	I, 88
«Все кричали у круглых столов...»	I, 252
«— Всё ли спокойно в народе?...»	I, 269
«Всё на земле умрет — и мать, и младость...»	III, 189
«Всё настоящее ничтожно...»	I, 400
«Все огни загораются здесь...»	I, 520
«Всё отлетают сны земные...»	I, 87
«Все отошли. Шумите, сосны...»	II, 58
«Всё помнит о весле вздыхающем...»	III, 162
«Всё свершилось по писаньям...»	III, 48
«Всё та же озерная гладь...»	III, 182

«Всё так же бродим по земле...»	II, 318
«Всё тихо на светлом лице...»	I, 528
«Всё чаще я по городу брожу...» (О смерти)	II, 295
«Всё, чем дышал я...»	I, 515
«Всё, что в море покоит волну...»	I, 361
«Всё, что минутно, всё, что бренно...» (Равенна)	III, 98
«Всё, что память сберечь мне старается...»	III, 185
«Всё это было, было, было...»	III, 131
«Вспомнил я старую сказку...»	III, 288
«Встала в сиянии. Крестила детей...» (Из газет)	I, 308
«Встали надежды пророка...» (Посвящение)	I, 478
«Встану я в утро туманное...»	I, 127
«Встревожен мертвых сон — могу ли спать?...» (Из дневника в Кефалонии). Из Байрона	II, 354
«Встретив на горном тебя перевале...» (Madonna da Settignano)	III, 111
Встречной («Я только рыцарь и поэт...»)	III, 164
Вступление («Отдых напрасен. Дорога крута...»)	I, 74
Вступление («Ты в поля отошла без возврата...»)	II, 7
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»	II, 286
«Всю зиму мы плакали, бедные...»	I, 488
«Всю ночь дышала злобой вьюга...»	I, 403
«Всю ночь я слышу вздохи странные...»	I, 499
«Всюду ясность божья...»	II, 135
Второе крещение («Открыли дверь мою метели...»)	II, 216
«Входите все. Во внутренних покоях...»	I, 111
«Вхожу навстреч тропой кремнистой...»	I, 389
«Вхожу я в темные храмы...»	I, 232
«Вчера я слышал песни с моря...»	I, 469
«Вы жизнь по-прежнему нисколько...»	III, 373
«Вы предназначены не мне...»	III, 375
«Высоко с темнотой сливается стена...»	I, 158
«Выхожу я в путь, открытый взорам...» (Осенняя воля)	II, 75
«Вьюга пела...» (Настигнутый метелью)	II, 217
Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...»)	III, 141
«Гадай и жди. Среди полночи...»	I, 177
Гамаюн, птица вещая («На глядах бесконечных . вод...»)	I, 19

«Гармоника, гармоника!..»	II, 280
«Гашу огни моих надежд...»	I, 514
«Где отдается в длинных залах...»	III, 195
«Где ты паришь теперь...»	I, 445
Георгу, графу Делавару («О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...»). <i>Из Байрона</i>	II, 348
Гимн («В пыльный город небесный кузнец прика- тил...»)	II, 151
«Глаза младенчески открыты...» (Эскиз)	I, 402
«Глаза, опущенные скромно...»	III, 116
«Глухая полночь медленный кладет покров...»	I, 365
«Глухая полночь. Цепененье...»	I, 431
«Глухая странность бытия...»	I, 512
«Глушь родного леса...»	I, 477
«Говорили короткие речи...»	I, 205
«Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...» (Цир- цея). <i>Из Леконта</i>	II, 359
Голос («Жарки зимние туманы...»)	I, 245
Голос («Чей-то обманчивый голос поэт...»)	I, 338
Голос в тучах («Нас море примчало к земле одича- лой...»)	II, 52
Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...»)	III, 62
Голоса («Грустнее не бывали думы...»)	I, 502
Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!..»)	II, 232
Голоса («Я — свободный глашатай веков...»)	I, 518
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...»)	III, 192
«Голубоватым дымом...»	III, 109
«Голубые ходят ночи...»	III, 366
«Горит мой день, будя ответы...»	I, 536
«Город в красные пределы...»	II, 149
«Город спит, окутан мглою...»	I, 27
«Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..» (Легенда)	II, 167
«Готов ли ты на путь далекий...»	I, 420
«Греши, пока тебя волнуют...»	III, 52
«Грешить бесстыдно, непробудно...»	III, 274
«Гроб невесты легкой ткапью...»	II, 46
«Гроза прошла, и ветка белых роз...»	I, 410
«Грустнее не бывали думы...» (Голоса)	I, 502
«Грустно и тихо у берега сонного...»	I, 353
«Грустя и плача и смеясь...»	III, 175

«Гуляю меж цветами...» <i>Из Гейне</i>	III, 387
«Густых кудрей откинув волны...» (Сирий и Алконост)	I, 403
«Да, знаю я: пронзили ночь отвеса...» (Владимиру Бестужеву)	III, 140
«Да. Так диктует вдохновенье...»	III, 93
«Да, я знаю всегда — есть чужая страна...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 395
«Да, я извела все муки...» (Женщина)	III, 149
«Давид Самуилыч! Едва...» (Enjambements)	III, 426
«Давно мы встретились с тобою...»	I, 444
«Давно хожу я под окнами...»	I, 518
«Даже имя твое мне презренно...»	III, 55
«Дали слепы, дни безгневны...»	I, 319
Дамет («Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...»).	
<i>Из Байрона</i>	II, 350
⟨Два стихотворения⟩ (2 стихотворения)	I, 471
Две души («...Напомнив призраки былого...»)	I, 415
Две любви («Люби и светлой, и туманной...»)	I, 348
Две надписи на сборнике «Седое утро» (2 стихотворения)	III, 375
Двенадцать. <i>Поэма</i>	III, 347
Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...»)	I, 287
Двойник («Однажды в октябрьском тумане...»)	III, 13
Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...»)	I, 152
Деве-Революции («О, Дева, иду за тобой...»)	II, 324
Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...»)	III, 101
«Девушка пела в церковном хоре...»	II, 79
Девушке («Ты перед ним — что стебель гибкий...»)	II, 133
«Дела свершились...»	I, 270
Дельвигу («Ты, Дельвиг, говоришь: минута — вдохновенье...»)	I, 401
Демон («Иди, иди за мной — покорной...»)	III, 60
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...»)	III, 26
«День был нежно-серый, серый, как тоска...»	I, 284
«День догорел на сфере той земли...» (Песнь Ада)	III, 15
«День поблек, изящный и невинный...»	II, 158
«День полувеселый, полустрадный...» (Перуджия)	III, 105

«День проходил, как всегда...»	III, 50
«День таит в себе часы...»	I, 511
«Дети Сули! Киньтесь в битву...» (Песнь к сулио- там). Из Байрона	II, 355
«Дикий ветер...»	III, 279
«Дитя! Твоим прозрачным словом...»	I, 413
«Для исполнения программы...»	II, 365
«Для меня возможны все желанья...»	I, 507
«Днем вершу я дела суеты...»	I, 186
«Днем за нашей стеной молчали...»	I, 527
«Дни и ночи я безволен...» (Поединок)	II, 144
«Дни текут молчаливо...» (Ожидание)	I, 477
«До новых бурь, до новых молний...»	I, 451
«До утра мы в комнатах спорим...» (Утренняя)	I, 317
«Догорай, не узнавая...»	I, 498
«Дождь мелкий, разговор неспешный...» (Юрию Вер- ховскому)	III, 138
«Долго искал я во тьме лучезарного бога...»	I, 380
Dolor Ante Lucem («Каждый вечер, лишь только погас- нет заря...»)	I, 33
«Дома растут, как желанья...»	I, 238
«Дохнула жизнь в лицо могилой...»	III, 72
«Друг другу мы тайно враждебны...» (Друзьям)	III, 125
«Друг, посмотри, как в равнине небесной...» (Моей матери)	I, 7
Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...»)	III, 125
Дума («Одиноко плыла по лазури луна...»)	I, 380
«Дух пряный марта был в лунном круге...»	III, 24
«Дух человеческий властен земное покинуть жилище...»	I, 462
«Душа ждала, но молчаливо...»	I, 490
«Душа! Когда устанешь верить?..»	III, 159
«Душа молчит. В холодном себе...»	I, 78
«Душа моя тиха. В натянутых струнах...»	I, 385
«Дым от костра струею сизой...»	III, 258
«Дышит утро в окошко твое...»	I, 25
Е. А. Баратынскому («Тебе, поэт, в вечерней ти- шине...»)	I, 463
«Его встречали повсюду...»	I, 235
«Едва в глубоких снах мне снова...»	III, 375
Ее песни («Не в земной темнице душной...»)	II, 220

Е е п р и б ы т и е (7 стихотворений)	II, 50
«Ее спеленутое тело...» (Успение)	III, 120
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»	I, 283
Enjambements («Давид Самуилыч! Едва...»)	III, 426
«Если только она подойдет...»	I, 532
«Если хочешь ты лимону...»	I, 554
«Есть в дикой роще, у оврага...»	I, 11
«Есть в напевах твоих сокровенных...» (К Музе) . .	III, 7
«Есть времена, есть дни, когда...»	III, 209
«Есть демон утра. Дымно-светел он...»	III, 230
«Есть игра: осторожно войти...»	III, 43
«Есть лучше и хуже меня...»	II, 104
«Есть минуты, когда не тревожит...»	III, 202
«Есть много песен в светлых тайниках...»	I, 343
«Есть чудеса за далью синей...»	I, 492
«Еще бледные зори на небе...»	I, 241
Еще воспоминание («Опять я еду чистым полем...»)	I, 414
«Еще прекрасно серое небо...»	II, 176
«Жарки зимние туманы...» (Голос)	I, 245
«Жгут раскаленные камни...»	III, 108
«Жду я смерти близ денницы...»	II, 35
«Жду я холодного дня...»	I, 140
«Жена моя, и ты угасла...»	II, 362
«Жениха к последней двери...»	III, 165
Женщина («Да, я изведала все муки...»)	III, 149
«Женщина, безумная горячка!..» (З. Гиппиус) . . .	III, 372
Жизнь («Мы рождены; вдыхаем жадно...»)	I, 428
«Жизнь была стремленьем...» (Так было)	II, 51
«Жизнь, как загадка, темна...»	I, 375
«Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...»	I, 386
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» . . .	I, 178
Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я (8 стихотворе- ний)	III, 47
Жрец («Там — в синевах — была звезда...»)	I, 362
З. Гиппиус («Женщина, безумная горячка!..») . . .	III, 372
«За горами, лесами...»	III, 226
«За городом в полях весной воздух дышит...» . . .	I, 110
«За городом вырос пустынный квартал...» (Поэты) .	III, 127
За гробом («Божья мать <i>Утоли мои печали...</i> ») . .	III, 123

«За краткий сон, что пыще спится...»	I, 339
«За сучок сухой березы месяц зацепился...»	III, 416
«За темной далью городской...»	I, 209
«За туманом, за лесами...»	I, 99
«За холмом отзвенели упругие латы...»	II, 260
Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...»)	III, 66
«Завтра в сумерки встретимся мы...»	I, 496
«Завтра рассвета не жди...»	I, 470
«Завтра с первым лучом...»	I, 70
«Загадай и скройся в ночь...»	I, 501
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»	I, 523
«Задебренные лесом кручи...»	III, 248
«Зажигались окна узких комнат...»	II, 43
«Зайди в хороший магазин...» («Укрощение стропти- вой»)	III, 417
Зайчик («Маленькому зайчику...»)	II, 323
«Закат горел в последний раз...» (Перед грозой) . . .	I, 424
Заклинание («Луна взошла. На вздох родимый...») . . .	I, 534
Заклучение спора («Ты кормчий — сам, учитель — сам...»)	I, 538
З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м (11 стихо- творений)	II, 272
«Замерла береговая песня...»	I, 507
«Запевающий сон, зацветающий цвет...»	I, 257
«Заплетаем, расплетаем...» (Угар)	II, 112
«Зарево белое, желтое, красное...»	I, 136
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»	II, 130
«Зачем, зачем во мрак небытия...»	I, 24
«Зачинайся, русский бред...» (Русский бред)	III, 372
«Звезда полночная скатилась...»	I, 45
«Звоноким колокол ударом...» (Рождество)	II, 328
«Здесь в сумерки в конце зимы...»	III, 181
Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...»)	II, 247
«Здесь на земле одиноцельны...»	I, 461
«Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»	I, 259
«Здесь память волны святой...»	I, 262
«Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...» (Отшед- шим)	I, 526
«Здесь тишина цветет и движет...» (Тишина цве- тет)	II, 114

«Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бес- смертный...» (Эпитафия Фра Филиппо Липпи). Из <i>Полицiana</i>	III, 121
Земля есмь («Мечтать о небесном царстве...»). Из <i>Те- генгерена</i>	III, 411
«Земное сердце стынет вновь...»	III, 95
«Зима прошла. Я болен...»	II, 332
«Зимний ветер играет терповником...»	I, 266
«Знаю, бедная, тяжкое бремя...»	I, 478
«Знаю я твое льстивое имя...»	III, 163
«Зову тебя в дыму пожара...»	I, 510
«Золотистою долиной...»	I, 212
«Золотисты лица купальниц...» (Твари весенние) . .	II, 12
«Золотит моя страстная осень...»	I, 525
«Золотокудрый ангел дня...»	I, 200
«...И были при последнем издыханьи...»	I, 486
«И взвился костер высокий...» (На снежном костре) .	II, 252
«И вновь, и вновь твой дух таинственный...» (Вале- рию Брюсову)	III, 139
«И вновь — порывы юных лет...»	III, 144
«И вновь, сверкнув из чаши вишней...» (Снежное вино)	II, 211
«И вот уже ветром разбиты, убиты...»	II, 263
«И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...»	I, 419
«И мы подыдем их на вилы...»	II, 333
«И нам недолго любоваться...»	I, 162
«И опять, опять снега...» (И опять снега)	II, 230
«И опять открыли солнца...» (Прочь!)	II, 227
И опять снега («И опять, опять снега...»)	II, 230
«И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...» (Влюбленность)	II, 223
«И поздно, и темно. Покину без желаний...»	I, 95
«И пора уснуть, да жалко...» (Сны)	III, 266
«...И снова подхожу к окну...»	I, 295
«И ты, мой юный, мой печальный...» (31 декабря 1900 года)	I, 73
«И час настал. Свой плащ скрутило время...» (За- бывшие Тебя)	III, 66
«И я затают...» (В снегах)	II, 235
«И я любил. И я изведаль...»	III, 160

«И я, неверный, тосковал...»	I, 96
«И я опять затих у ног...»	II, 282
«И я провел безумный год...»	II, 269
Иванова ночь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...»)	II, 96
«Играет буря танец...» <i>Из Гейне</i>	III, 380
Идеал и Сирнус («Я долго странствовал по свету...»)	I, 382
«Идем по живью, не спеша...» (Осенний дебрь) . . .	III, 257
«Иди, иди за мной — покорной...» (Демон)	III, 60
«Иду — и всё мимолетно...»	II, 165
«Идут века...» (Хор татар)	III, 373
«Идут часы, и дни, и годы...»	III, 29
«Из Бодлэра» («Посмотри на альбатроса...»)	I, 554
Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») . .	I, 308
«Из городского тумана...» (А. М. Добролюбов)	I, 275
«Из длинных трав встает луна...» (Голоса скрипок)	III, 192
Из дневника в Кефалонии («Встревожен мертвых сон— могу ли спать?..»). <i>Из Байрона</i>	II, 354
«Из ничего — фонтаном синим...»	III, 287
«Из хрустального тумана...»	III, 11
«Из царства сна выходит безнадежность...»	I, 484
«Издали в тиши ночной...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 395
«Измучен бурей вдохновенья...»	I, 65
«Или устал ты до времени...»	I, 355
«Имя Пушкинского Дома...» (Пушкинскому Дому) .	III, 376
Инок («Никто не скажет: я безумен...»)	II, 283
«Инок шел и нес святые знаки...»	I, 513
«Искусство — ноша на плечах...»	III, 115
Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...») . . .	III, 204
«Испугом схвачена, влекома...»	III, 56
«Испытанный, стою на грани...»	I, 492
«Истомленный дыханьем весны...»	I, 405
«Исчезла, отлетела в высь...»	I, 507
«Их было много — дев прекрасных...»	II, 337
«Ищи разгадку ожиданий...»	I, 492
«Ищу огней — огней попутных...»	II, 117
«Ищу спасенья...»	I, 68
«Июньский вечер в облаках...» (Лебедь). <i>Из И. Руне- берга</i>	III, 405
К. Бальмонту («Он у окна съедал свои котлеты...»).	I, 555
«К вечеру вышло тихое солнце...»	II, 195

«К зеленому лугу, взывая, внимая...» (Эхо)	II, 23
К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») . .	III, 7
«К ногам презренного кумира...»	I, 341
«К чему бесцельно охранять...»	I, 347
«К чему скорбеть большой душою...» (L'amitié est l'amour sans ailes). Из Байрона	II, 350
«Каждый вечер, лишь только погаснет заря...» (Dolor Ante Lucem)	I, 33
«Как всегда, были смешаны чувства...»	III, 428
«Как всякий год, ночной порою...»	I, 444
«Как день, светла, но непонятна...»	III, 215
«Как душно мне! Открой окно...»	I, 430
«Как из сумрачной гавани...»	III, 366
«Как луна дрожит на лоне...» Из Гейне	III, 387
«Как любовно сплетал я тончайшую сеть!..»	I, 498
«Как мимолетна тень осенних ранних дней...» . . .	I, 446
«Как мучительно думать о счастье былом...»	I, 384
«Как наши окна были близко!..»	II, 327
«Как океан меняет цвет...»	III, 227
«Как прощались, страстно клялись...»	III, 188
«Как растет тревога к ночи!..»	III, 45
«Как свершилось, как случилось?..»	III, 83
«Как сон молитвенно-бесстрастный...»	I, 444
«Как сон, уходит летний день...»	I, 511
«Как старинной легенды слова...»	I, 359
«Как тяжело ходить среди людей...»	III, 27
«Как тяжело мертвецу среди людей...»	III, 36
«Как часто плачем — вы и я...» (Голос из хора) . . .	III, 62
«Какая дивная картина...»	III, 75
«Какой-то вышний серафим...»	I, 436
«Какому богу служишь ты?..».	I, 101
«Караван мой бренчит и плетется...» Из Исаакяни . . .	III, 394
«Карнавал, вертлявый бес...» (Песенка для Герардб). Из Сема Бенелли	III, 412
«Начаюсь на верхней ветке...» (Летний день в Канга- сала). Из Топелиуса	III, 409
Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») . . .	II, 207
«Когда в листе сырой и ржавой...»	II, 263
«Когда, вступая в мир огромный...»	III, 73
«Когда вы стоите на моем пути...»	II, 288
«Когда гляжу в глаза твои...» (Песня Фаины) . . .	II, 284

«Когда докучливые стоны...»	I, 442
«Когда же смерть? Я всё перестрадал...»	I, 338
«Когда замрут отчаянье и злоба...»	III, 129
«Когда кончается тетрадь моих стихов...»	I, 419
«Когда мучительно восстали...»	III, 183
«Когда мы встретились с тобой...»	III, 94
«Когда мы любим безотчетно...»	I, 402
«Когда невзначай в воскресенье...»	III, 49
«Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...»	I, 373
«Когда осилила тревога...»	III, 53
«Когда отдамся чувствам страстным...»	I, 453
«Когда под заступом холодным...» (На смерть младенца)	III, 70
«Когда с безжалостным страданьем...»	I, 445
«Когда святого забвения...»	I, 196
«Когда смыкаешь ты ресницы...»	I, 507
«Когда страшись смерти скорой...» (Сиенский собор)	III, 114
«Когда-то в этом зале...» <i>Из Гейне</i>	III, 384
«Когда-то гордый и надменный...»	III, 194
«Когда-то долгие печали...»	I, 352
«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»	I, 18
«Когда торжественно тщеславный кесарь Рима...» (Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей). <i>Из Байрона</i>	II, 357
«Когда я был ребенком, — лес ночной...»	I, 416
«Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...»	I, 391
«Когда я вышел — были зори...»	I, 496
«Когда я одинок и погружен в молчанье...»	I, 464
«Когда я прозревал впервые...»	III, 71
«Когда я создавал героя...»	II, 134
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»	I, 281
«Когда я уйду на покой от времен...»	I, 296
Колыбельная песня («Спят луга, спят леса...»)	II, 314
«Кольцо существованья тесно...»	III, 78
Комета («Ты нам грозишь последним часом...»)	III, 135
«Кому назначен темный жребий...» (Усталость)	II, 128
«Кончил учитель урок...» (Учитель)	II, 321
Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки!..»)	II, 54
Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...»)	II, 55

Королевна («Не было и нет во всей подлунной...») .	II, 340
«Королевна жила на высокой горе...» (Влюбленность)	II, 61
Корреспонденция Бальмонта из Мексики («Я бандит, я бандит...»)	II, 361
Коршун («Чертя за кругом плавный круг...»)	III, 281
«Косы Мэри распущены...»	III, 166
Кошмар («Я проснулся внезапно в ночной ти- шине...»)	I, 432
«Красавица рыбачка...» <i>Из Гейне</i>	III, 380
«„Красота страшна“ — Вам скажут...» (Анне Ахмато- вой)	III, 143
«Кругом далекая равнина...»	I, 122
«Крыльцо Ее словно папёрть...»	I, 299
Крылья («Крылья легкие раскину...»)	II, 221
«Кто заметил огненные знаки...»	I, 529
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...»	I, 183
«Кто-то вздохнул у могилы...»	I, 357
«Кто-то с богом шепчется...»	I, 171
«Кто-то шепчет и смеется...»	I, 89
«Курятся алтари, дымят паникадила...»	I, 59
Л. В. Ходскому («Ты негодуешь справедливо...») . . .	I, 555
L'amitié est l'amour sans ailes («К чему скорбеть боль- ной душою...»). <i>Из Байрона</i>	II, 350
«Лазурью бледной месяц плыл...»	II, 181
Лебедь («Июньский вечер в облаках...»). <i>Из И. Ру- неберга</i>	III, 405
Легенда («Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..»)	II, 167
«Лежат холодные туманы...» (Ночь на Новый год) . .	I, 154
«Лениво и тяжело плывут облака...»	I, 37
«Леса вдаль виднее...» (На лугу)	III, 367
Летний вечер («Последние лучи заката...»)	I, 334
Летний день в Кангасала («Качаюсь на верхней ветке...»). <i>Из Топелиуса</i>	III, 409
«Летун отпущен на свободу...» (Авнатор)	III, 33
«Лишь заискрится бархат небесный...»	II, 319
«Ловлю дрожащие, хладеющие руки...»	I, 357
«Ловлю я тонкий прах надежды...»	I, 134
«Ловя мгновенья сумрачной печали...»	I, 329
«Лошадь влекли под уздцы на чугунный...» (Статуя)	I, 310

«Луна взошла. На вздох родимый...» (Заклинание)	I, 534
«Луна проснулась. Город шумный...»	I, 13
«Любви и светлой, и туманной...» (Две любви)	I, 348
«Любил я нежные слова...»	I, 230
«Люблю высокие соборы...»	I, 187
«Люблю. Начертаны святые письма...»	I, 418
«Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...» (Ангел-Хранитель)	II, 102
«Люблю я страсти легкий пламень...»	III, 366
«Любовник, вышедший для брани...»	I, 480
Любовь и смерть («Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо...»). <i>Из Байрона</i>	II, 354
«Любопытство напрасно глазело...»	I, 526
Люсьетта («Люсьетта, голубка...»). <i>Из Байрона</i> . . .	II, 354
«Маг, простерт над миром брений...» (Ночь)	II, 48
Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...»)	III, 111
«Май жестокий с белыми ночами!..»	III, 161
«Маленькому зайчику...» (Зайчик)	II, 323
«Мальчики да девочки...» (Вербочки)	II, 95
Марш мертвецов («Упорной колонной мы строимся там...»). <i>Из Н. Рунберга</i>	III, 406
«Маска открыла блестящие зубы...»	II, 326
«Медленно в двери церковные...»	I, 133
«Медленно, тяжело и верно...»	I, 69
«Медлительной чредой писходит день осенний...» . .	I, 34
«Между страданиями земными...»	I, 402
«Меня бессонница томила...»	I, 416
«Меня пытали в старой вере...»	II, 336
«Мерцали звезды. Ночь курилась...»	I, 412
«Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...» (Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу). <i>Из Байрона</i>	II, 353
«Месяц вышел, солнца нет...»	I, 517
«Мечтать о небесном царстве...» (Земля есмь). <i>Из Тегенгрена</i>	III, 411
«Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит...» <i>Из Горацля</i>	I, 541
«Милая дева! Когда мы про тайны мирские...» . . .	I, 410
«Милая девушка, что ты колдуешь...»	III, 370

«Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...»	
(Скифы)	III, 360
«Милый брат! Завечерело...»	II, 91
«Милый друг, и в этом тихом доме...»	III, 286
«Милый друг! Ты юною душою...»	I, 16
«Миновали случайные дни...» (Ночная Фиалка)	II, 26
«Миры летят. Года летят. Пустая...»	III, 41
Митинг («Он говорил умно и резко...»)	II, 172
Млечный Путь («Погашен в лампе свет, и ночь спо- койна и ясна...»). <i>Из Топелиуса</i>	III, 408
«Мне битва сердце веселит...»	I, 146
«Мне в душу просится бывшее...»	I, 421
«Мне гадалка с морщинистым ликом...»	I, 305
«Мне грезится: вечер мирен и тих...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 391
«Мне сердце режет каждый звук...»	I, 386
«Мне снилась смерть любимого созданья...»	I, 12
«Мне снилась снова ты, в цветах, па шумной сцене...»	I, 14
«Мне снились веселые думы...»	I, 271
«Мне снилось недавно. Как будто в театральном...»	III, 416
«Мне странно. Столько долгих лет...»	I, 439
«Мне страшно с Тобой встречаться...»	I, 237
«Мне страшно. Чую приближенье...»	I, 440
«Мне трижды дано воспрянуть...»	I, 536
«Много хотел я с тобой говорить...»	I, 437
«Многое замолкло. Многие ушли...»	I, 367
«Моей красавице-царице...»	I, 390
М о е й м а т е р и (2 стихотворения). <i>Из Исаакяна</i>	III, 390
Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небес- ной...»)	I, 7
Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...»)	II, 57
Моей матери («Спустилась мгла, туманами чре- вата...»)	I, 31
Моей матери («Тихо. И будет всё тише...»)	II, 72
Моей матери («Чем больней душе мятежной...»)	I, 83
«Мои грехи тяжеле бед...»	I, 535
«Мои печальные порывы...»	I, 429
«Мой бедный, мой далекий друг!...»	III, 82
«Мой вечер близок и безволен...»	I, 179
«Мой любимый, мой князь, мой жених...»	I, 315
«Мой месяц в царственном зените...»	I, 291
«Мой милый, будь смелым...»	III, 177

«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...»	I, 67
«Мой остров чудесный...»	I, 530
«Мой путь страстями затемнен...»	I, 350
«Молитву тайную твори...»	I, 98
М о л и т в ы (5 стихотворений)	I, 316
«Молодая луна родилась...»	I, 418
Молодость («Воспоминанье жизни сонной...»)	I, 408
«Молчи, как встарь, скрывая свет...»	I, 148
«Молчу и сумрачно гляжу...»	I, 433
Монолог Изумруда («Ваш умный спор, синьоры, беспо- лезен...»). <i>Из Сема Бенелли</i>	III, 412
«Мою гармонию больную...»	I, 420
«Моя душа в смятении страха...»	I, 516
«Моя душа — страна волшебных дум...»	I, 407
«Моя сказка никем не разгадана...»	I, 531
«Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...»	I, 330
«Муза в уборе весны постучалась к поэту...»	I, 377
«Мчит меня мертвая сила...»	I, 352
«Мы были вместе, помню я...»	I, 404
«Мы в круге млечного пути...»	II, 315
«Мы в храме с тобою — одни, смущены...»	I, 494
«Мы вместе ждали смерти или сна...» (На смерть деда)	I, 202
«Мы всё простим — и не нарушим...»	I, 172
«Мы все уйдем за грань могил...»	I, 451
«Мы встретились с тобою в храме...» (Холодный день)	II, 191
«Мы встречались с тобой на закате...»	I, 194
«Мы всюду. Мы нигде. Идем...»	I, 247
«Мы выйдем в сад с тобою, скромной...» (Иванова ночь)	II, 96
«Мы, два старца, бредем одинокие...»	I, 153
«Мы живем в старинной келье...»	I, 169
«Мы забыты, одни на земле...»	III, 282
«Мы истомились в безмерности...»	I, 503
«Мы ли — пляшущие тени?...» (Смятение)	II, 248
«Мы не торопимся заране...»	I, 452
«Мы оба влюблены в один и тот же сон...»	I, 533
«Мы отошли и стали у кормила...»	I, 189
«Мы отошли — и тяжело поднимали...»	I, 255
«Мы подошли — и воды синие...»	II, 94

«Мы пойдем на „Зобеиду“...»	II, 365
«Мы преклонились у завета...»	I, 160
«Мы проснулись в полном забвении...»	I, 525
«Мы рождены; вдыхаем жадно...» (Жизнь)	I, 428
«Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»	III, 250
«Мы странствовали с Ним по городам...»	I, 176
«Мы устали. Довольно. Вперед и вперед...»	I, 434
«Мы — чернецы, бредущие во мгле...»	I, 360
«Мы шли заветною тропою...»	I, 490
«Мы шли на Лидо в час рассвета...»	I, 304
«Мысли мои утопают в бессилии...»	I, 523
М э р и (3 стихотворения)	III, 165
Мэри («Ты отличишь ее на пире...»)	I, 422
Н. И. Кауфману («...Но в тумане улицы длинной...»)	I, 555
«На Вас было черное закрытое платье...»	I, 280
«На весенней проталинке...» (Болотный попик)	II, 14
«На весеннем пути в теремок...»	II, 16
«На весенний праздник света...»	I, 165
На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохновенью...»)	I, 334
«На гладях бесконечных вод...» (Гамаюн, птица вещая)	I, 19
«На дальнем горизонте...» <i>Из Гейне</i>	III, 382
На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...»)	III, 260
На зов метелей («Белоснежней не было зим...»)	II, 219
На лугу («Леса вдали виднее...»)	III, 367
На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...»)	I, 485
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»	I, 49
«На небе — празелень, и месяца осколок...»	III, 229
«На небесах горят Ее престолы...»	I, 486
«На обряд я спешил погребальный...»	I, 363
На островах («Вновь оснеженные колонны...»)	III, 20
На Пасхе («В сапогах бутылками...»)	III, 193
«На перекрестке...»	II, 8
На поле Куликовом (5 стихотворений)	III, 249
На поле Куликовом (2 стихотворения)	III, 373
«На разукрашенную елку...» (Сусальный ангел)	III, 133
«На ржавых петлях открываю ставни...»	I, 199

На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера («Пусть прелесть матери с умом отца...»). <i>Из Байрона</i> . . .	II, 356
«На серые камни ложилась дремота...»	II, 203
На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...») . . .	I, 202
На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полу- ночной...»)	III, 190
На смерть младенца («Когда под заступом холодным...») . . .	III, 70
На снежном костре («И взвился костер высокий...») . . .	II, 252
На страже («Я — непокорный и свободный...»)	II, 215
«На темном пороге тайком...»	I, 180
«На улице — дождик и слякоть...»	III, 155
На чердаке («Что на свете выше...»)	II, 205
«На юге Франции далекой...»	I, 453
Набросок («Надо мной гроза гремела...»)	I, 389
«Навстречу вешнему расцвету...»	I, 351
«Над гладью озёрных огней...»	I, 395
«Над лучшим созданием божьим...»	III, 58
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») . . .	II, 299
«Над синевой просторной дали...»	I, 350
«Над старым мраком мировым...»	I, 335
«Над черной слякотью дороги...» (Балаган)	II, 123
«Над этой осенью — во всем...»	I, 289
«Надежды трепетной моей...»	I, 412
«Надо мной гроза гремела...» (Набросок)	I, 389
Накануне XX века («Влачим мы дни свой уныло...») . . .	I, 429
Накануне Иванова дня («Накануне Иванова дня...») . . .	I, 416
«Нам довелось еще подняться...»	I, 531
«...Напомнив призраки былого...» (Две души)	I, 415
«Напрасно, дева, ты бежала...»	I, 341
«Напрасно я боролся с богом...»	I, 347
«Народилась волна...»	I, 435
«На море примчал к земле одичалой...» (Голос в тучах)	II, 52
«На старость грустная настигнет без труда...»	I, 474
Насмешница («Подвела мне брови красным...»)	II, 244
«Настал желанный час. Природа...»	I, 423
Настигнутый метелью («Выюга пела...»)	II, 217
«Наступает пора небывалая...»	I, 475
«Натянулись гитарные струны...»	III, 213
Наш край («Наш край, наш край, наш край род- ной...»). <i>Из И. Рунеберга</i>	III, 403

«Не бойся умереть в пути...»	I, 203
«Не было и нет во всей подлунной...» (Королева) .	II, 340
«Не в земной темнице душевной...» (Ее песни)	II, 220
«Не венчал мою голову траурный лавр...»	III, 178
«Не глядись в черный взор...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 397
«Не доверяй своих дорог...»	I, 50
«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» . .	I, 115
«Не жди последнего ответа...»	I, 113
«Не затем величал я себя паладином...»	III, 169
«Не знаю тебя и не встречу...»	I, 509
«Не знаю, что значит такое...» <i>Из Гейне</i>	III, 378
«Не легли еще тени вечерние...»	I, 29
«Не лукавь же, себе признаваясь...» (Испанке) . . .	III, 204
«Не мани меня ты, воля...»	II, 77
«Не могу тебя не звать...»	II, 340
«Не на простых крылах, на мощных я взлечу...» <i>Из</i> <i>Горация</i>	I, 541
Не надо («Не надо кораблей из дали...»)	II, 224
«Не нарушай гармонии моей...»	I, 464
«Не отравляй души своей...»	I, 348
«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...»	I, 114
«Не поймут бескорбные люди...»	I, 167
«Не презирай воспоминаний...»	I, 438
«Не презирайте, бога ради...»	I, 399
«Не призывай. И без призыва...» (Servus—Reginae).	I, 30
«Не призывай и не сули...»	I, 47
Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...») .	II, 209
«Не проливай горячих слез...»	I, 23
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» . . .	I, 97
«Не спят, не помнят, не торгуют...»	III, 89
Не страшусь («Не страшусь, пускай могила...»). <i>Из</i> <i>Онерва</i>	III, 403
«Не строй жилищ у речных излучин...»	II, 65
«Не ты ли душу оживишь?..» (Неведомому богу) . .	I, 28
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»	I, 109
«Не утоленная кровавыми струями...»	I, 55
«Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом...»	I, 471
«Небесное умом не измеримо...»	I, 91
Неведомому богу («Не ты ли душу оживишь?..») . .	I, 28
Невидимка («Веселье в ночном кабаке...»)	II, 170
«Недосказанной речи тревогу...»	I, 481

«Нежный! У ласковой речки...»	II, 45
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») . . .	II, 185
Неизбежное («Тихо вывела из комнат...»)	II, 246
«Неизмеримость гасит луны...»	I, 537
«Немало времени прошло уже с тех пор...»	I, 330
Н е н у ж н а я в е с н а (3 стихотворения)	II, 331
Неокопченная поэма («Я видел огненные знаки...») .	II, 311
«Неомраченный дух прими для лучшей доли...» . . .	I, 487
«Неотвязный стоит на дороге...»	I, 147
«Непонятною тоскою...» (Отрывок)	I, 412
«Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»	I, 366
«Нет имени тебе, мой дальний...»	II, 110
Нет исхода («Нет исхода из выюг...»)	II, 250
«Нет исхода выюгам певучим!..» (Голоса)	II, 232
«Нет исхода из выюг...» (Нет исхода)	II, 250
«Нет, клянусь, довольно Роза...» (Стихи о предметах первой необходимости)	III, 426
«Нет конца лесным тропинкам...»	I, 124
«Нет ни слезы, ни дерзновенья...»	I, 349
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» . . .	III, 239
«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»	I, 528
«Никогда не забуду (он был, или не был...» (В ресто- ране)	III, 25
«Никто не скажет: я безумен...» (Инок)	II, 283
«Никто не умирал. Никто не кончил жить...»	I, 527
«Нисходит сумрак ночи бледной...»	I, 449
«Но в камине дозвенели...» (В углу дивана)	II, 240
«...Но в тумане улицы длинной...» (Н. И. Кауфману)	I, 555
«Но прощай, о, прощай, человеческий род!..»	I, 485
Новая Америка («Праздник радостный, праздник ве- ликий...»)	III, 268
«Новый блеск излило небо...»	I, 456
Noli tangere circulos meos («Символ мой знаком отме- тить...»)	I, 364
«Ночи стали тоскливее...»	I, 516
Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...»)	I, 318
Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так яростен...»)	I, 317
Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...»)	II, 26
«Ночной туман застал меня в дороге...»	I, 337
Ночь («Маг, простерт над миром брений...»)	II, 48
«Ночь всё темней и благовонней...»	I, 399

«Ночь. Город утомился...»	II, 196
«Ночь грозой бушевала, и молний огни...»	I, 58
«Ночь — как века, и томный трепет...»	III, 57
«Ночь — как ночь, и улица пустынна...»	III, 68
«Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни...»	I, 370
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...»)	I, 154
«Ночь теплая одела строва...»	I, 340
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»	III, 37
«Ночью в саду у меня...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 398
«Ночью вьюга снежная...»	I, 144
«Ночью пыльной легла...»	II, 317
«Ночью сумрачной и дикой...»	I, 85
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	III, 46
«Ныне, полный блаженства...»	I, 79
«О, весна без конца и без краю...»	II, 272
«О да, любовь вольна, как птица...»	III, 237
«О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...» (Георгу, графу Делавару). <i>Из Байрона</i>	II, 348
«О, Дева, иду за тобой...» (Деве-Революции)	II, 324
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	III, 64
«О жизни, догоревшей в хоре...»	II, 119
«О, как безумно за окном...»	I, 432
«О, как смеялись вы над нами...»	III, 90
«О легендах, о сказках, о мигах...»	I, 521
«О легендах, о сказках, о тайнах...»	I, 225
«О, наконец! Былой тревоге...» (Песня за стеной)	I, 442
«О, не просите скорбных песен!..»	I, 397
«О, не смотри в глаза моп с укором...»	I, 446
«О, не тебя люблю глубоко...»	I, 340
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»	III, 147
«О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...»	III, 55
«О, презирать я вас не в силах...»	I, 402
«О, светоносные стебли морей, маяки!..» (Корабли идут)	II, 54
О смерти («Всё чаще я по городу брожу...»)	II, 295
«О, только б огонь этих глаз целовать...» (Подражание Катулле). <i>Из Байрона</i>	II, 346
«О, что мне закатный румянец...»	II, 278
«О, я хочу безумно жить...»	III, 85
«Облака небывалой услады...»	I, 300

«Облит последними лучами...»	I, 454
Обман («В пустом переулке весенние воды...») . . .	II, 146
Обреченный («Тайно сердце просит гибели...»)	II, 249
«„Обыкновенная“ сегодня в духе...» (Стихи)	I, 551
«Один порыв — безвластный и плакучий...»	I, 138
«Один среди вас, но родной, но чужой...»	I, 535
«Одинокий, к тебе прихожу...»	I, 93
«Одинокий, одичалый...» (Валкирия)	I, 349
«Одинокое боярин подъехал к воде...»	I, 417
«Одинокое плыла по лазури луна...» (Дума)	I, 380
Одиночество («Река несла по ветру льдины...»)	I, 335
«Одна мне осталась надежда...» (Окна во двор)	II, 198
«Однажды в октябрьском тумане...» (Двойник)	III, 13
«Одной тебе, тебе одной...»	I, 327
Ожидание («Дни текут молчаливо...»)	I, 477
«Озарен таинственной улыбкой...»	I, 484
«Окаймлен летучей пеной...» (Рабочие на рейде) . . .	II, 50
«Океан дремал зеркальный...» (Корабли пришли) . . .	II, 55
Окна во двор («Одна мне осталась надежда...»)	II, 198
«Окна ложные на небе черном...»	III, 108
«Окрай небес — звезда омега...»	I, 15
«Он входил простой и скудный...»	I, 226
«Он вчера нашептал мне много...» (Песня Офелии) . . .	I, 243
«Он говорил умно и резко...» (Митинг)	II, 172
«Он занесен — сей жезл железный...»	III, 223
«Он спит, пока закат румян...» (Петр)	II, 141
«Он у окна съедал свои котлеты...» (К. Бальмонт) . . .	I, 555
«Он уходил, а там глубоко...»	I, 470
«Он шел на отдых. Новый день...»	I, 451
«Она была — Заря Востока...»	I, 494
«Она веселой невестой была...»	II, 63
«Она ждала и билась в смертной муке...»	I, 256
«Она, как прежде, захотела...»	III, 67
«Она молода и прекрасна была...»	I, 8
«Она поет в печной трубе...» (Песенка)	II, 166
«Она прекрасна — нет сомненья...»	I, 425
«Она пришла из дикой дали...» (Снежная Дева)	II, 267
«Она пришла с заката...»	II, 136
«Она пришла с мороза...»	II, 290
«Она росла за дальними горами...»	I, 103
«Она стройна и высока...»	I, 221

«Они говорили о ранней веспе...»	I, 487
«Они давно меня томили...» (Сытые)	II, 180
«Они живут под серой тучей...»	I, 522
«Они звучат, они ликують...»	I, 92
«Они идут — туманные...»	I, 504
«Они расстались без печали...»	I, 455
Они читают стихи («Смотри: я спутал все страни- цы...»)	II, 245
«„Опрокинут, канул в бездну“...» (⟨Андрею Белому⟩)	I, 553
«Опустишь, занавеска линиялая...»	III, 176
«Опять воскрешает мне память...» <i>Из Гейне</i>	III, 388
«Опять, как в годы золотые...» (Россия)	III, 254
«Опять над полем Куликовым...»	III, 252
«Опять с вековой тоскою...»	III, 251
«Опять у этой двери...»	III, 165
«Опять я еду чистым полем...» (Еще воспоминание) . .	I, 414
«Осанна! Тыходишь в терем!..» (7—8 ноября 1902 года)	I, 523
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	III, 42
«Осенний вечер так печален...»	I, 396
Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») . . .	III, 257
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взо- рам...»)	II, 75
О с е н н я я л ю б о в ь (3 стихотворения)	II, 263
«Осень поздняя. Небо открытое...»	II, 22
«Оставь меня в моей дали...»	II, 78
«От алой розы, розы любви...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 397
«От знающего почерк ясный...»	III, 371
«От родимой страны удалился...» (Моей матери). <i>Из Исаакяна</i>	III, 390
«От века люди служат богу...» («Погопя за счастьем»)	I, 438
Ответ («Сквозь тонкий пар сомнения...»)	I, 537
«Отворяются двери — там мерцанья...»	I, 272
«Отдавшись снежной вьюге...»	II, 330
«Отдых напрасен. Дорога крута...» (Вступление) . .	I, 74
«Отзвучала гармония дня...»	I, 470
«Открою ль, дерзновенный...» <i>Из Мюссе</i>	I, 543
«Открыл окно. Какая хмурая...» (В октябре)	II, 193
«Открыли дверь мою метели...» (Второе крещение) .	II, 216
«Открыт паноптикум печальный...» (Клеопатра) . . .	II, 207
«Отрекись от любимых творений...»	I, 64

Отрывок («Бесплодные места, где был я сердцем мол- лод...»). <i>Из Байрона</i>	II, 348
Отрывок («Непонятною тоскою...»)	I, 412
«Отсеребрилась, отзвучала...»	II, 331
«Отчего я задумчив хожу...»	I, 430
Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я по- дойду...»)	I, 526
«Офелия в цветах, в уборе...»	I, 390
«Очарованный вечер мой долог...»	I, 532
Памяти А. А. Фета («Шепчутся тихие волны...») . . .	I, 395
Перед грозой («Закат горел в последний раз...») . .	I, 424
Перед судом («Что же ты потупилась в смущении?..») III, 151	
«Передвечернею порою...»	II, 189
«Передо мной — моя дорога...»	I, 520
«Перехожу от казни к казни...»	II, 274
Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...») II, 179	
Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») . . III, 105	
Песельник («Я — песельник. Я девок вывожу...») . .	II, 335
Песенка («Она поет в печной трубе...»)	II, 166
Песенка («Что, красавица, довольно ты царила...») I, 392	
Песенка Дездемоны («В тени сикоморы душа, изны- вая...»). <i>Из Шекспира</i>	III, 414
Песенка для Герардо («Карнавал, вертлявый бес...»). <i>Из Сема Бенелли</i>	III, 412
Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...») . III, 15	
Песнь к сулиотам («Дети Сули! Киньтесь в битву...»). <i>Из Байрона</i>	II, 355
Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...») . .	I, 442
Песня матросов («Подарило нам море...»)	II, 52
Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») .	I, 243
Песня Офелии («Разлучаясь с девою милой...») . . .	I, 17
Песня Фаины («Когда гляжу в глаза твои...») . . .	II, 284
«Петербургские сумерки снежные...»	III, 216
Петр («Он спит, пока закат румян...»)	II, 141
«Петроградское небо мутилось дождем...»	III, 275
«Петуха упустила старушка...» (Сказка о петухе и ста- рушке)	II, 89
«Печальная блеклая роза...»	I, 377
«Писать ли Вам, что тайный пламень...»	I, 394
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»	I, 306

«Племена уходят в могилу...» <i>Из Гейне</i>	III, 383
«Плоды неизведанной страсти...»	I, 433
Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...»)	II, 24
П л я с к и с м е р т и (5 стихотворений)	III, 36
«По берегу плелся больной человек...»	I, 311
«По вечерам над ресторанами...» (Незнакомка)	II, 185
«По городу бегал черный человек...»	I, 278
«По зеленым обрывам...»	II, 317
По православному («Ты не получишь воздаянья...»)	II, 339
«По темному саду брожу я в тоске...»	I, 377
«По узким площадям ловил я тень девицы...»	I, 508
«По улицам метель метет...»	II, 277
Победа («Пою дитя любви, вождя войны кровавой...») . <i>Из Байрона</i>	II, 356
«Побывала старушка у Троицы...» (Старушка и чертенята)	II, 20
«Поверь, и я, далекий света...»	I, 471
«Повеселясь на буйном пире...»	III, 35
Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...»)	II, 163
«Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна...» (Млечный Путь). <i>Из Топелиуса</i>	III, 408
«Погибло всё. Палящее светило...»	I, 52
«Поглядите, вот бессильный...»	III, 48
«Погоня за счастьем» («Отвека люди служат богу...»)	I, 438
«Погружался я в море клевера...»	I, 265
«Под алмазным венцом...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 393
«Под величавые раскаты...» (После грозы)	I, 453
«Под ветром холодные плечи...»	II, 264
«Под вечер лет с немым вниманьем...»	I, 459
«Под зноем флорентийской лени...»	III, 108
Под масками («А под маской было звездно...»)	II, 236
«Под насыпью, во рву некошенном...» (На железной дороге)	III, 260
«Под старость лет, забыв святое...» (Старик)	I, 223
«Под шум и звон однообразный...»	III, 9
«Подарило нам море...» (Песня матросов)	II, 52
«Подвела мне брови красным...» (Насмешница)	II, 244
«Поднимались из тьмы погребов...»	II, 153
Подражание («Сновидец в розовой дремб...»)	II, 316

Подражание Катуллу («О, только б огонь этих глаз целовать...»). <i>Из Байрона</i>	II, 346
Подражание Тибуллу («Серинф жестокий! Ты ль невер- ным сердцем рад...»). <i>Из Байрона</i>	II, 346
«Подумай о подземном шуме...»	I, 517
Поединок («Дни и ночи я безволен...»)	II, 144
«Поет, краснея, медь. Над горном...»	II, 42
«Поет, поет...»	III, 284
Пожар («Понеслись, блеснули в очи...»)	II, 201
«Позволь и мне сторгать душою...» (Артистке)	I, 460
«Поздней осенью из гавани...»	III, 19
«Поздним вечером ждала...» (Не пришел на свиданье)	II, 209
«Поздно. В окошко закрытое...»	I, 500
«Пойдем купить нарядов и подарков...»	I, 546
«Пойми же, я спутал, я спутал...»	II, 275
«Пока спокойною стою...»	I, 32
«Поклонник эллинов — я лиру забывал...»	I, 61
«Покойник спать ложится...»	III, 179
«Покраснели и гаснут ступени...»	I, 253
«Полна усталого томленья...»	I, 345
«Полный месяц встал над лугом...»	I, 6
«Полон визга веретен...»	II, 313
«Полюби эту вечность болот...»	II, 17
«Помните день безотрадный и серый...»	I, 406
«Помнишь думы? Они улетели...» (Моей матери)	II, 57
«Помнишь ли город тревожный...»	I, 26
«Помню далекое светлое лето...»	I, 439
«Понеслись, блеснули в очи...» (Пожар)	II, 201
«Пора вернуться к прежней битве...»	I, 63
«Пора забыться полным счастья сном...»	I, 328
«Пора сместить!..» (Трагедия в одном действии)	I, 549
«Порою в воздухе, согретом...» (Аметист)	I, 459
«Порою вновь к твоим ногам...»	I, 456
«Порою мне любовь сулят...»	I, 407
Посвящается Мэрион («Что ты, Мэрион, так грустна?...»).	
<i>Из Байрона</i>	II, 347
П о с в я щ а ю т с я (3 стихотворения)	I, 555
Посвящение («Встали надежды пророка...»)	I, 478
Посещение («То не ели, не тонкие ели...»)	III, 262
«Посеял я двенадцать маков...» (Правдивая история, или Вот что значит жить за границей!)	I, 552

После битвы («Я возвращусь стопой тяжелой...») . . .	I, 463
После грозы («Под величавые раскаты...»)	I, 453
После дождя («Сирени бледные дождем к земле при- биты...»)	I, 411
Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») III, 272	
«Последние лучи заката...» (Летний вечер)	I, 334
Последний день («Ранним утром, когда люди лени- лись шевелиться...»)	II, 139
«Последний пурпур догорал...»	I, 54
Последний путь («В снежной пене — предзакат- ная...»)	II, 214
Последняя часть философской поэмы («Ты, о, Афина бессмертная...»)	I, 467
«Посмотри на альбатроса...» («Из Бодлэра»)	I, 554
«—Посмотри, подруга, эльф твой...» (Бледные ска- занья)	II, 237
«Потемнели, поблекли залы...»	I, 263
«Потеха! Рокочет труба...»	II, 66
«Похоронят, заруют глубоко...»	III, 154
«Почует в мире Теодорих...»	III, 100
Поэма («Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев...»)	I, 374
Поэма философская (3 стихотворения)	I, 461
Поэт («Сидят у окошка с папой...»)	II, 69
«Поэт в изгнании и в сомненьи...»	I, 42
«Поэт, тебе ли покарать...»	I, 401
Поэту («Я встретил вновь тебя, поэт...»)	I, 413
Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») . . III, 127	
«Пою дитя любви, вождя войны кровавой...» (Победа). <i>Из Байрона</i>	II, 356
«Права русского историю...»	I, 547
Правдивая история, или Вот что значит жить за гра- ницей! («Посеял я двенадцать маков...»)	I, 552
«Праздник радостный, праздник великий...» (Новая Америка)	III, 268
«Превратила всё в шутку сначала...»	III, 219
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	I, 94
Преображение («Разверзаются туманы...»)	I, 475
«При жолтом свете веселились...»	I, 224
При посылке роз («Смотрел отвеча бог лукавый...») . . I, 353	
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» III, 265	

«Приветный Лель, не жду рассвета...»	I, 448
«Придут незаметные белые ночи...»	II, 129
«Прижмись ко мне крепче и ближе...» (Демон) . . .	III, 26
«Признак истинного чуда...»	I, 116
«Прикорнувши под горою...»	I, 551
«Природы вечера могучей...»	I, 426
«Прискакала дикой степью...»	II, 86
«Прислушайся к земле в родных полях...» (Смерть) . .	I, 458
«Пристал ко мне нищий дурак...»	III, 50
«Пристань безмолвна. Земля близка...»	I, 285
«Пришла порою полуночной...» (На смерть Коммиссаржевской)	III, 190
«Приявший мир, как звонкий дар...»	II, 273
«Пробивалась певучим потоком...»	I, 201
Продолжение «Стихов о предметах первой необходимости» («Скользили мы путем трамвайным...») . . .	III, 427
«Прозрачные, неведомые тени...»	I, 107
«Пройдет зима — увидишь ты...»	I, 126
Проклятый колокол («Вёсны и зимы меняли убрaство...»)	II, 118
Пролог («Чуть не в каждой галлерее...»). <i>Из Гейне</i>	III, 389
«Пророк земли — венец творенья...»	I, 455
«Прости. Я холодность заметил...»	I, 517
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...»	I, 279
«Протекли за годами года...»	III, 225
«Протянуты поздние нити минут...»	I, 539
«Проходил я холодной равниной...»	I, 513
«Проходишь ты в другие дали...»	I, 493
«Проходят сны и женственные тени...»	I, 499
Прочь! («И опять открыли солнца...»)	II, 227
«Прошедших дней немеркнущим сияньем...»	I, 46
«Прошли года, но ты — всё та же...»	II, 101
«Прощай. В последний раз жестоко...»	I, 449
«Прощайте. Дайте руку Вашу...» (Этюд)	I, 372
«Прощались мы в аллее дальней...»	I, 422
«Пустая улица. Один огонь в окне...»	III, 38
«Пусть прелесть матери с умом отца...» (На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера). <i>Из Байрона</i> .	II, 356
«Пусть рассвет глядит нам в очи...»	I, 328
«Пусть светит месяц — ночь темна...»	I, 3
«Пусть это время далекó...» (Антверпeц)	III, 153

«Пусть я и жил, не любя...»	III, 224
«Пусть я покину этот град...»	I, 344
«Путник, рощи...»	I, 393
Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») .	III, 376
«Пытался сердцем отдохнуть я...»	I, 211
«Пять изгибов сокровенных...»	I, 468
«Работай, работай, работай. .»	II, 281
Рабочая песня («Рабочие-друзи, наш радостен труд...»). Из <i>Топелиуса</i>	III, 407
Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...»)	II, 50
Равенна («Всё, что мпнутно, всё, что бренно...») . .	III, 98
«Разбушуются бури, прольются дожди...»	I, 530
«Разверзаются туманы...» (Преображение)	I, 475
«Разверзлось утреннее око...»	I, 39
«Разгадал я, какие цветы...»	I, 364
«Разгораются тайные знаки...»	I, 236
«Разлетаясь по всему небосклону...»	III, 222
«Разлучаясь с девой милой...» (Песня Офелии)	I, 17
«Ранний час. В пути незрима...»	I, 128
«Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...» (Последний день)	II, 139
«Распаленная зноем июльская ночь...»	I, 411
«Распушилась, раскачнулась...»	III, 370
Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...»)	II, 56
Рассвет («Я встал и трижды поднял рукп...»)	I, 368
«Рейн — чудесная река...» (Впечатления Рейна)	I, 545
«Река песла по ветру льдины...» (Одиночество)	I, 335
«Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»	III, 249
Реквием («Сон мой храните, возницы!..»). Из <i>Плудониса</i>	III, 399
<i>Religio</i> (2 стихотворения)	I, 230
«Ризу накрест обвязав...» (Сочельник в лесу)	III, 368
«Рожденные в года глухие...»	III, 278
Рождество («Звонким колокол ударом...»)	II, 328
«Рожь вокруг волновалась ... и шелест стеблей...»	I, 370
Роза и соловей («Блеклая роза печально дышала...») .	I, 378
«Розы в лазури. Пора!..» (Видение)	I, 473
Россия («Опять, как в годы золотые...»)	III, 254
Русский бред («Зачинайся, русский бред...»)	III, 372
Русь («Ты и во сне необычайна...»)	II, 106
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» . . .	III, 259

«С вечерним озером я разговор веду...» (Над озером) . . .	II, 299
«С детских лет — видения и грезы...» (Благовеще- ние)	III, 118
«С каждой весною пути мои круче...»	II, 132
«С мирным счастьем покончены счеы...»	III, 22
«С ней уходил я в море...»	III, 102
«Сама судьба мне завещала...»	I, 21
«Сбежал с горы и замер в чаще...»	I, 206
«Сбылось пророчество мое...»	I, 82
«Сверкни, последняя игла...» (Сердце предано ме- тели)	II, 251
«Свет в окошке шатался...»	I, 210
«Светлый сон, ты не обманешь...»	I, 313
«Свирель запела на мосту...»	III, 158
«Свобода смотрит в синеву...»	I, 228
«Свободны дали. Небо открыто...»	II, 320
«Своим письмом напрасно...» <i>Из Гейне</i>	III, 389
«Своими горькими слезами...»	II, 293
«Священный голос ликовал...»	I, 514
«Сгущался мрак церковного порога...»	I, 157
«Сегодня в ночь одной тропею...»	I, 41
«Сегодня образ твой чудесен...»	I, 512
«Сегодня ты на тройке звонкой...»	III, 196
«Сегодня шла Ты одиноко...»	I, 102
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..»)	III, 207
«Седые сумерки легли...»	III, 23
7—8 ноября 1902 года («Осанна! Ты входишь в те- рем!..»)	I, 523
Servus—Reginae («Не призывай. И без призыва...»)	I, 30
«Сердито волновалась нивы...»	I, 367
«Сердитый взор бесцветных глаз...»	III, 233
Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...»)	II, 251
«Сердце, слышишь...» (Тревога)	II, 225
«Серебристым, снежным хмелем...»	II, 329
«Серниф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад...» (Подражание Гибуллу). <i>Из Байрона</i>	II, 346
«Сидят у окошка с папой...» (Поэт)	II, 69
Снепа («В лоне площади пологой...»)	III, 113
Спенский собор («Когда страшиться смерти ско- рой...»)	III, 114
«Сяжу за ширмой. У меня...»	I, 294

«Символ мой знаком отметить...» (Noli tangere circulos meos)	I, 364
«Синеет день хрустальный...»	I, 396
«Синеокая, бог тебя создал такой...»	III, 183
«Синие горы вдали...»	I, 476
Синий крест («Швейцар, поникнув головою...») . . .	I, 547
«Сирени бледные дождем к земле прибиты...» (После дождя)	I, 411
Сирий и Алконост («Густых кудрей откинув волны...») . . .	I, 403
«Скажи мне, Лигия, в каком краю далеком...» . . .	I, 379
Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...»)	II, 89
Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») . . .	II, 239
«Сквозь серый дым от края и до края...»	III, 201
«Сквозь тонкий пар сомнения...» (Ответ)	I, 537
«Скиталец задремал в пути...»	I, 515
Скифы («Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...»)	III, 360
«Скользили мы путем трамвайным...» (Продолжение «Стихов о предметах первой необходимости») . . .	III, 427
«Скользкая жаба-змея с мутно-ласковым взглядом...» . . .	II, 364
«Скрипка стонет под горой...»	I, 282
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...»	I, 135
«Слабеет жизни гул упорный...»	III, 103
«Сладко найти нам звезду...»	I, 509
«Словно молнии луч, словно гром из туч...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 396
Случайному («Ты мне явился, темнокудрый...») . . .	I, 360
«Слышу колокол. В поле весна...»	I, 191
Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...») . . .	I, 458
«Смеялись бедные невежды...»	I, 346
«Смолкали и говор, и шутки...»	I, 359
«Смотрел отвеса бог лукавый...» (При посылке роз) . . .	I, 353
«Смотри приветно и легко...»	I, 482
«Смотри — я отступаю в тень...»	I, 125
«Смотри: я спутал все страницы...» (Они читают стихи)	II, 245
«Смычок запел. И облак душевный...»	III, 217
Смятение («Мы ли — пляшущие тени?...»)	II, 248
Снег да снег («Снег да снег. Всю избу занесло...») . . .	II, 322
Снежная вязь («Снежная мгла взвилась...»)	II, 212

Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...») . . .	II, 267
«Снежная мгла взвилась...» (Снежная вязь)	II, 212
Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши ви- ной...»)	II, 211
«Снилось мне — у соленой волны...» <i>Из Исаакяна</i> . .	III, 397
«Снова ближе вечерние тени...»	I, 130
«Снова иду я пад этой пустынной равниной...»	I, 268
«Сновидец в розовой дремэ...» (Подражание)	II, 316
Сны («И пора уснуть, да жалко...»)	III, 266
«Сны безотчетны, ярки краски...»	I, 168
«Сны раздумий небывалых...»	I, 164
«Солнце сходит на запад. Молчанье...» (Вечерняя) . .	I, 317
Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») . . .	III, 240
Сольвейг («Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»)	II, 98
«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..» . . .	II, 126
«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...» (Соль- вейг)	II, 98
«Сомкни уста. Твой голос полн...»	I, 424
«Сомненья нет: мой печали...»	I, 426
Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...»)	III, 134
«Сон мой храните, возницы!..» (Реквием). <i>Из Плудо- ниса</i>	III, 399
«Сонный вздох онемелой волны...» (Взморье)	II, 39
София («В Дельфийском храме новый бог...»)	I, 457
Сочельник в лесу («Ризу накрест обвязав...»)	III, 368
Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей («Ког- да торжественно тщеславный кесарь Рима...»). <i>Из Байрона</i>	II, 357
«Спи. Да будет твой сон спокоен...» (Ночная)	I, 318
«Спите, больные и духом мятежные...»	I, 405
«Сплетались времена, сплетались страны...»	I, 500
«Спустилась мгла, туманами чревата...» (Моей ма- тери)	I, 31
«Спустись в подземные ущелья...»	I, 538
«Спят луга, спят леса...» (Колыбельная песня) . . .	II, 314
«Среди гостей ходил я в черном фраке...»	I, 307
«Среди поклонников Кармен...»	III, 232
Старик («Под старость лет, забыв святое...»)	I, 223
«Старинные розы...»	III, 171
«Старость мертвая бродит вокруг...».	II, 73

«Старуха гадала у входа...»	I, 264
Старушка и чертенята («Побывала старушка у Тропцы...»)	II, 20
Старые письма («Вот они, грустные, полные страстп...»)	I, 441
«Старый год уносит сны...»	I, 151
«Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев...» (Поэма)	I, 374
«Старый, старый сон. Из мрака...»	III, 38
Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугушный...»)	I, 310
Стихи («„Обыкновенная“ сегодня в духе...»)	I, 551
Стихи о предметах первой необходимости («Нет, клянусь, довольно Роза...»)	III, 426
«Стоит ли вечно томиться...»	I, 408
«Стоит полукруг зари...» (У моря)	II, 71
«Сторожим у входа в терем...»	I, 316
«Стою на царственном пути...»	I, 118
«Стою у власти, душой одиноч...»	I, 240
«Странно: мы шли одинокой тропою...»	I, 381
«Станных и новых ищу на страницах...»	I, 185
«Страстью длинной, безмятежной...»	III, 107
«Стремленья сердца непомерны...»	I, 519
«Строен твой стан, как церковные свечи...» (Девушка из Spoleto)	III, 101
Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу («Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...»). <i>Из Байрона</i>	II, 353
«Стучит топор, и с кампанил...» (Фьезоле)	III, 112
«Стучится тихо. Потом погромче...»	II, 336
«Сумерки, сумерки вешние...»	I, 119
«Сумрак дня песет печаль...»	I, 150
Сусальный ангел («На разукрашенную елку...»)	III, 133
Сфипкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...»)	I, 362
«Схороните, когда я умру...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 398
Сцена из исторической картины «Всемирная литература» («...В конце ж шестого тома Гейне, там...»)	III, 422
«Счастливая пора, дни юности мятежной!...»	I, 405
Сын и мать («Сын осеняется крестом...»)	II, 108
«Сын, ты стал великим из великих...» (Брут и Цезарь). <i>Из Шиллера</i>	III, 415

«Сырая почь и буря...» <i>Из Гейне</i>	III, 379
«Сырое лето. Я лежу...»	II, 334
Сытые («Они давно меня томили...»)	II, 180
«Та жизнь прошла...»	III, 220
«Табор шел. Вверху сверкали звезды...»	I, 384
«Тайно сердце просит гибели...» (Обреченный)	II, 249
«Так. Буря этих лет прошла...»	III, 92
Так было («Жизнь была стремленьем...»)	II, 51
«Так. Непременно всё, как было...»	II, 85
«Так — одинокой, легкой тенью...»	I, 468
«Так окрыленно, так напевно...»	II, 115
«Так. Я знал. И ты задул...»	I, 297
«Там, в почной завывающей стуже...»	II, 81
«Там, в полусумраке собора...»	I, 159
«Там — в синеве — была звезда...» (Жрец)	I, 362
«Там — в улице стоял какой-то дом...»	I, 192
«Там дамы щеголяют модами...»	II, 187
«Там жили все мои надежды...»	I, 460
«Там, за далью бесконечной...»	I, 337
«Там неба осветленный край...»	III, 264
«Там сумерки невнятно трепетали...»	I, 175
Твари весенние («Золотисты лица купальниц...»)	II, 12
«Твое лицо бледней, чем было...»	II, 183
«Твое лицо мне так знакомо...»	II, 138
«Твой образ чудится невольпо...»	I, 57
«Твоя гроза меня умчала...»	II, 124
«Тебе, поэт, в вечерней тишине...» (Е. А. Баратынскому)	I, 463
«Тебе, Тебе с иного света...»	I, 515
«Тебе, Чей Сумрак был так ярко...» (Почная)	I, 317
«Тебя в страньи чужие звали...»	I, 105
«Тебя скрывали туманы...»	I, 195
«Тебя я встречу где-то в мире...»	I, 214
«Темна и сумрачна была...»	I, 427
«Темная, бледно-зеленая...»	I, 301
«Темнеет небо. Туч гряда...»	I, 409
«Тёмно в комнатах и душно...»	I, 145
Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...»)	II, 242
«Теряет берег очертанья...»	I, 44
«Тихая белая горница...»	III, 366

«Тихая ночь, на улицах дрема...» <i>Из Гейне</i>	III, 382
«Тихо вечерние тени...»	I, 77
«Тихо вывела из компат...» (Неизбежное)	II, 246
«Тихо. И будет всё тише...» (Моей матери)	II, 72
«Тихо рассыпалась в небе ракета...» (Рассвет)	II, 56
«Тихо сердца глубины...» <i>Из Гейне</i>	III, 386
Тишина в лесу («Бушевали ночные метели...»)	III, 368
Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...»)	II, 114
«То не ели, не тонкие ели...» (Посещение)	III, 262
«То отголосок юных дней...»	I, 53
«Только платьем мимоходом...» <i>Из Гейне</i>	III, 387
«Травы спят красивые...»	I, 356
Трагедия в одном действии («Пора сместить!..»)	I, 549
Тревога («Сердце, слышишь...»)	II, 225
Три послания (3 стихотворения)	III, 162
«Три светлых царя из восточной страны...» <i>Из Гейне</i>	III, 383
Три стихотворения (3 стихотворения)	I, 484
31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...»)	I, 73
«Тропами тайными, ночными...»	III, 87
«Туда, где небо с океаном...»	I, 397
«Гуман скрывает берег отдаленный...»	I, 483
«Ты — божий день. Мои мечты...»	I, 173
«Ты — буйный зов рогов призывных...»	III, 214
«Ты был осыпан звездным цветом...»	II, 100
«Ты была светла до странности...»	I, 166
«Ты была у окна...»	I, 60
«Ты в комнате один сидишь...»	III, 76
«Ты в поля отошла без возврата...» (Вступление)	II, 7
«Ты, вечно юная! О, нет!..»	I, 440
«Ты всегда и всюду странно...»	I, 372
«Ты говоришь, что я дремлю...»	III, 211
«Ты горюшь над высокой горою...»	I, 120
«Ты далека, как прежде, так и ныне...»	I, 117
«Ты, Дельвиг, говоришь: минута — вдохновенье...» (Дельвигу)	I, 401
«Ты — думы вечной, вдохновенной...»	I, 465
«Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...»	I, 376
«Ты жил один! Друзей ты не искал...»	III, 218
«Ты — злая колдунья. Мой вчер в огне...»	I, 490
«Ты знаешь ли тайну свободы...»	I, 510

«Ты знаешь, что живу я...» Из Гейне	III, 382
«Ты и во сне необычайна...» (Русь)	II, 106
«Ты из шопота слов родилась...»	I, 366
«Ты — как отзвук забытого гимна...»	III, 236
«Ты кормчий — сам, учитель — сам...» (Заключение спора)	I, 538
«Ты ли это прозвучала...»	I, 471
«Ты мне явился, темнокудрый...» (Случайному) . . .	I, 360
«Ты много жил. Негодованье...»	I, 442
«Ты много жил, я больше пел...»	I, 5
«Ты, может быть, не хочешь угадать...»	I, 329
«Ты можешь по траве зеленой...»	II, 116
«Ты — молитва лазурная...»	I, 497
«Ты нам грозишь последним часом...» (Комста) . . .	III, 135
«Ты не научишь меня проклинать...»	I, 437
«Ты не обманешь, призрак бледный...»	I, 72
«Ты не пленишь. Не жди меня...»	I, 356
«Ты не получишь воздаянья...» (По православному) .	II, 339
«Ты не ушла. Но, может быть...»	I, 197
«Ты негодуешь справедливо...» (Л. В. Ходскому) . . .	I, 555
«Ты, о, Афина бессмертная...» (Последняя часть фи- лософской поэмы)	I, 467
«Ты оденешь меня в серебро...»	II, 37
«Ты открывал окно. Туман...» (Андрею Белому) . .	II, 313
«Ты отличишь ее на пире...» (Мэри)	I, 422
«Ты отошла, и я в пустыне...»	III, 246
«Ты отходишь в сумрак алый...»	I, 81
«Ты, отчаянье жизни моей...»	I, 495
«Ты перед ним — что стебель гибкий...» (Девушке) . .	II, 133
«Ты помнишь — в лодке в час заката...»	II, 339
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	III, 136
«Ты придешь и обнимешь...»	II, 93
«Ты пробуждалась утром рано...»	II, 333
«Ты просишь ответа на страшный вопрос...»	I, 435
«Ты простерла белые руки...»	I, 512
«Ты проходишь без улыбки...»	II, 177
«Ты прошла голубыми путями...»	I, 112
«Ты с вершин печальных гор...»	II, 327
«Ты святая, но я Тебе не верю...»	I, 233
«Ты смотришь в очи ясным зорям...»	II, 204
«Ты совершил над нею подвиг трудный...» (Двойнику)	I, 152

«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...»	I, 141
«Ты так светла, как снег певинный...»	III, 130
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» . . .	III, 156
«Ты у камина, склонив седины...»	I, 298
«Ты уходишь от земной юдоли...»	I, 129
«Ты хочешь знать мировоззренье...»	I, 400
«Ты хочешь царствовать поныне...»	I, 409
«Тяжелый занавес упал...»	I, 428
«Тяжкий, плотный занавес у входа...» (Шаги коман- дора)	III, 80
«Тяжко нам было под выюгами...»	II, 47
«Тянет ветром от залива...»	I, 491
«У берега зеленого на малой могиле...»	I, 276
У дверей («Я один шепчу заклатья...»)	I, 487
«У забытых могил пробивалась трава...»	I, 274
У моря («Стоит полукруг заре...»)	II, 71
«У окна не ветер бродит...»	I, 495
«Увижу я, как будет погибать...»	I, 51
Угар («Заплетаем, расплетаем...»)	II, 112
«Удалены от мира на кладбище...» (На могиле друга) . .	I, 485
«Уж вечер светлой полосой...»	III, 180
«Уж солнце за вершиной гор...» Из <i>Исаакяна</i> . . .	III, 393
«Ужасен холод вечеров...»	I, 208
«Уже бесстрашный и свободный...»	I, 489
«Уже бледнеет день прощальный...»	I, 345
«Уже над морем вечереет...»	III, 172
«Уже померкла ясность взора...»	III, 185
«Укрощение строптивой» («Зайди в хороший мага- зин...»)	III, 417
«Улица, улица...»	II, 162
«Умри, Флоренция, Иуда...»	III, 106
Унижение («В черных сучьях дерев обнаженных...») . .	III, 31
«Упоительно встать в ранний час...» (Утро в Москве)	III, 187
«Упорной колонной мы строимся там...» (Марш мерт- вцов). Из <i>Н. Рунберга</i>	III, 406
«Успи, пока для новой жизни...»	I, 407
«Усните блаженно, заморские гости, усните...» . . .	III, 167
Успение («Ее спеленутое тело...»)	III, 120
«Успокоительны, и чудны...»	I, 489
«Устал я. Смерть близка. К порогу...»	I, 443

Усталость («Кому назначен темный жребий...») . . .	II, 128
«Усталый ветер в камышах шептал...»	I, 396
«Усталый от дневных блужданий...»	I, 10
«Усталым душам вдруг сдается...»	I, 447
«Утихает светлый вечер...»	II, 82
«Утомленный, я терял надежды...»	I, 184
«Утреет. С богом! По домам!..» (Седое утро)	III, 207
Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») . . .	I, 317
«Утро брежжит. День грозит несчастьем...»	I, 450
Утро в Москве («Упонтельно встать в ранний час...») .	III, 187
«Уходит день. В пыли дорожной...»	I, 163
Учитель («Кончил учитель урок...»)	II, 321
«Ушел он, скрылся в ночь...»	I, 229
«Ушел я в белую страну...»	I, 524
«Ушла. Но гиацинты ждали...»	II, 258
«Ушли в туман мечтания...»	I, 505
Фабрика («В соседнем доме окна желты...»)	I, 302
«Фиолетовый запад гнетет...»	II, 38
Ф л о р е н ц и я (7 стихотворений)	III, 106
«Флоренция, ты ирис нежный...»	III, 107
Фьезоле («Стучит топор, и с кампанил...»)	III, 112
«Ходит, бродит, колобродит...»	II, 336
«Ходит месяц по волне...»	I, 479
«Хожу, брожу понурый...»	II, 199
«Хожу по камням старых плит...»	I, 341
«Холодный ветер от лагуны...»	III, 102
Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») .	II, 191
Хор татар («Идут века...»)	III, 373
«Хоронил я тебя и, тоскуя...»	I, 506
«Хотел я, воротясь домой...»	III, 428
«Хоть всё по-прежнему певец...»	I, 43
«Хранила я среди младых созвучий...»	I, 132
«Хрустальный твой бокал — и буря...»	III, 365
Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») . .	III, 145
«Царица смотрела заставки...»	I, 249
«Целый год не дрожало окно...»	I, 258
«Целый день передо мною...»	I, 174

«Целый день — суета у могил...»	I, 486
Цирцея («Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...»). <i>Из Леконта</i>	II, 359
«Часовая стрелка близится к полнóчи...»	III, 170
«Часто в мысли гармония спит...»	I, 466
«Чей-то обмачивый голос поет...» (Голос)	I, 338
«Чем больней душе мятежной...» (Моей матери)	I, 83
«Чем больше хочешь отдохнуть...»	III, 79
Через двенадцать лет (8 стихотворений)	III, 182
«Через песчаные пустыни...»	I, 472
Черная Дева («В дальних северных туманах...»)	I, 427
Черная кровь (9 стихотворений)	III, 54
«Черный ворон в сумраке снежном...»	III, 162
«Черты знакомых лиц...»	I, 482
«Чертя за кругом плавный круг...» (Жоршуп)	III, 281
«Что будет в сердце, в мыслях и в уме...»	I, 385
«Что было год назад? всё то же...»	I, 446
«Что же ты потупилась в смущеньи?..» (Перед судом)	III, 151
«Что из того, что на груди портрет...»	I, 388
«Что, красавица, довольно ты царила...» (Песенка)	I, 392
«Что на свете выше...» (На чердаке)	II, 205
«Что с тобой — не знаю и не скрою...»	I, 303
«Что сделали из берега морского...» (В северном море)	II, 303
«Что ты, Мэрион, так грустна?..» (Посвящается Мэрион). <i>Из Байрона</i>	II, 347
«Чудесно всё, что узнаю...»	II, 339
«Чулков и я стрелой амура...»	II, 362
«Чулков „Одною ночью“ занят...»	II, 363
«Чуть не в каждой галлерее...» (Пролог). <i>Из Гейне</i>	III, 389
Шаги («В зимний вечер, когда запирались...»). <i>Из Верхарна</i>	II, 342
Шаги командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...»)	III, 80
«Шар раскаленный, золотой...»	III, 200
«Швейцар, поникнув головою...» (Синий крест)	I, 547
«Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...» (Сфинкс)	I, 362
«Шел я по улице, горем убитый...» (Перстень-Страдапье)	II, 179

«Шепчутся тихие волны...» (Памяти А. А. Фета) . . .	I, 395
«Шлейф, забрызганный звездами...»	II, 105
«Шли мы стезею лазурною...»	I, 38
«Шли на приступ. Прямо в грудь...»	II, 59
Екклесиаст («Благословляя свет и тень...»)	I, 220
Эпитафия Фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...»). <i>Из Полицана</i>	III, 121
Эскиз («Глаза младенчески открыты...»)	I, 402
Этюд («Прощайте, дайте руку Вашу...»)	I, 372
Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимаю...»)	II, 23
Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...»)	III, 138
«Я Атлас злополучный! Целый мир...» <i>Из Гейне</i> . . .	III, 383
«Я бандит, я бандит!..» (Корреспонденция Бальмонта из Мексики)	II, 361
«Я бежал и спотыкался...»	I, 293
«Я бремя похитил, как тать...»	I, 131
«Я брошусь в черный день со скал...»	I, 493
«Я буду факел мой блюсти...»	I, 246
«Я был весь в пестрых лоскутках...»	I, 277
«Я был невенчан. Премудрость храня...»	I, 368
«Я был смущенный и веселый...»	II, 256
«Я в дольний мир вошла, как в ложу...»	II, 257
«Я в старом сказочном лесу!..» <i>Из Гейне</i>	III, 384
«Я в четырех стенах — убитый...»	II, 197
«Я вам поведал неземное...»	II, 169
«Я видел мрак дневной и свет ночной...» (<i>Ἀγχα Δογματά</i>)	I, 56
«Я видел огненные знаки...» (Неоконченная поэма) . . .	II, 311
«Я видел сон: мы в древнем склепе...» (Сон)	III, 134
«Я вижу блеск, забытый мной...»	III, 210
«Я возвращусь стопой тяжелой...» (После битвы) . . .	I, 463
«Я восходил на все вершины...»	II, 36
«Я всё гадаю над тобою...»	I, 123
«Я встал и трижды поднял руки...» (Рассвет)	I, 368
«Я встретил вновь тебя, поэт...» (Поэту)	I, 413
«Я вырезал посох из дуба...»	I, 273

«Я вышел в ночь — узнать, понять...»	I, 215
«Я вышел. Медленно сходили...»	I, 75
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»	III, 91
«Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...»	III, 54
«Я говорил при вас с тоской...»	I, 432
«Я долго ждал — ты вышла поздно...»	I, 143
«Я долго странствовал по свету...» (Идеал и Сириус)	I, 382
«Я думал, что умру сегодня к ночи...»	I, 393
«Я ее победил, наконец!...»	III, 57
«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»	II, 150
«Я жалок в глубоком бессильи...»	I, 491
«Я ждал под окнами в тени...»	I, 521
«Я жду призыва, ищу ответа...»	I, 108
«Я живу в глубоком покое...»	II, 40
«Я живу в отдаленном скиту...»	II, 11
«Я живу в отдаленном скиту...» (Арпя невесты)	III, 374
«Я живу в пустыне...»	I, 533
«Я знаю день моих проклятий...»	I, 188
«Я знаю, смерть близка. И ты...»	I, 62
«Я знаю, ты близкая мне...» (Бред)	II, 87
«Я зол и слаб. Земное море...»	I, 414
«Я и без веры живой...»	I, 387
«Я и мир — снега, ручьи...»	I, 193
«Я и молод, и свеж, и влюблен...»	I, 207
«Я, пзнуренный и премудрый...»	I, 244
«Я искал голубую дорогу...»	I, 254
«Я их хранил в приделе Иоанна...»	I, 239
«Я к людям не выйду навстречу...»	I, 260
«Я коротаю жизнь мою...»	III, 28
«Я кую мой меч у порога...»	I, 540
«Я ли пишу, или ты из могилы...»	I, 139
«Я ломаю слоистые скалы...» (Соловьиный сад)	III, 240
«Я медленно сходил с ума...»	I, 181
«Я — меч, заостренный с обенх сторон...»	I, 286
«Я мпновал закат багряный...»	II, 137
«Я мог бы ярче просиять...»	I, 536
«Я могуч и велик ворожбаю...» (Ворожба)	I, 481
«Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо...» (Любовь и смерть). Из Байрона	II, 354
«Я падел разноцветные перья...»	I, 242
«Я насадил мой светлый рай...»	II, 261

«Я не звал тебя — сама ты...»	III, 174
«Я не люблю пустого словаря...» (В дюнах)	II, 306
«Я не предал белое знамя...»	III, 277
«Я неверную встретил у входа...»	II, 274
«Я недаром боялся открыть...»	I, 84
«Я — непокорный и свободный...» (На страже)	II, 215
«Я никогда не понимал...»	I, 465
«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»	I, 333
«Я облачился перед битвой...» (Боец)	I, 514
«Я одни шепчу заклатья...» (У дверей)	I, 487
«Я опять на подмостках. Мерцают опять...»	I, 434
«Я, отрок, зажигаю свечи...»	I, 204
«Я — песельник. Я девок вывожу...» (Песельник)	II, 335
«Я помню вечер. Шли мы разно...»	I, 410
«Я помню длительные муки...»	II, 292
«Я помню нежность ваших плеч...»	III, 369
«Я помню тихий мрак и холод с высоты...»	I, 505
«Я помню час глухой, бессонной ночи...»	I, 104
«Я понял смысл твоей печали...»	I, 467
«Я понял смысл твоих стремлений...»	I, 80
«Я пригвожден к трактирной стойке...»	III, 168
«Я прихожу к тебе не дважды...»	III, 365
«Я прогнал тебя кнутом...» (Болотные чертепятки)	II, 10
«Я прокрадусь ночью сонной...»	I, 483
«Я проснулся внезапно в ночной тишине...» (Кошмар)	I, 432
«Я просыпался и всходил...»	I, 219
«Я — свободный глашатай веков...» (Голоса)	I, 518
«Я сегодня не помню, что было вчера...»	III, 69
«Я смотрел на слепое людское строение...»	I, 248
«Я сойду и намечу...»	II, 318
«Я стар душой. Какой-то жребий черный...»	I, 22
«Я стремлюсь к роскошной воле...»	I, 9
«Я сходил в стремнины горные...»	I, 466
«Я — тварь дрожащая. Лучами...»	I, 190
«Я тишиною очарован...»	I, 497
«Я только рыцарь и поэт...» (Встречной)	III, 164
«Я увидел во сне: колыхаясь, вьась...» <i>Из Исаакяна</i>	III, 395
«Я укрыт до времени в приделе...»	I, 161
«Я умер. Я пал от рапы...»	I, 365

«Я умирал. Ты расцветала...»	I, 448
«Я ухо приложил к земле...»	III, 86
«Я — человек и мало богу равен...»	I, 421
«Я шел во тьме дождливой ночи...»	I, 40
«Я шел во тьме к заботам и вселью...»	I, 382
«Я шел — и вслед за мною шли...»	I, 155
«Я шел к блаженству. Путь блестел...»	I, 20
«Яблони сада вырваны...»	III, 375
«Явился он на стройном бале...»	I, 227
«Ярким солнцем, сипей далью...»	I, 35

СОДЕРЖАНИЕ*

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ТРЕТЬЯ (1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР (1909—1916)

К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...»)	7	501
«Под шум и звон однообразный...»	9	501
«В эти желтые дни меж домами...»	10	501
«Из хрустального тумана...»	11	501
Двойник («Однажды в октябрьском тумане...»)	13	502
Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...»)	15	502
«Поздней осенью из гавани...»	19	502
На островах («Вновь оснежённые колонны...»)	20	503
«С мирным счастьем покончены счеты...»	22	503
«Седые сумерки легли...»	23	503
«Дух пряный марта был в лунном круге...»	24	503
В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...»)	25	504
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...»)	26	504
«Как тяжело ходить среди людей...»	27	506
«Я коротаю жизнь мою...»	28	506
«Идут часы, и дни, и годы...»	29	506
Унижение («В черных сучьях дерев обнаженных...»)	31	506
Авиатор («Летун отпущен на свободу...»)	33	506
«Повеселясь на буйном пире...»	35	507

П л я с к и с м е р т и

1. «Как тяжело мертвецу среди людей...»	36	507
2. «Ночь, улица, фонарь, аптека...»	37	507

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивная) — страницу примечаний.

3. «Пустая улица. Один огонь в окне...»	38	507
4. «Старый, старый сон. Из мрака...»	38	507
5. «Вновь богатый зол и рад...»	39	507
«Мир летит. Годы летят. Пустая...»	41	508
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	42	508
«Есть игра: осторожно войти...»	43	508
«Как растет тревога к ночи!..»	45	508
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	46	508

Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я

1. «Весь день — как день: трудов исполнен ма- лых...»	47	508
2. «Поглядите, вот беспильный...»	48	509
3. «Всё свершилось по писаньям...»	48	509
4. «Когда невзначай в воскресенье...»	49	509
5. «Пристал ко мне нищий дурак...»	50	509
6. «День проходил, как всегда...»	50	510
7. «Греси, пока тебя волнуют...»	52	511
8. «Когда осилила тревога...»	53	511

Ч е р н а я к р о в ь

1. «В пол-оборота ты встала ко мне...»	54	511
2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...»	54	511
3. «Даже имя твоё мне презренно...»	55	511
4. «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...»	55	512
5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад...»	56	512
6. «Испугом схвачена, влекома...»	56	512
7. «Ночь — как века, и томный трепет...»	57	513
8. «Я её победил, наконец!..»	57	513
9. «Над лучшим созданием божьим...»	58	514

Демон («Иди, иди за мной — покорной...»)	60	515
Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...»)	62	515

ВОЗМЕЗДИЕ (1908—1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе...»	64	516
Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...»)	66	517

«Она, как прежде, захотела...»	67	517
«Ночь — как ночь, и улипа пустынна...»	68	517
«Я сегодня не помню, что было вчера...»	69	517
На смерть младенца («Когда под заступом холодным...»)	70	518
«Когда я прозревал впервые...»	71	518
«Дохнула жизнь в лицо могиллой...»	72	518
«Когда, вступая в мир огромный...»	73	518
«Весенний день прошел без дела...»	74	518
«Какая дивная картина...»	75	518
«Ты в комнате один сидишь...»	76	518
«Кольцо существования тесно...»	78	519
«Чем больше хочешь отдохнуть...»	79	519
Шаги командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...»)	80	519
«Мой бедный, мой далекий друг!..»	82	520
«Как свершилось, как случилось?...»	83	520

ЯМБЫ
(1907—1914)

«О, я хочу безумно жить...»	85	521
«Я ухо приложил к земле...»	86	521
«Тропами тайными, ночными...»	87	522
«В голодной и больной неволе...»	88	523
«Не спят, не помнят, не торгуют...»	89	523
«О, как смеялись вы над нами...»	90	523
«Я — Гамлет. Холодсет кровь...»	91	523
«Так. Буря этих лет прошла...»	92	524
«Да. Так диктует вдохновенье...»	93	524
«Когда мы встретились с тобой...»	94	526
«Земное сердце стынет вновь...»	95	526
«В огне и холоде тревог...»	96	526

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ
(1909)

Равенна («Всё, что минутно, всё, что бrenно...»).	98	527
«Почует в мире Теодорих...»	100	528
Девушка из Spoleto («Строен твой стап, как церковные свечи...»)	101	528

Венеция

1. «С ней уходил я в море...» 102 529
2. «Холодный ветер от лагуны...» 102 529
3. «Слабеет жизни гул упорный...» 103 531

Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») . . . 105 532

Флоренция

1. «Умри, Флоренция, Иуда...» 106 532
2. «Флоренция, ты прискнежный...» 107 534
3. «Страстью длинной, безмятежной...». 107 534
4. «Жгут раскаленные камни...» 108 534
5. «Окна ложные на небе черпом...» 108 534
6. «Под зноем флорентийской лени...» 108 534
7. «Голубоватым дымом...» 109 534

«Вот девушка, едва разившись...» 110 535

Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») 111 535

Фьезоле («Стучит топор, и с кампанил...») 112 535

Сиена («В лоне площади пологой...») 113 535

Сиенский собор («Когда страшишься смерти скорой...») 114 536

«Искусство — ноша на плечах...» 115 537

«Глаза, опущенные скромно...» 116 537

Благовещение («С детских лет — видения и грезы...») . . 118 538

Успение («Ее спеленутое тело...») 120 539

Эпитафия Фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь,
Филипп, живописец навеки бессмертный...») . . . 121 540

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908—1916)

За гробом («Божья мать Утоли мои печали...») . . . 123 540

Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...»). . . 125 540

Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») . . . 127 540

«Когда замрут отчаянье и злоба...» 129 542

«Ты так светла, как снег невинный...» 130 542

«Всё это было, было, было...» 131 543

Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») . . . 133 544

Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...») 134 544

Комета («Ты нам грозишь последним часом...») . . . 135 544

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	136	545
«Благословляю всё, что было...»	137	545

П о с л а н и я

Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...»)	138	546
Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таин- ственный...»)	139	547
Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...»)	140	548
Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...»)	141	549
Анне Ахматовой («„Красота страшна“ — Вам ска- жут...»)	143	550
«И вновь — порывы юных лет...»	144	550
Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...»)	145	551
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»	147	551
Женщина («Да, я извела все муки...»)	149	551
Перед судом («Что же ты потушилась в смущеньи?..»)	151	552
Антверпен («Пусть это время далеко...»)	153	552
«Похоронят, зароят глубоко...»	154	553
«На улице — дождик и слякоть...»	155	554
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...»	156	554

А Р Ф Ы И С К Р И П К И

(1908—1916)

«Свирель запела на мосту...»	158	554
«Душа! Когда устанешь верить?..»	159	554
«И я любил. И я извела...»	160	555
«Май жестокий с белыми ночами!..»	161	556

Т р и п о с л а н и я

1. «Всё помнит о весле вздыхающем...»	162	557
2. «Черный ворон в сумраке снежном...»	162	557
3. «Знаю я твое льстивое имя...»	163	558
Встречной («Я только рыцарь и поэт...»)	164	558

М э р и

1. «Опять у этой двери...»	165	558
--------------------------------------	-----	-----

2. «Жениха к последней двери...»	165	558
3. «Косы Мэри распушены...»	166	558
«Усните блаженно, заморские гости, усните...»	167	559
«Я пригвожден к трактирной стойке...»	168	559
«Не затем величал я себя паладином...»	169	560
«Часовая стрелка близится к полночи...»	170	560
«Старинные розы...»	171	562
«Уже над морем вечереет...»	172	563
«Всё б тебе желать веселья...»	173	563
«Я не звал тебя — сама ты...»	174	563
«Грустя и плача и смеясь...»	175	564
«Опустись, занавеска линиялая...»	176	564
«Мой милый, будь смелым...»	177	564
«Не венчал мою голову траурный лавр...»	178	564
«Покойник спать ложится...»	179	565
«Уж вечер светлой полосой...»	180	565
«Здесь в сумерки в конце зимы...»	181	565

Через двенадцать лет

1. «Всё та же озерная гладь...»	182	565
2. «В темном парке под ольхой...»	182	566
3. «Когда мучительно восстали...»	183	566
4. «Синеокая, бог тебя создал такой...»	183	567
5. «Бывают тихие минуты...»	184	567
6. «В тихий вечер мы встречались...»	184	567
7. «Уже померкла ясность взора...»	185	568
8. «Всё, что память сберечь мне старается...»	185	568
Утро в Москве («Упопательно встать в ранний час...»)	187	568
«Как прощались, страстно клялись...»	188	568
«Всё на земле умрет — и мать, и младость...»	189	569
На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...»)	190	569
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...»)	192	570
На Пасхе («В сапогах бутылками...»)	193	570
«Когда-то гордый и надменный...»	194	570
«Где отдается в длинных залах...»	195	570
«Сегодня ты на тройке звонкой...»	196	571
«В неуверенном, зыбком полете...»	197	571
«Без слова мысль, волнение без названья...»	198	571
«Ветр налетит, завоюет снег...»	199	571

«Шар раскаленный, золотой...»	200	571
«Сквозь серый дым от краю и до краю...»	201	571
«Есть минуты, когда не тревожит...»	202	572
«Болотистым, пустынным лугом...»	203	572
Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...»)	204	572
«В небе — день, всех почей суеверней...»	205	572
«В сыром почном тумане...»	206	572
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!...»)	207	572
«Есть времена, есть дни, когда...»	209	573
«Я вижу блеск, забытый мной...»	210	573
«Ты говоришь, что я дремлю...»	211	574
«Ваш взгляд — его мне подстеречь...»	212	574
«Натянулись гитарные струны...»	213	574
«Ты — буйный зов рогов призывных...»	214	574
«Как день, светла, но непонятна...»	215	574
«Петербургские сумерки снежные...»	216	574
«Смычок запел. И облак душный...»	217	574
«Ты жил один! Друзей ты не искал...»	218	574
«Превратила всё в шутку сначала...»	219	575
«Та жизнь прошла...»	220	575
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»	221	575
«Разлетясь по всему небосклону...»	222	575
«Он запесен — сей жезл железный...»	223	575
«Пусть я и жил, не любя...»	224	576
«Протекли за годами года...»	225	576
«За горами, лесами...»	226	576

КАРМЕН

(1914)

«Как океан меняет цвет...»	227	577
«На небе — празелень, и месяца осколок...»	229	577
«Есть демои утра. Дымно-светел он...»	230	577
«Бушует снежная весна...»	231	578
«Среди поклонников Кармен...»	232	578
«Сердитый взор бесцветных глаз...»	233	578
«Вербы — это весенняя таль...»	235	579
«Ты — как отзвук забытого гимна...»	236	579
«О да, любовь вольна, как птица...»	237	579
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»	239	579

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») 240 579

РОДИНА

(1907—1916)

«Ты отошла, и я в пустыне...» 246 585
 «В густой траве пропадешь с головой...» 247 585
 «Задебренные лесом кручи...» 248 585

На поле Куликовом:

1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» . . . 249 588
 2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» . . . 250 589
 3. «В ночь, когда Мамай залег с ордюю...» . . . 250 589
 4. «Опять с вековой тоскою...» 251
 5. «Опять над полем Куликовым...» 252 589

Россия («Опять, как в годы золотые...») 254 590

«Вот он — ветер...» 256 592

Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») 257 592

«Дым от костра струею сизой...» 258 592

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...» 259 592

На железной дороге («Под насыпью, во рву некошен-
 ном...») 260 593

Посещение («То не ели, не тонкие ели...») 262 594

«Там неба осветленный край...» 264 595

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» 265 595

Сны («И пора уснуть, да жалко...») 266 596

Новая Америка («Праздник радостный, праздник ве-
 ликий...») 268 596

«Ветер стих, и слава зарева...» 271 597

Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») 272 597

«Грешить бесстыдно, непробудно...» 274 598

«Петроградское небо мутилось дождем...» 275 598

«Я не предал белое знамя...» 277 599

«Рожденные в года глухие...» 278 599

«Дикий ветер...» 279 600

Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») 281 601

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР
(1913)

«Мы забыты, одни на земле...»	282	601
«Поет, поет...»	284	601
«Милый друг, и в этом тихом доме...»	286	602
«Из ничего — фонтаном спним...»	287	602
«Вспомнил я старую сказку...»	288	602
«Было то в темных Карпатах...»	290	602

ВОЗМЕЗДИЕ

Предисловие	295	602
Пролог («Жизнь — без начала и конца...»)	301	
Первая глава («Век девятнадцатый, железный...»)	304	
Вторая глава («Вступление») («В те годы дальние, глухие...»)	328	
Третья глава («Отец лежит в „Аллее роз“...»)	332	

ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

Двенадцать («Черный вечер...»)	347	625
Скифы («Мильовы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...»)	360	630

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
(1909—1921)**

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я прихожу к тебе не дважды...»	365	631
«Хрустальный твой бокал — и буря...»	365	631
«Как из сумрачной гавани...»	366	632
«Тихая белая горница...»	366	632
«Голубые ходят ночи...»	366	632
«Люблю я страсти легкий пламень...»	366	632

На лугу («Леса вдали виднее...»)	367	632
Ворона («Вот ворона на крыше покатоЙ...»)	367	632
Тишина в лесу («Бушевали ночные метелл...»)	368	632
Сочельник в лесу («Ризу накрест обвязав...»)	368	632
«Я помню нежность ваших плеч...»	369	632
«Распушилась, раскачнулась...»	370	633
«Милая девушка, что ты колдуешь...»	370	633
«От знающего почерк ясный...»	371	634
«В своих мы прихотях невольны...»	371	634
Э. Гиппиус («Женщина, безумная гордячка!...»)	372	634
Русский бред («Зачинайся, русский бред...»)	372	635
«Вы жизнь по-прежнему нисколько...»	373	636

На поле Куликовом

1. Хор татар («Идут века...»)	373	636
2. Ария невесты («Я живу в отдаленном скиту...»)	374	636
«Яблони сада вырваны...»	375	636
Две надписи на сборнике «Седое утро»		
1. «Вы предназначены не мне...»	375	636
2. «Едва в глубоких снах мне снова...»	375	636
Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...»)	376	637

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

Опять на родне

1. «В этой жизни слишком темной...»	378	638
2. «Не знаю, что значит такое...»	378	638
3. «Сырая ночь и буря...»	379	638
4. «Красавица рыбачка...»	380	638
5. «Играет буря танец...»	380	638
6. «Вечер пришел безмолвный...»	381	638
7. «На дальнем горизонте...»	382	638
8. «Тихая ночь, на улицах дрема...»	382	638
9. «Ты знаешь, что живу я...»	382	638
10. «Я Атлас злополучный! Целый мир...»	383	638
11. «Племена уходят в могилу...»	383	638
12. «Три светлых царя из восточной страны...»	383	638

«Когда-то в этом зале...»	384	638
«Я в старом сказочном лесу!..»	384	638
«Вот май опять повеял...»	386	638
«Тихо сердца глубины...»	386	638
«Только платьем мимоходом...»	387	638
«Гуляю меж цветамн...»	387	638
«Как луна дрожит на лопе...»	387	638
«Альянс священный прочно...»	388	638
«Опять воскрешает мне память...»	388	638
«Своим письмом напрасно...»	389	638
Пролог («Чуть не в каждой галлерее...»)	389	638

АВЕТИК ИСААКЯН

М о е й м а т е р и

1. «От родимой страны удалился...»	390	639
2. «Мне грезится: вечер мирен и тих...»	391	639
«Ал-злат наряд — мой детка рад...»	391	639
«Был бы на Аразе у меня баштан...»	392	639
«Быстролетный и черный орел...»	392	639
«Во долине, в долине Сално боевой...»	392	639
«Под алмазным венцом...»	393	639
«Уж солнце за вершиной гор...»	393	639
«Караван мой бренчит и плетется...»	394	639
«Издаലെка в тиши ночной...»	395	639
«Я увидел во сне: колыхаясь, виясь...»	395	639
«Да, я знаю всегда — есть чужая страна...»	395	639
«Видит лань — в воде...»	396	639
«Словно молнии луч, словно гром из туч...»	396	639
«От алой розы, розы любви...»	397	639
«Не глядись в черный взор...»	397	639
«Спилось мне — у соленой волны...»	397	639
«Ночью в саду у меня...»	398	639
«В разливе утренних лучей...»	398	639
«Схороните, когда я умру...»	398	639

ПЛУДОНИС

Реквием («Сон мой храните, возницы!..»)	399	640
---	-----	-----

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Л. Онерва

Не страшусь («Не страшусь, пускай могила...») 403 641

И. Л. Рунеберг

Наш край («Наш край, наш край, наш край родной...») 403 641

Лебедь («Июньский вечер в облаках...») 405 641

И. Рунеберг

Марш мертвецов («Упорной колонной мы строимся там...») 406 641

Э. Топелиус

Рабочая песня («Рабочие-друзи, наш радостен труд...») 407 641

Млечный Путь («Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна...») 408 641

Летний день в Кангасала («Качаюсь на верхней ветке...») 409 641

Я. Тегенрен

Земля есмь («Мечтать о небесном царстве...») 411 641

СЕМ БЕНЕЛЛИ

Р в а н ы й п л а щ

1. Песенка для Герардó («Карнавал, вертлявый бес...») 412 641

2. Монолог Изумруда («Ваш умный спор, синьоры, бесполезен...») 412 641

ШЕКСПИР

Песенка Дездемоны («В тени сикоморы душа, изнывая...») 414 642

ШИЛЛЕР

Брут и Цезарь («Сын, ты стал великим из великих...») 415 642

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

⟨А в т о п а р о д и и⟩

1. «За сучок сухой березы месяц зацепился...»	416	642
2. «Мне снилось недавно. Как будто в театраль- ном...»	416	642
«Укрощение строптивой» («Зайди в хороший магазин...»)	417	642
Спека из исторической картины «Всемирная литература» («...В конце ж шестого тома Гейне, там...»)	422	643
Enjambements («Давид Самуилыч! Едва...»)	426	645
Стихи о предметах первой необходимости («Нет, клянусь, довольно Роза...»)	426	645
Продолжение «Стихов о предметах первой необходимо- сти» («Скользили мы путем трамвайным...»)	427	646
«Хотел я, воротясь домой...»	428	646
«Как всегда, были смешаны чувства...»	428	646

ПРИЛОЖЕНИЯ

К «СТИХОТВОРЕНИЯМ»

Из примечаний к сборнику «Снежная ночь»	433	
---	-----	--

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. Первая редакция поэмы	434	646
2. «Матерьялы для поэмы»	444	647
3. Планы поэмы	460	648
4. Наброски продолжения второй главы	465	648
5. Наброски продолжения третьей главы	471	648

К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

Из «Записки о „Двенадцати“»	474	649
---------------------------------------	-----	-----

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕЙНЕ, РЕДАКТИРОВАННЫЕ А. БЛОКОМ

1. «Глаза мне ночь покрыла...»	476	649
2. «Жил-был король суровый...»	477	649
3. Поле битвы при Гастингсе («Аббат Вальдгэма тяжело...»)	478	649

4. «Весенней ночи прекрасный взор...»	481	649
5. «Люблю я цветок, но не знаю который...»	482	649
6. «Все деревья зазвучали...»	482	649
7. «В начале был лишь соловей...»	483	649
8. «Весенней ночью, в теплый час...»	483	649
9. «Ах, я слез любовных жажду...»	484	649
10. «Глаза весны синеют...»	484	649
11. «Мечтательно лилея...»	484	649
12. «Если только ты не слеп...»	484	649
13. «Что ночью весенней носишься ты?..»	485	649
14. «Снова сердце покорилось...»	485	649
15. «Тебя люблю я — неизбежно...»	486	649
16. «Разве прежде сны не свилсь...»	486	649
17. «Поцелуями впотемках...»	487	649
18. «Утром шлю тебе фиалки...»	487	649
19. «Цветут желанья нежно...»	488	649
20. «Протянулось надо мною...»	488	649
21. «Застыло сердце в скуке безотрадной...»	488	649
22. «Небо, как всегда, невзрачно!..»	489	649
23. «Что я любим, я знаю...»	489	649
24. «Мы здесь построим на скале...»	489	649
25. «Над побережьем ночь серест...»	490	649
26. «Взыскан я улыбкой бога...»	491	649
27. «Кил я верою одною...»	491	649
28. «Вдвоём на улпчном углу...»	492	649
29. «Не знаю, что стало со мною...»	492	649
30. «Глядели мы в море, сидя...»	493	649
31. «Златит снхпем волны...»	494	649
32. «Вечер пришел безмолвный...»	494	649
33. «В лучах вечерних вал сверкал...»	495	649
34. «Они любили друг друга...»	496	649
35. «Щекой к щеке моей прижмись...»	496	649

П р и м е ч а н и я

Сокращения, принятые в примечаниях	499
Примечания	501
К иллюстрациям	650

Алфавитный указатель стихотворных произведений

А. Блока (к томам I—III)	651
------------------------------------	-----

Александр Александрович

БЛОК

Собрание сочинений, т. 3

Редактор А. Бихтер

Художественный редактор

Л. Чалова

Технический редактор

Л. Крючкина

Корректор О. Семенова-

Тян-Шанская

Сдано в набор 15/III 1960 г.

Подписано к печати 3/VI 1960 г.

Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 22,375 печ.

л. — 36,69 усл. печ. л. Уч.-изд. л.

28,618 + 1 вкл. — 28,654 л. Тираж

200 000 экз. Заказ № 590.

Цена 11 р.

С 1/I 1961 г. цена 1 р, 10 к.

Гослитиздат

Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного

хозяйства. Управление полигра-

фической промышленности, Типо-

графия № 1 «Печатный Двор»

им. А. М. Горького

Ленинград, Гатчинская, 26

